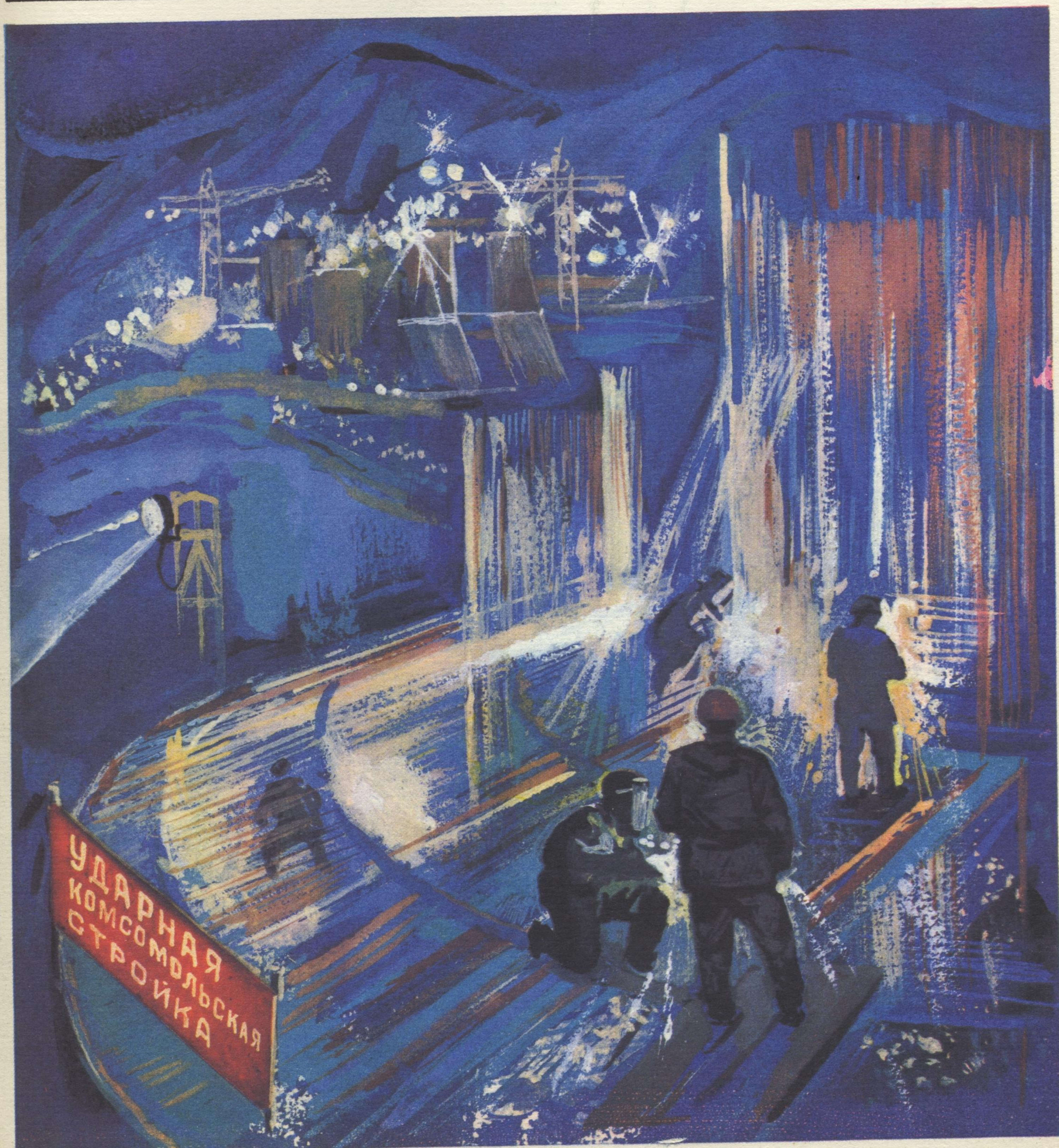


КОСТЁР

ISSN 0130-2574

10

ОКТЯБРЬ 1982



УДАРНАЯ
КОМСОМОЛЬСКАЯ
СТРОЙКА

КОСТЁР

10

ОКТАБРЬ

1982

Ежемесячный журнал
ЦК ВЛКСМ

Центрального Совета
Всесоюзной пионерской
организации им. В. И. Ленина

Союза писателей СССР

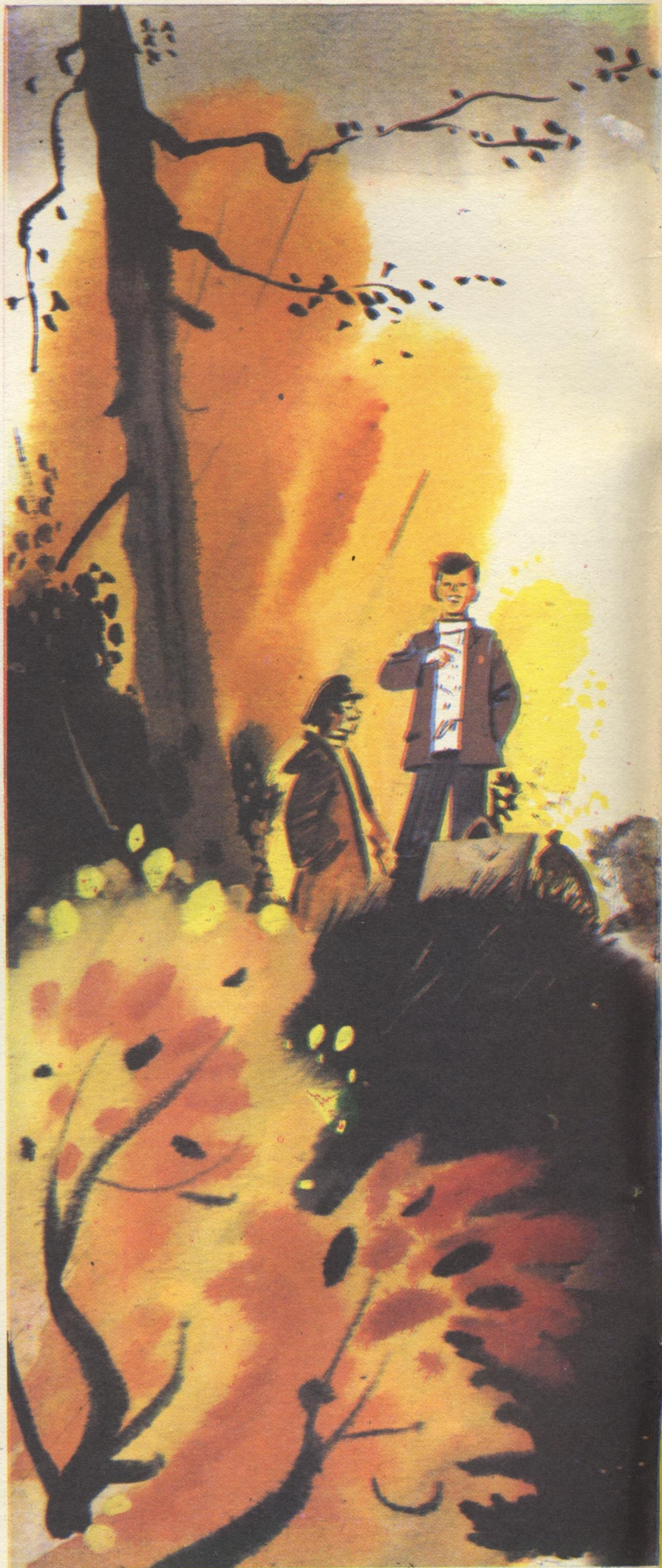
Издаётся с 1936 года

© «Костёр», 1982 г.

ЖУРНАЛ ПЕЧАТАЕТ:

Адреса называет съезд	2
Подарю сыну город очерк А. Гостомыслова	4
Наш герб стихи Ярослава Смелякова	7
Встреча с волшебниками сказка Дж. Родари	8
Барабан	10
Однажды в Шишкино весной... повесть Т. Чинаревой	14
На берегу янтарного моря к 60-летию СССР	22
По списку рассказ Н. Федорова	24
Дорогие мои учителя очерк Е. Матвеевой	26
Памятник в горах очерк Г. Черкашина	30
Они рисуют для вас	32
Школа будущих командиров	36
По следам русских первопроходцев о клубе юных географов Яснополянской школы	38
Арчбек	41
Морская газета	42
Веселый звонок	44
Спортклуб «Кузнечик»	46

На обложке
рисунок Д. Титова



ГОРОД НА ЗАРЕ

Этот город стоит на Дальнем Востоке. Его имя сегодня знают все: Комсомольск-на-Амуре.

В 1931 году Правительственной комиссии было поручено исследовать четыре с половиной тысячи километров по берегам Амура, чтобы выбрать место для строительства нового города.

Это было трудное, а порою и опасное дело. Самолет, на котором летали инженеры и специалисты, вынужден был садиться на маленькие таежные поляны. Путешествие на небольших суденышках и рыбацких лодках связано с еще большим риском. Ведь местами ширина реки достигает десяти километров, а скорость — двадцати километров в час!

И вот наконец после долгих поисков на левом берегу Амура недалеко от небольшого таежного села Пермское выбрали место для строительства нового города, которому суждено было стать крупнейшим промышленным центром огромного края.

Комсомол объявил его создание ударной комсомольской стройкой.

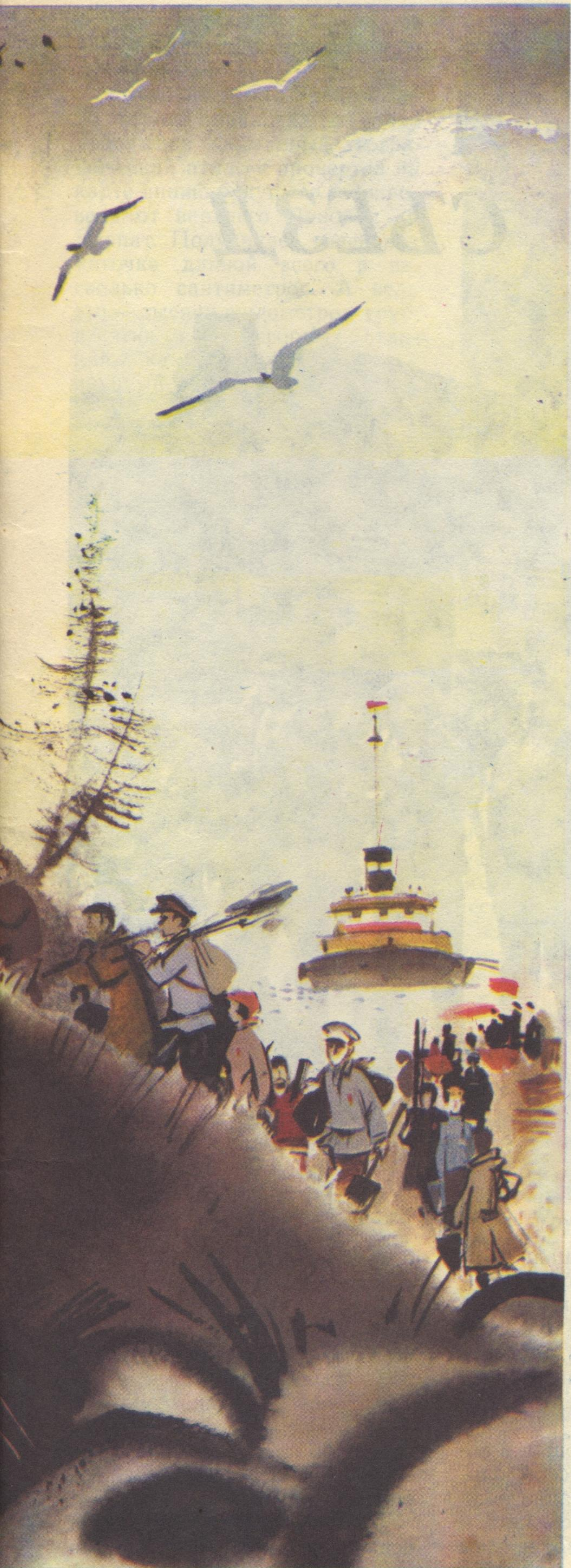
Весной 1932 года на берег Амура высадились первые три тысячи комсомольцев.

Первостроители еще плохо знали бешеный нрав реки: грузы с кораблей и барж складывали тут же на берегу. И в ту же ночь вода стала неожиданно прибывать... Под угрозой оказалось будущее всей стройки! Комсомольцы объявили аврал. Всю ночь под проливным дождем переносили грузы на небольшую сопку. С тех пор ее так и зовут — Аварийная.

Десятого декабря 1932 года город был назван — Комсомольск-на-Амуре, в честь десятков тысяч его строителей, приехавших сюда со всех концов нашей Родины!

На двадцать километров по берегу Амура тянутся сегодня бульвары и улицы города, его заводы и фабрики. Пришли сюда рельсы Байкало-Амурской магистрали. Городу еще строиться и расти. И потому, в мае нынешнего года в Комсомольск-на-Амуре был направлен Всесоюзный ударный комсомольский отряд имени XIX съезда ВЛКСМ.

Комсомольская биография города продолжается!





АДРЕСА НАЗЫВАЕТ СЪЕЗД



В Москве их узнавали всюду. И не только потому, что каждый боец Всесоюзного отряда имени XIX съезда ВЛКСМ был одет в новенькую ладную форму, а, скорее, по какому-то особому настрою. Еще бы — ведь они знали, что съезд комсомола поручает им участие в возведении важнейших объектов пятилетки.

Уже стал историей этот яркий майский день, когда на

Комсомольскую площадь столицы в кольцо трех вокзалов — Ярославского, Казанского и Ленинградского — спешили бойцы отряда, чтобы получить последнее напутствие перед дальней дорогой, перед стартом в будущее...

Еще утром они прошли в последний раз по Красной площади. Потом под овации зала вступили во Дворец съездов, и Алексей Маресьев вручил им

памятное знамя ЦК ВЛКСМ, словно передавая молодым эстафету подвига...

Восемь лет назад XVII съезд комсомола направил первый отряд молодых строителей на сооружение Байкало-Амурской магистрали. А сегодня на строительство поселка Сюльбан в Читинской области уезжают еще 350 человек...

Другому отряду предстоит осваивать вместе с тысячами

других посланцев комсомола Канско-Ачинский энергетический комплекс...

Кто-то из ребят Уренгойского отряда захватил с собой небольшой карманный географический атлас и прочертил на карте линию будущего газопровода от верхнего Приобья до Карпат. Получилась тоненькая ниточка длиной всего в несколько сантиметров. А ведь это — тысячи километров труб, десятки компрессорных станций, каждая из которых — крупный завод с самым современным оборудованием!

Вот они какие — стройки сегодняшнего дня! Кажется, совсем недавно нас поражали масштабы БАМа и КамАЗа. А ведь строительство этого газопровода по размаху работ превосходит их в несколько раз!

Полвека назад Москва провожала первых строителей Комсомольска-на-Амуре, который по праву называют городом комсомольской славы, а сегодня посланцам съезда предстоит возвести здесь современный металлургический завод.

Когда вы будете читать эти строки, уже не один трудовой рекорд будет на счету бойцов Всесоюзного ударного. Станет



**Знамя вручает
Герой Советского Союза
А. П. Маресьев**

ближе час последнего броска стальной магистрали БАМа. Будут забиты первые колышки, и начнется строительство полутора десятков новых совхозов Нечерноземья, отправится в путь очередной реактор «Атомаша».

Но сегодня здесь, на Комсомольской площади, еще звучат песни:

«...Есть такая традиция в комсомольской семье — прежде думай о Родине, а потом о себе...»

«Наш паровоз, вперед лети!...»

Столица провожает эшелоны добровольцев.

Вглядитесь в эти фотографии и запомните имена: Людмила Сергеева из Пензы. Она едет в Комсомольск-на-Амуре. Владимир Урунин из Белоруссии. Он будет работать на БАМе.

Через год читатели «Костра» встретятся с ними еще раз — так договорились мы с Людмилой и Володи. А пока они говорят о съезде, о Москве, о своих планах.

— Я была уверена с детства, что об Алексее Маресьеве знала все. Не раз перечитывала «Повесть о настоящем человеке», смотрела фильм. Но ока-

залось, что Маресьев был в числе тех, кто по путевке комсомола приехал в Комсомольск-на-Амуре. И когда он сказал нам, бойцам Всесоюзного ударного отряда: «Твердо убежден — человек, получивший закалку на ударной стройке, никогда ни в чем не подведет. Ни в труде, ни в бою!», мы знали, что за этими словами стоит вся биография этого удивительного человека. Это большое счастье — начинать свою рабочую биографию с такого напутствия, шагать под знаменем, которое нам вручил сам Маресьев!

— Здесь в Москве я впервые увидел медаль «За строительство БАМа». Ведь БАМ — это



Людмила Сергеева

не только железная дорога. Это целая программа освоения громадного района Сибири и Дальнего Востока. Мы едем строить поселок Сьюлбан. Говорят, что работать предстоит в районе, где летом заедает гнус, а зимой стоят лютые холода. Но ведь тем, кто начал, было еще труднее! Мы сами выбираем судьбу. И если есть медаль бамовской чеканки, значит, есть и характеры бамовской закалки. И мы увидим первый поезд в нашем поселке!

**Ю. КОВЕШНИКОВ
Фото И. Куртова**



Владимир Урунин



ВСЕСОЮЗНАЯ КОМСОМОЛЬСКАЯ СТРОЙКА

ПОДАРЮ СЫНУ ГОРОД

Александр ГОСТОМЫСЛОВ

ЭШЕЛОНЫ ОДИН ЗА ДРУГИМ привозили комсомольские стройотряды — из Украины, Литвы, Латвии, Дагестана, Осетии, из Тамбова, Воронежа.

На вокзале колонны еще старательно держали равнение, но у новеньких общежитий строй рассыпался. Искали земляков, знакомых, расселялись по комнатам.

Среди общей суеты неторопливо бродила приехавшая со ставропольским отрядом Татьяна Доронина. Не такой представляла она Сибирь. По пашне, по бурой осенней степи с первыми плешинами жидкого снега, пригибая упрямую полынь, разгонялся злобный ветер хакасец и пронизывал до самых костей. Да и само Шарыпово — горсточка домиков вдоль смешной речушки Кадатки, — казалось чужим и неудобным.

В толпе у общежития она услышала женский голос:

— Создаю бригаду штукатуров-маляров. Кто хочет?

Татьяна подошла. Средних лет женщина в вельветовых брючках, в валенках, в песцовой шапке, надвинутой на глаза, строго спросила:

— Ты что умеешь?

— Сварщица я, — настороженно ответила Татьяна. — Могу на тракторе.

Женщина улыбнулась ей, будто старой подруге:

— Приглашаю в штукатуры-маляры!.. По рукам?

И то ли ветер утих, то ли солнце вырвалось из-за туч, но посветлела земля, и поселок стал уютнее. А может, так всегда бывает, когда встретишь на новом месте человека, который тебе рад.

— Пойдите тут, — попро-

сила Татьяна, — сейчас я девчонок приведу.

Через день была создана бригада в двадцать три человека.

БРИГАДИРА ЗВАЛИ Леонид Викентьевна Рогоза. Рано утром она собрала девушек:

— Два месяца учимся. Зарплата по восемьдесят рублей. Потом кто сколько заработает. — И, не мешкая, повела их на стройку.

Прошли среди бетонных свай к плоскому дому с гофрированными алюминиевыми стенами. Через завалы земли и строительного мусора пробрались внутрь.

— Какой громадный сарай, — неприятно удивилась Татьяна.

— Из него сделаем столовую, — перебила ее Рогоза.

Тут же раздала припасенный заранее инструмент:

— Вот терка, сокол, правило, рейка, мастерок... — строго предупредила: — Если потеряете, ищите, где хотите.

Тут же к подъезду подкатил «КамАЗ» с раствором. Усатый шофер увидел растерянных девушек и весело заорал:

— Раствор принимайте!

Девушки засуетились, забегали, и началась работа.

На третий день Татьяна оштукатурила первую свою стену. Рогоза взглянула сердито:

— Не так!

Татьяна схватила молоток и ударила по штукатурке.

— Через два месяца на хлебопекарном заводе конкурс штукатуров. Будут профессионалы, прошедшие школу Саяно-Шушенской, Экибастуза, КамАЗа, — сказала Рогоза.

Татьяна насторожилась:

— Опозоримся?

— Я вам опозорюсь! — вскипела Рогоза. — День и ночь у меня учиться станете!

Рисунки О. Филипенко

— Так ведь не получится!

— Получится!

И бригада поверила Рогозе. Ни о чем другом девчата больше не говорили, только о деле. Ни на что другое время не тратили — только работа!

Рогоза учила всему сразу: штукатурить, белить, стелить плитку на пол, украшать стены мозаикой.

На конкурс бригада сама выбрала троих человек. Как Татьяна ни отказывалась, ее тоже включили в это звено.

На комбинате им дали задание — оштукатурить стену. Когда контрольное время вышло — девчата сами удивились — они ли это сделали?

Профессионалы были ошеломлены — ученицы, девчонки, которых никто не знал, заняли второе место!

Вот и готова столовая — их первый объект. Блестят огромные стекла, нежными красками светятся стены, медицинской белизной сияет кухня. Рогоза протянула Татьяне связку ключей:

— Иди сдавай...

Вечером Татьяна написала домой: «Мама, я построила дом». А жизнь готовилась еще круче повернуть Татьянину судьбу.

На следующий день их перевели на детский садик.

— Детей в Шарыпово больше, чем взрослых, — сказала бригадир.

Только взялись за дело, пришел приказ — ехать Рогозе в Литву за новым отрядом.

— Придется тебе, Татьяна, принимать бригаду, — сказала она.

— Не готова я.

— Доучишься в работе. — И уехала.

Девчата настороженно посмотрели на Татьяну.

Нужно было штукатурить



фасад. Татьяна притащила валенки, ватник, огромные ватные брюки, меховые рукавицы.

— Кого пошлешь? — спросили ее.

Оделась и пошла сама. В окно было видно, как сотрясалась люлька от ударов ветра, как, замерзая, тряслась Татьяна. Девчата опустили люльку и скорее затащили Татьяну внутрь. Она отогрелась.

Девчата окружили ее:

— Теперь наша очередь!

— Ветер из люльки вышвыривает, — остановила их Татьяна. — А я все-таки мастер спорта. — И снова пошла сама.

Но еще сложнее было утром: двадцать девять человек в бригаде, и каждого надо обеспечить работой.

Вернулась Рогоза из Литвы, и сюрприз — назначили ее прорабом. И стала Татьяна бригадиром.

К КОНЦУ МАРТА грязь подсохла, прогрелась земля и бригада решила:

— Пошли за подснежниками!

Вышли в восемь часов утра,

в туфлях, как на праздник. Густо-зеленые горы казались совсем рядом. Но до них было пятнадцать километров. Прохладный ветер мел пыль. Потом шли по пахоте, по болоту... В полдень дошли до подножия сопки.

Увидели первый подснежник, бросились к нему и смотрели, смотрели.

— Пусть растет.

Девчонки улыбались.

Но вот одна оглянулась, за ней другая и сразу забыли про цветы... Все стали рядом, словно что-то невидимое вдруг тесно сплотило их.

Татьяна ладошку козырьком прижала ко лбу. Вон серая горстка деревянных домов расплзлась по холмам — старое Шарыпово. Рядом — чистые, белые кварталы, новое Шарыпово, настоящий город! И это они, девчата, помогая и поддерживая друг друга, становясь от этого сильнее, побеждали лютый холод и строили этот, безусловно самый прекрасный город в мире!

Я ШЕЛ ПО СТЕПИ. по хрустящему жесткому снегу, прикрывая лицо от колючего ветра. Всюду, куда ни глянь — заснеженный часток кол свай, вколоченных в ледяную землю — первое дыхание новорожденного города.

Тяжелые облака расплющивали отроги Кузнецкого Алатау. Выглаженная ветром степь лежала мертва. Единственный, собранный из зеленых блоков, дом, подняв над последним этажом клюв крана, разорвал монотонность равнины.

Вдруг снежинки и пыль взметнулись вверх и вытянулись коричневым языком — по степи пронесся шквал. Окна зеленого дома, закрытые прозрачной полиэтиленовой пленкой, вздулись пузырями и беззвучно все разом лопнули. В черных оконных проемах было видно, как забегали обеспокоенные люди, закрывая их фанерой, досками.

Зеленый дом — школа. Школу еще только подвели под крышу, в спортивном зале лежал снег.



В классе, где собрались люди, топилась самодельная печка. У стены стоял небольшой шкаф с чертежами. Все сняли шапки, положили горой на шкаф и прямо в шубах расселись на самодельные скамейки вокруг длинного стола. В комнате раздавались густые голоса — собрались начальники служб треста, во главе стола сидел главный инженер треста Максютенко. Это был экстренно созданный штаб для того, чтобы открыть школу 1 сентября. В первой и пока единственной школе, рассчитанной на 900 человек, уже училось 1500 ребят.

Пока ни одна из работающих в школе бригад план не выполняла. Максютенко спрашивал сурово, начальники служб по очереди вставали, оправдывались, каждый ссылаясь на уважительные причины и каждый говорил, что сделают его люди за следующие десять дней.

Приходилось рассчитывать каждый день, каждый час, каждую пару рабочих рук. Собрание закончилось суровым предупреждением — тем, кто чувствует, что нагрузка не по плечу — искать работу полегче.

Потом Максютенко встал,

подошел к окну, хмуро посмотрел вниз и вдруг загадочно заулыбался. Штаб притих.

— Угадайте, что я там увидел?..

Все недоуменно переглянулись.

— Бассейн!.. А?.. Большой крытый бассейн с теплой голубоватой водой и в нем вышку для ныряния...

Начальники были люди практические, злые и усталые. Лица у них вытянулись — вот так фантазия! На все это не отпущено ни рубля, ни мешка цемента. А где брать строителей, время, машины?

Начальники подошли к окнам, подозрительно, с осуждением посмотрели вниз. Я не тронулся, и так знал — шел сюда мимо этого места, там были кучи земли, перемешанной со снегом.

Максютенко стал серьезным, буравил начальников взглядом, ожидая их приговора. Если не поддержат — бассейну не быть. И стало видно, как он устал.

Начальники покачали головами, задумчиво посмотрели друг на друга и сказали удивленно:

— А ведь действительно — бассейн!

— Осилит из сэкономленных средств? — жестко спросил Максютенко.

— Для детей? — хрипло пробасили начальники. — Осилит!

Стали разбирать шапки и выходили оживленно переговариваясь.

Самого молодого из них Максютенко задержал:

— У вас энергии еще много... Через десять дней, пожалуйста, проект бассейна мне на стол. — Вздохнул и добавил: — Не скупитесь, пусть будет красиво.

Чтобы лучше рассмотреть место, где будет бассейн, я направился вниз. На первом этаже окна были уже заделаны. Девушки из бригады Тани Дорониной старательно и быстро штукатурили стены.

Никаких куч земли со снегом у стены школы уже не было — бульдозер тщательно разровнял площадку.

У входа раскрасневшаяся Таня Дорониная долбила ломом цемент, замерзший в огромном железном ящике.

Татьяна еще не знала, что здесь, именно на этом месте будет бассейн, и была хмурой.

Окончание следует

7 октября — День Конституции СССР

НАШ ГЕРБ

Ярослав СМЕЛЯКОВ

Случилось это
в тот великий год,
когда восстал
и победил народ.

В нетопленный
кремлевский кабинет
пришли вожди державы
на Совет.

Сидели с ними
за одним столом
кузнец с жнеей,
ткачиха с батраком.

А у дверей,
отважен и усат,
стоял с винтовкой
на посту солдат.

Совет решил:
— Мы на земле живем
и нашу землю сделаем
гербом.

Пусть на гербе,
как в небе, навсегда
сияет солнце
и горит звезда.

А остальное —
трижды славься труд! —
пусть делегаты
сами принесут.

Принес кузнец
из дымной мастерской
свое богатство —
вечный молот свой.

Тяжелый сноп,
в колосьях и цветах,

батрак принес
в натруженных руках.

В куске холста
из дальнего села
свой острый серп
крестьянка принесла.

И, сапогами
мерзлыми стуча,
внесла ткачиха
свиток кумача.

И молот тот,
что кузнецу служил,
с большим серпом
Совет соединил.

Тяжелый сноп,
наполненный зерном,
Совет обвинил
Октябрьским кумачом.

И лозунг наш,
по слову Ильича,
начертан был
на лентах кумача.

Хотел солдат —
не смог солдат смолчать —
свою винтовку
для герба отдать.

Но вождь народов
воину сказал,
чтоб он ее
из рук не выпускал.

С тех пор солдат —
почетная судьба —
стоит на страже
нашего герба.





ВСТРЕЧА С ВОЛШЕБНИКАМИ

Джанни РОДАРИ

СКАЗКА

Рисунок Е. Маршаковой

Меня зовут Оскар Бестетти, родом я из Болоньи и работаю в одной торговой фирме. Чтобы подыскивать покупателей и рекламировать товары, мне приходится беспрестанно ездить на своей машине по всей Италии, так что давайте

спрашивайте о чем угодно. Хотите знать, сколько шлагбаумов на виа Аурелиа между Гроссето и Фоллоникой? Сколько поворотов на виа Кассия между Витербо и Сиеной? Я знаю все о всех дорогах нашего полуострова.

Бывает, что сажаю в машину тех, кто голосует на дороге — частенько кто-нибудь стоит у обочины и машет рукой — остановись, мол. Теперь так делают даже старушки, которые несут на рынок свежие яйца. С помощью автостопа они экономят деньги на поезд или автобус. Когда в машине есть место и не надо спешить, я охотно подсаживаю людей — и поболтать приятно, и время летит быстрее, да и узнаешь немало интересного. В прошлом году — это было в июле — подъезжал я к Виареджо, как вдруг останавливают меня двое парней.

— Не в Турин ли?

— В Турин. Садитесь.

И они садятся со своими рюкзаками — двое славных парней, двое туринских рабочих, которые провели отпуск у моря и теперь возвращаются с помощью автостопа домой. Веселые, компанейские ребята. Одного звали Берто, другого Джулио. Ну, это все ничего. Мы разговорились, конечно, о том, о сем, и я не заметил, как кончился бензин. Вернее, заметил, да поздно, когда уже совсем ничего не осталось в баке. Мотор поворчал, почихал, покашлял, плюнул разок и замолчал. Машина остановилась.

— Ай, ай! — говорю. — Слыхали новость? До ближайшей бензоколонки всего каких-то десять километров, и в каждом ровно по тысяче метров.

— Подумаешь! — сказал Берто. Или, может быть, это сказал Джулио? Оба засмеялись: — Туринцы мы или не туринцы? К тому же, опытные механики. У машин от нас нет секретов.

— Тут дело не в технике и не в секретах. У меня ни капли бензина, даже в зажигалке.

— А резиновая трубка у вас найдется?

— Конечно. Только бензин она не заменит.

— Сейчас посмотрим. Да, да, вот такая нам и нужна!

Берто берет трубку, выходит из машины и что-то делает возле бензобака. Джулио, оставшийся в машине, улыбается.

— А что он там делает? — спрашиваю.

— Сейчас кончит. Бензин — это его специальность.

Берто идет к обочине дороги, срывает штук десять крупных маков, затем выбирает один из них, засовывает его в трубку, тотчас же раздаётся славное бульканье и чувствуется резкий запах бензина. Бензобак наполняется за несколько секунд. И мы едем дальше. У меня от удивления глаза лезут на лоб.

— Видали? — говорит Джулио. — Пустяки! Мы в автомобилях кое-что смыслим.

Я помалкиваю. И едва не врезаюсь в шлагбаум. Спыхватываюсь, жму на тормоза...

— Да вы что, — смеясь, кричит Джулио, — с ума сошли, что ли!

И тут же изо всех сил жмет ногой на акселератор.

— Спасайся, кто может! — ору я и зажмуриваюсь, чтобы не видеть, как произойдет катастрофа. Только ничего не случилось. Открываю

глаза — машина, слегка задрвав капот, не замедляя движения, плавно перелетает шлагбаум и — более того! — проносится над товарным составом, несущимся на большой скорости, опускается на другой стороне и, коснувшись шинами асфальта, продолжает лететь вперед как ни в чем не бывало.

Парни на все это — ноль внимания и болтают о каком-то туринском кафе, где можно попробовать лучшие во всей солнечной системе грибы.

— Но как же... — бормочу я, — что это было?.. То есть, я хочу сказать... Надо же!

Парни с недоумением и даже тревогой смотрят на меня.

— Вам плохо? Что-нибудь случилось? Хотите конфетку? Жевательную резинку?

— Какая там резинка! Что за чудеса вы творите?

Парни смотрят на меня с еще большей тревогой.

— Поосторожней в выражениях! — говорит Берто. А может быть, Джулио, или оба сразу. — Поосторожней! Мы честные рабочие люди, а вы что думаете? Мы можем собрать машину с завязанными глазами, это верно. Так мы уже говорили об этом.

Я умолкаю. Уже проехали Геную, миновали Апеннины, приближаемся к Турину. День клонится к закату.

Некоторое время мы едем молча. Затем Джулио — видимо, для того, чтобы восстановить мир, — предлагает:

— Послушаем музыку?

— Очень жаль, — говорю я, — но у меня в машине нет радио.

— Ну, если дело только за этим...

Он каким-то способом нажимает рычажок включения «дворников». Как? Понятия не имею. Факт тот, что «дворники» неподвижны, а в машине звучит веселая музыка. Джулио и Берто крепко хлопают друг друга по плечу и клянутся, что как только приедут в Турин, отправятся потанцевать в одно хорошее местечко на набережной По.

— Э, да сколько можно, уважаемый! Все-то вам не по нраву!

— Я не...

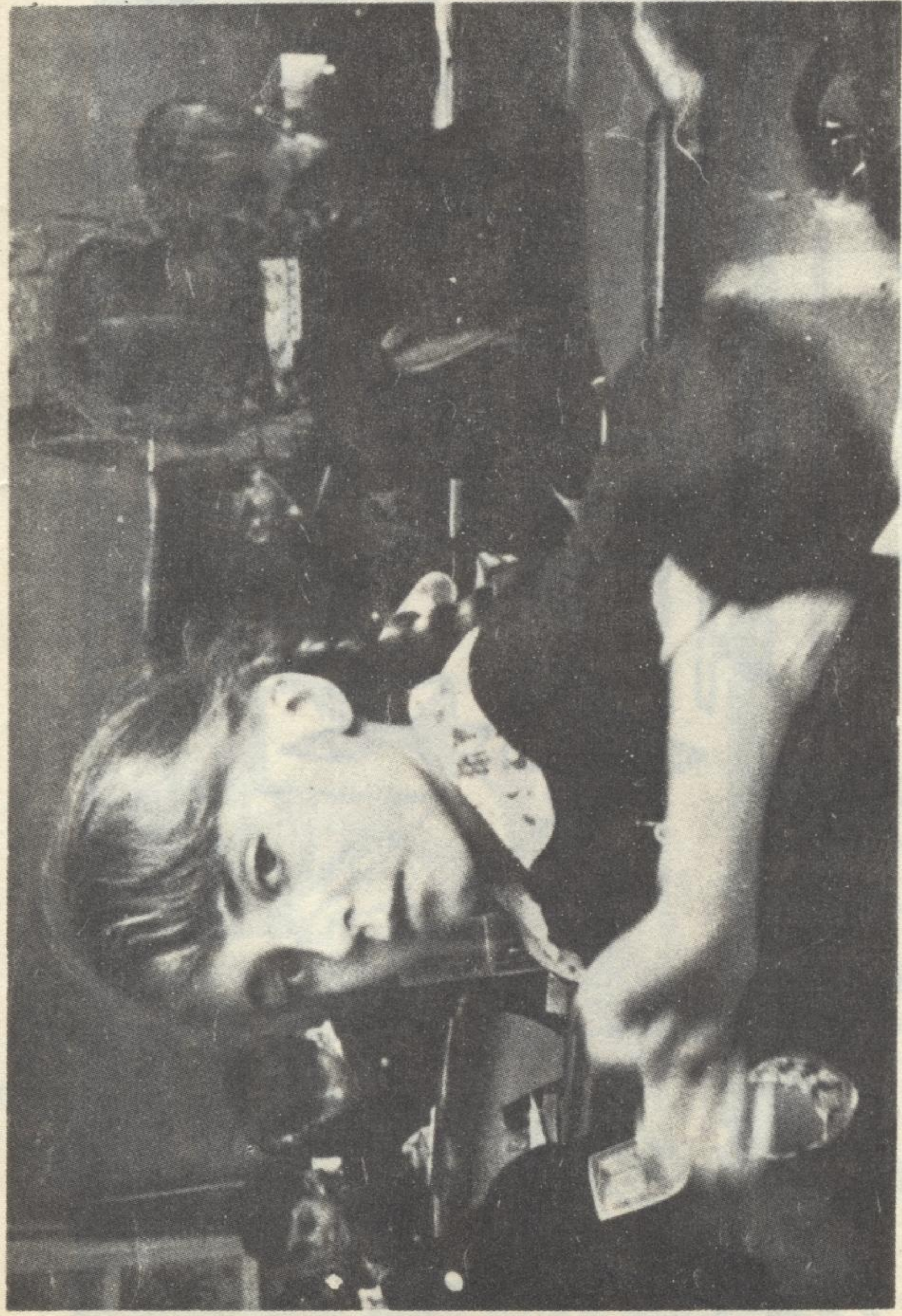
— Поймите как следует только одно — для хорошего туринского механика нет ничего невозможного. Ясно?

Бах! Бух! Бах! Лопается шина.

Тяжело вздыхая, я лезу в багажник за домкратом, чтобы сменить колесо. Но не успеваю и оглянуться, как шина уже в порядке. Она крепка, как камень. А Джулио кладет в карман своего пиджака карандаш. Готов спорить, что он накачал шину этим карандашом!

Словом, я совсем перестал понимать, кого же все-таки я посадил к себе в машину — двух рабочих или двух волшебников? И подумать только, что таких людей, как они, в Турине десятки тысяч...

Перевела с итальянского
И. КОНСТАНТИНОВА



Друзья знали: Николай Лихонов тяжело болен. Они приходили, чтобы помочь ему и поддерживать в трудную минуту. Но получалось так, что он им помогал жить, учиться, работать. До самого последнего дня Николай писал книгу «Память сердца». Эту книгу нельзя читать без волнения. А в свой последний час попросил врача запеть комсомольскую песню и сам стал ее подпевать...

И теперь наша дружина борется за право носить имя этого замечательного человека. Мы выполняем задания штаба корчагинского движения, участвуем в операциях «Клинок» и «Поверка», переписываемся с экипажем теплохода «Павел Корчагин». По просьбе совета дружины наш подарок — баумовский серебряный костюль впамян в борт этого корабля.

Коля Петраков,
школа № 2, Северобайкальск

— Какие каникулы?
— Обыкновенные. Перед началом самостоятельной работы выпускникам училища положены каникулы — целых два месяца! Ну, и я решила: съезжу-ка на два месяца в пионерский лагерь, поработаю вожатой. А иначе со скуки умрешь. Поехала в Пятигорск, в пионерлагерь «Радуга». Дали мне отряд. Подружилась с ребятами. Да так, что не захотелось расставаться.

— Значит, сначала вы ошиблись в выборе профессии?

— Ну уж нет! Почему ошиблась? Разве это плохо, если вожатый имеет рабочую специальность? И вообще, вожатый — это не профессия, а призвание. Хотите докажу? Токарь не может работать слесарем, а электромонтер трактористом. Верно? У них нет специальных знаний! А вожатый может стать и слесарь, и монтер, и токарь, и тракторист, если они обладают организаторскими способностями и могут подружиться с ребятами.

— Вы все время говорите «подружиться», почему?

— А что, в первую очередь, должен уметь вожатый? Я считаю, он должен уметь дружить с ребятами! И здесь двух мнений быть не может. Учитель, в первую очередь, должен уметь учить, воспитатель — воспитывать, а вожатый дружить. Если не умеет, значит, — не вожатый.

— Самый счастливый день вашей жизни?

— Это было три года назад, в лагере «Радуга» в самом конце смены, когда Витя Черни-

Встреча с бойцами интернационального строительного отряда «Гренада» была очень интересной. Студенты из ГДР, ВНР, ЧССР, Кубы, Шри Ланки рассказывали, как живут наши сверстники за рубежом, пели нам свои любимые песни, обменивались значками и сувенирами. А на следующий день мы пришли на строительную площадку, где трудились наши новые друзья, и помогли им при укладке бетона.

Инна Тренина,
8 класс, школа № 1
Сусумана Магаданской области



С Андреем Есиповым я учусь в одном классе. Андрей хочет стать конструктором космических кораблей. И все свободное время делает ракеты. Его последняя модель поднялась на высоту триста метров. Может быть, вы скажете, это не так высоко? Но все дело в том, что весит его модель всего девятьсот грамм.

Андрей считает, чем легче ракета, тем дольше она продержится в воздухе. Я думаю, что Андрей прав: его ракеты всегда побеждают на соревнованиях.

Юра Косов,
5 класс, школа № 40,
Тула

ПЯТИЛЕТКА ТРУДОВЫХ ★ ★ ★ ★ ★ ПИОНЕРСКИХ ДЕЛ

Что лучше во время уборки свеклы: когда за 30 гряд отвечает 30 человек или когда каждый отвечает за свою грядку? В нашем отряде одни считали: лучше — первый вариант, а другие были сторонниками второго варианта. Хотя в том и другом случае задача одна — выдернуть свеклу и сложить ее в кучу. Но практика показала, что лучше всего работать группами по два или четыре человека. И складывать ее кольцами, ботвой наружу. Так свеклу удобней обрезать, и она сама скатывается в кучу.

Костя Петухов,
школа № 26, Калуга

Получилось так, что сена для скота весной могло не хватить. Вернее, оно было на участке, но там долго стояла вода, и копы отсырели. И тогда прозвучала команда — «По коням!» Сводный отряд пионеров и комсомольцев нашей школы переправился через Печору и приступил к выполнению задания. Мы сушили сено, перевозили его на сухое место и спасли все копы.

Нашему сводному отряду директор совхоза «Усть-Цилемский» объявил благодарность.

Миша Артеев,
8 класс

Усть-Цилемской средней школы
Архангельской области



СЛЕДОПЫТОВ

Однажды к нам в штаб красных следопытов пришло письмо. Участник Великой Отечественной войны Альфред Карлович Спаре просил нас разыскать его бывшего командира

ра — Николая Петровича Иванова, которого он не видел целых 37 лет.

И вот друзья-фронтовики встретились. Эта встреча была в нашей школе. На встрече мы хотели рассказать Николаю Петровичу, сколько труда и настойчивости потребовалось следопытам, чтобы его найти. Но когда увидели в глазах ветерана слезы, поняли, что говорить об этом просто неудобно.

Июлианна Лейтланд,
6 класс, школа № 53,
Рига

О нашей учительнице

Когда мы перешли в шестой класс, Мама Семеновна (так мы называли между собой учительницу немецкого языка) ужасно расстроила нас. Она сказала, что через месяц уходит на пенсию.

Несмотря на свой возраст, у нее было столько энергии, что мы никак не могли понять: как Мама Семеновна может стать пенсионеркой?

Но что делаешь, раз уж придется расставаться, то надо готовиться и к этому.

Мы придумали несколько четверостиший, посвященных Маме Семеновне. Это был наш подарок.

Для чтения стихов выбрали самых бойких ребят. Наконец этот день наступил. Все собрались в актовом зале. Выступали учителя, родители, бывшие выпускники.

Пришел наш черед. Мы вышли на сцену. Вовка Коноплев,

Алка, Лариска и я. Первым читал я. Потом наступила Алкина часть.

...И вдруг в наступившей тишине все услышали сдавленный неуверенный Алкин голос. Я даже не узнал его, обычно она говорит очень звонко...

Потом была Ларискина очередь. Но вместо того, чтобы произносить слова, она ткнулась носом в Алкино плечо и разревелась. И Алка — тоже... Я посмотрел в зал — Мама Семеновна плакала.

Но находчивый Вовка Коноплев сделал шаг вперед и громко произнес и Ларискину часть, и свою.

Хлопали нам долго. После выступления мы вошли в маленькую артистическую комнату. Вслед за нами туда же пришла и Мама Семеновна. Она стала нас обнимать. И нам почему-то тоже захотелось заплакать.

Игорь Холодилькин,
6 класс, Ленинград



Этим летом я отдыхал в Артеке. В Артеке мне очень понравилось. Не понравился только один мальчик, который был в нашем отряде. Он почему-то думал, что всех умней и все ему должны подчиняться. Но мы сказали: «Нам не нужны короли!», и он на нас обиделся. Неужели он не знает слова Ромена Роллана: «Артеки — это королевство без королей и подданных!»

А. Демьяненко,
Украинская ССР



Однажды с дедушкой Борей я ходил за грибами. В лесу нас застал дождь. С кустов и деревьев вода лилась ручьями. Набрав грибов, мы побежали домой. И уже в поселке, возле крайней дачи, увидели лосенка. Это было так неожиданно, что мы даже остановились. Потом мы подошли к нему шагов на десять. Он не испугался, только ушами пошевелил и опять смотрит на нас. Так мы и лосенок стояли под дождем и смотрели друг на друга. Прошел, наверное, целый час, прежде чем лосенок повернулся и пошел в лес.

Игорь Полонский,
6 класс,
Ленинград

РАЗГОВОР О ХЛЕБЕ

«Люди растят хлеб, хлеб растит людей» — такой сбор прошел у нас в дружине. С волнением слушали мы нашего гостя — ветерана войны — Бориса Витальевича Марьина. Он вспоминал, как трудно было в военные годы, маленькие кусочки черного хлеба были настоящим лакомством.

А еще у нас на сборе была технолог хлебозавода Л. Н. Михайловская. Любовь Николаевна рассказала, как выпекают сейчас на заводе ароматные вкусные булочки и хлеб.

Мы решили: беречь хлеб — дело государственной важности. И обратились ко всем пионерам нашего города по-хорошему относиться к хлебу.

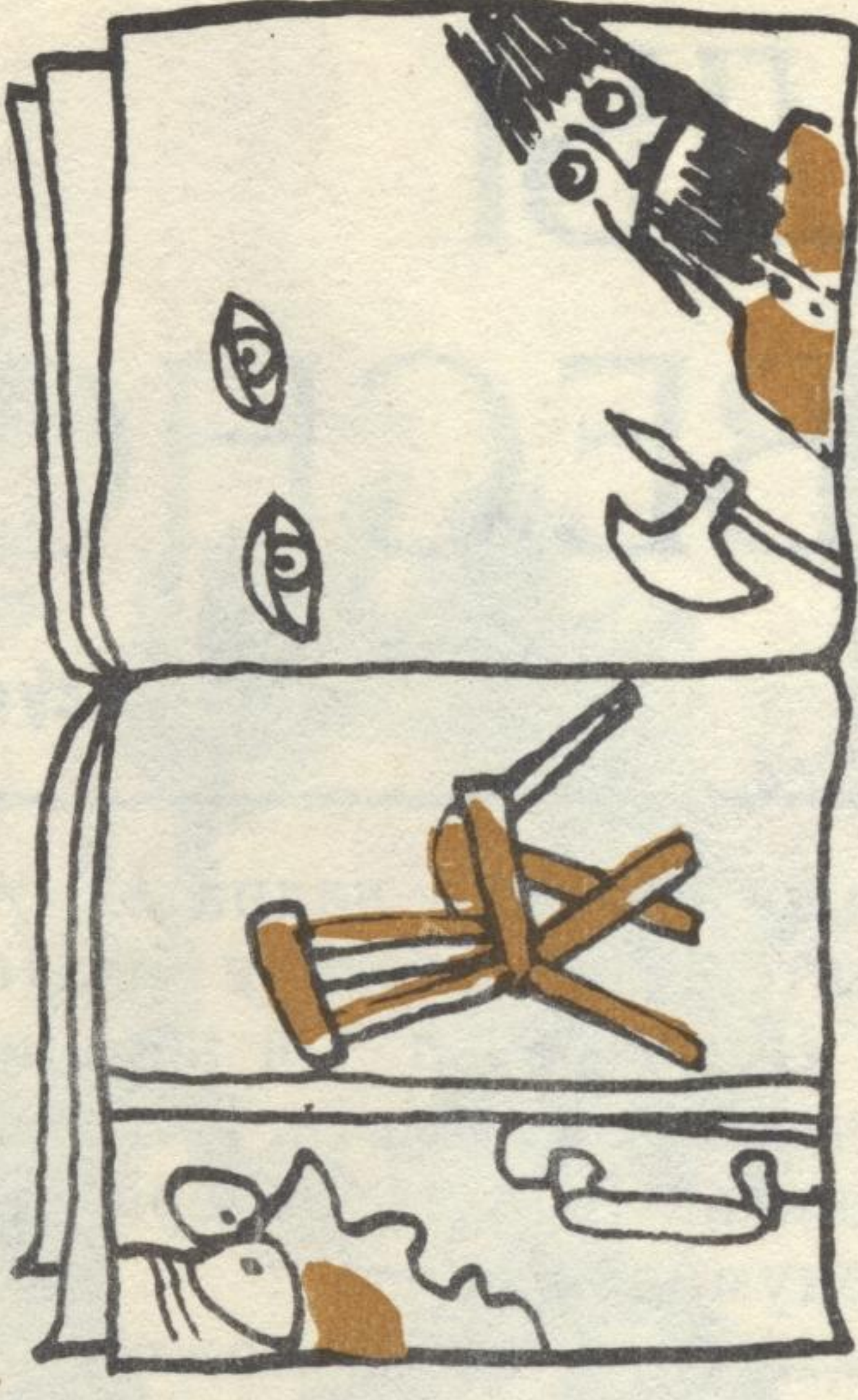
Вася Кукушкин,
5-й класс, школа № 18,
Карпинск
Свердловской обл.



«Около стола стоял стул библиотекаря, но он куда-то ушел».

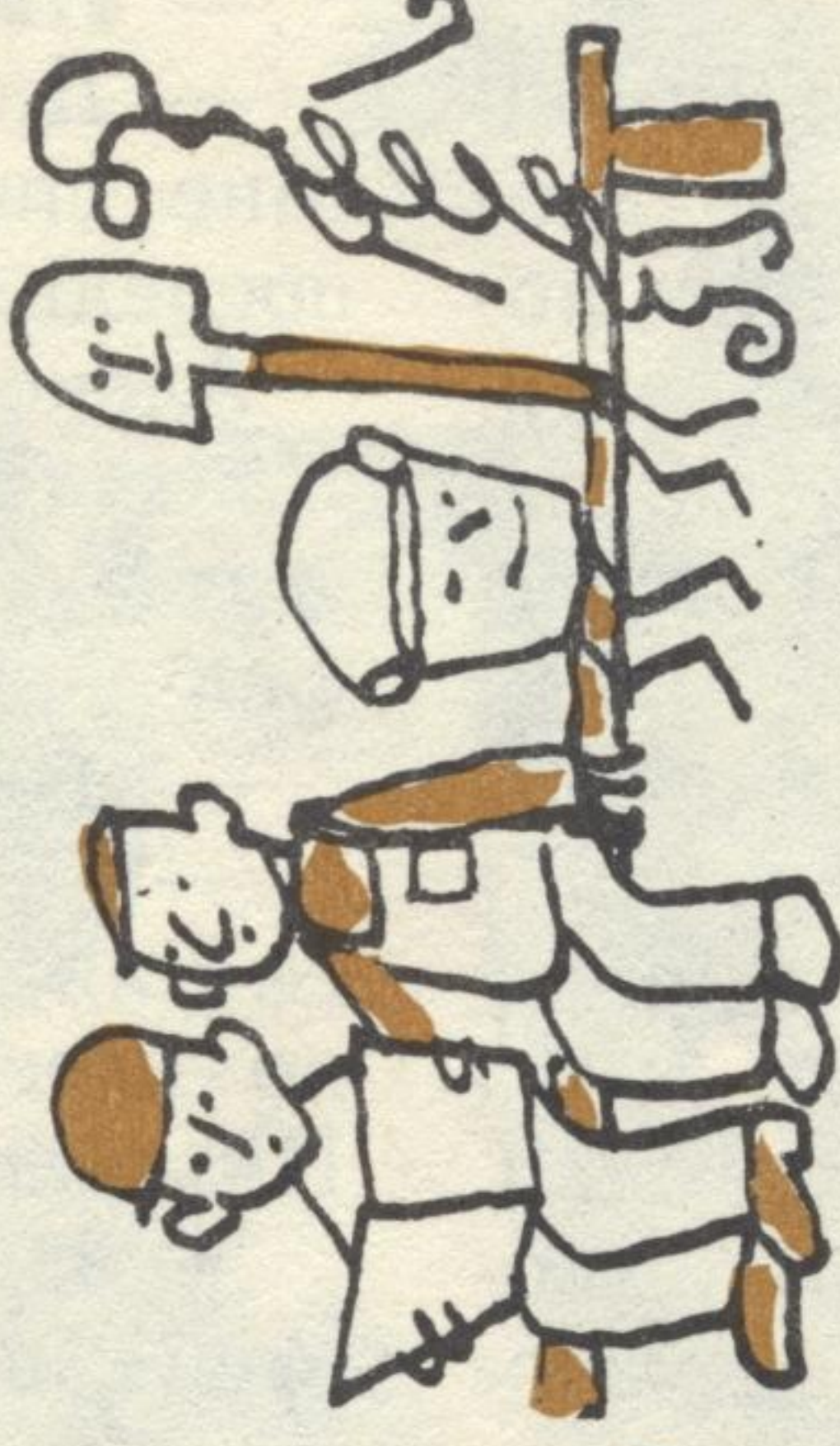
«Пугачев описывается глазами Гринева».

Прислал
Вова Москалев,
Москва



«На скамейках сидели рабочие, ведра, лопаты и проволока».

Прислала
Зоя Латышева,
8 класс,
село Елисеенково Сумской области



«Как только он увидел учительницу по химии, у него сразу подкосилась голова».

Прислала
Лена Мусина,
7 класс,
п. Ноябрьский Тюменской обл.



Снова все в округе
Пламенем пылает,
Огненными листьями
Землю устилает.
Рано утром ветер
Удивился очень:

«Кто же так рисует?
Неужели — осень?»

Динара Лисовая,
6 класс,
Белорусская ССР

Выпуск подготовлен
корреспондентами «Барабана» в Артеке,
во время юнкорской смены.

ОДНАЖДЫ В ШИШКИНО ВЕСНОЙ...

Т. ЧИНАРЕВА

ПОВЕСТЬ

Рисунки Ю. Шабанова

Глава 8

У крыльца Алексея Петровича Девяткина встретили два ведра с водой.

— Вот! — обратился он к ведрам. — Все неприятности происходят оттого, что человек все привык делать наполовину.

Этой мыслью он решил поделиться с Димой. Чтоб на ус мотал. Только Димы дома не оказалось. Это рассердило Алексея Петровича. Он подумал, что Дима убежал играть с товарищами.

Тогда Алексей Петрович решил, что воспитывал сына до сих пор не совсем так. И чтобы исправить ошибки в воспитании, приготовил свой старый солдатский ремень и повесил его на видное место — на гвоздик под часами.

После этого он сел напротив ананаса и приготовился ждать.

Через час примерно в дверь робко постучали.

«Бойся! — сам себе сказал Алексей Петрович. — Раньше влетал так, что дверь едва удерживалась на петлях, а теперь стучится!»

Стук повторился.

— Будто ты не знаешь, что дверь незаперта! — строго крикнул Алексей Петрович.

Дверь осторожно отворилась, и на пороге появился разносчик телеграмм Иван Маркелыч Бурков.

— Заходи... — удивился Алексей Петрович и смущенно снял с гвоздика ремень и спрятал за спину. — Ты чего?

— Телеграмму принес. — сказал Иван Маркелыч и начал хлопать себя по карманам, прислушиваясь, в каком же из них лежит телеграмма.

— Какую телеграмму? День рожденья у меня летом...

Но Иван Маркелыч уже протянул сложенный вчетверо телеграфный бланк.

Бухгалтер Девяткин разворачивал его осторожно, будто боялся, что там вместо черных букв окажется паук или сороконожка.

Брови его поползли вверх, и волосы, если бы не прическа «ежик», можно было бы сказать — встали дыбом.

Бухгалтер Девяткин потряс головой и попросил Ивана Маркеловича:

— Прочти ты, я ничего не понял!

Иван Маркелыч надел очки и голосом диктора «последних известий» прочел:

— Воды принес тчк уехал на БАМ тчк не беспокойся устроюсь напишу тчк Дима.

И от себя добавил:

— Надо ему уши надрать...

Бухгалтер Девяткин не был готов к тому, что его сын Дима уехал. Он не знал, как себя в таком случае надо повести. Побегать следом? Сесть и заплакать? Выпить валерьянки?

Он подумал и сказал:

— Иван Маркелыч, может, выпьем чаю?

— Давай! — удивился Иван Маркелыч. — Мне спешить больше некуда. Твоя телеграмма последняя.

Алексей Петрович поставил на плитку чайник. Достал из буфета банку, голубичного варенья, которое по осени сварил сам, и бублики с маком. Сел напротив гостя, подперев руками голову.

— Иван Маркелыч! А ты как в школе учился?

— Учился.... — ответил разносчик телеграмм, сметая в кучку хлебные крошки, рассыпанные по клеенке. — По-разному. Четверки, тройки... Пятерки редко.

— И у меня редко. А двойки были... Меня отец за двойки драл... В принципе, в двойках ничего страшного нет, если они редкие.

— Ничего страшного! — согласился Иван Маркелыч. — Меня сейчас на работе уважают.

— И меня. В прошлом месяце премию дали. А двойки у меня больше по пению были. У меня слуха нет.

— А у меня есть. Я в армии запевалой был. Ты не расстраивайся...

— Я не расстраиваюсь... Мне шесть лет в войну было, когда я пешком с деревянным автоматом на фронт пошел. Спросил у какого-то красноармейца: «Если идти прямо-прямо, то попадешь на фронт?» Он сказал: «Попадешь». Меня мать на другой день на лошади догнала возле деревни Гуселка. Там все пели и плясали. Мать думала, что люди с ума сошли. А оказывается, это уже была победа. И сейчас бы пешком на БАМ ушел, если бы мне было не за сорок лет, а поменьше...

— Ну, знаешь... — сказал Иван Маркелыч и больше ничего не смог сказать.

— А что? — Алексей Петрович, спохватившись, снял с плитки закипевший чайник и стал разливать в чашки чай. — Ну и что ж, что мне за сорок? Это ведь не семьдесят. Если я на БАМ уеду, ты возмешь мой ананас?

— Могу... — Иван Маркелыч ничего не понял. — Мне что, — сказал он. — Поставлю на окошко. Поливать буду...

— Спасибо тебе. А то ведь ананас дело такое — с собой не возмешь. А бросить жалко.

— Может, в милицию сообщить? — неуверенно спросил Иван Маркелыч.

Продолжение. См. «Костер» № 9, 1982 г.



— Зачем? Подожду немного. Димка — человек самостоятельный. Не пропадет. Сообщит точный адрес, я сразу — туда...

На том они и распрощались. И бухгалтер Девяткин стал готовиться к отъезду. Он еще не знал точного адреса — куда он поедет, но что поедет, он знал точно...

Глава 9

Пятый класс самый маленький в шишкинской школе. Всего семь человек. Только еще не очень дружный. Вместе ребята учатся всего один год, скучают по старым школам.

В пятом классе четыре мальчика и три девочки. Миша Полосаткин не дружит ни с кем. Такой у него характер. С другом ведь разговаривать нужно, иногда поссориться и быстро помириться. А Миша ни разговаривать, ни ссориться и, наверное, мириться тоже не умеет. Есть в пятом классе еще один мальчик — Руслан Парамошин. Он приехал совсем недавно, после зимних каникул. И пока присматривается к новым одноклассникам. Таня Пасечникова дружит с Юлей Ю. У Юли самая короткая фамилия на свете. И еще — Наташа Буранова. Ей некогда дружить.

У нее очень много общественных поручений. Она председатель совета отряда, редактор стенной газеты и «Зеленый патруль». Ей трудно выполнять все сразу, но и отказываться жаль. У нее задирный характер, она любит во все вмешиваться, всех воспитывать, и поэтому пятый класс ее немножко побаивается. А Саша Пасечников дружит с Вовой Коробкиным. Вот такие дела...

Как только ушел Вова Коробкин, Таня сразу засобиравшись к Юле Ю.

— Ты куда это? — сурово спросил у сестры Саша. — Ты же обещала!

— Что же мне теперь из-за вашей тайны и из дому выйти нельзя? — обиделась Таня. — Я, между прочим, к Юле иду. Посоветоваться, чем лучше кормить ворону. Ты же знаешь, что после школы Юлька в зоопарке работать собирается. Она точно знает, кого и чем надо кормить. Ворона — это ведь не игрушка.

— Да я так... — улыбнулся Саша. — Я пошутил...

— Хорошие шутки! — обиженно сказала Таня и подумала: «И почему так бывает? Когда просят тебя о чем-то никому не рассказывать, то как раз и хочется рассказать...»

Юля Ю кормила сушеными дафниями глазастую золотую рыбку. Она привезла ее с собой с острова Сахалин. Это была единственная в Шишкино золотая рыбка. Она плавала в стеклянной трехлитровой банке, шевелила большими плавниками и была похожа на розовую сказочную птицу.

— Юлька, я тайну знаю! — заявила с порога Таня.

Тайна — это заманчиво, но у Юли был принципиальный характер. Другая девочка на ее месте захотела бы поскорее узнать, о чем же она, эта тайна? А Юля замахала на Таню руками и сказала:

— Не говори! Это же чужая тайна. И тебя, наверное, просили никому не говорить...

Таня даже опешила. Нет, чтобы обрадоваться, а тут еще руками машут.

— Пожалуйста, не буду, — обиделась она. Села за Юлин стол и стала равнодушно листать учебник по русскому языку. Только долго усидеть было невозможно. Тайна томилась в душе у Тани, как бабочка в кулаке.

— Я не совсем так выразилась... — сказала Таня. — Это не тайна, а скорее, секрет. Может, даже не секрет... В общем, я что-то интересное узнала про наших мальчишек.

— Ну, если это не тайна, если просто секрет, тогда скажи, — согласилась Юля.

— Только ты никому не говори, а то Вовка с Сашкой мне, знаешь, что сделают?! Они хотят в Шишкино создать музей.

— Хорошо! — сказала Юля. — Жаль, что это не мы придумали... Музей! В Ленинграде есть зоологический музей, а где-то даже есть музей микробов. Представляешь? Может, они и нас примут?

— Ты что? — испугалась Таня. — Ты же обещала никому не говорить. И зачем нам к ним проситься? Мы сами что-нибудь придумаем. Лучше музея.

— Что?

— Что-что! Например, зоопарк!

— Что ты! Зоопарк хорошо бы, да невозможно. Поселок маленький.

— Тогда, знаешь, что? Вот что... У нас в Ростове в школе было. В седьмом классе. Про них даже в «Пионерской правде» писали. У них был тимуровский отряд. И у нас будет! Мы будем шефствовать над пожилыми людьми. Рубить дрова. Носить воду. Полоть огород.

— Какой же это отряд? Ты да я?

— А мы еще кого-нибудь позовем. Например, Руслана Парамошина. Мальчик в тимуровском отряде не помешает. Кто будет дрова рубить?

— Хорошо учиться в большом классе! — вздохнула Юля. — У нас на Сахалине было сорок два человека. Хочешь, театр создавай, хочешь, агитбригаду. А если Руслан согласится, что мы будем делать?

— Ты что, не знаешь, что делают тимуровцы? Будем заботиться о каком-нибудь старичке или старушке.

— А где мы возьмем старичка или старушку? Это в больших городах старичков и старушек

сколько угодно. И в трамвае, и на улице, и в магазине. А здесь... У тебя бабушка дома есть?

— Нет. У меня бабушка в Ростове осталась.

— И у меня нет. И у Руслана Парамошина нет. Ни у кого нет. БАМ — стройка молодежная. К Вове Коробкину бабушка приезжала, но обратно уехала.

— Это что же получается? В поселке четверста человек народу и ни одной бабушки нет? Не может быть!

Таня села и задумалась и через минуту радостно вскочила:

— Я же сказала, не может быть! Помнишь, на Восьмое марта в клубе вечер был? Там самовар дарили! Единственной бабушке в поселке! Я и фамилию запомнила — Кукушкина.

Глава 10

Руслан Парамошин вязал носки. Он так сосредоточенно считал петли, что не заметил, как в дверях комнаты появились Таня Пасечникова и Юля Ю.

— Здравствуй! — смущенно сказали они, и выражение лиц у них стало такое, будто перед ними был царь Тутанхамон, а не мальчик, который вяжет носок.

Руслан поспешно спрятал носок за спину, но острая спица больно уперлась под лопатку. Руслан сморщился и ойкнул. В этот момент Таня и сказала:

— Руслан, мы пришли пригласить тебя в наш тимуровский отряд. Ты согласен?

— Конечно, согласен! — закивал головой Руслан. Он был на все согласен, лишь бы девчонки поскорее ушли. Не станешь же им объяснять, что в древние времена вязание считалось сугубо мужским делом. Девчонки все равно не поймут.

Таня с Юлей и не собирались уходить. Они были у Руслана впервые, и все им было интересно. И фотография парусника на стене, и кокосовый орех на книжной полке, и сам Руслан с вязальной спицей под лопаткой. Он сидел со страдальческим лицом до тех пор, пока не спрыгнул со шкафа и не напал на клубок синеглазый сиамский котенок. Девочки бросились отнимать клубок у котенка. Котенок мигом удрал.

— Руслан, а что это ты делаешь? — подкралась с вопросом Таня.

— Носок вяжу, — ответил Руслан так, будто усатый сердитый домоуправ спросил: «Кто разбил стекло?» и он признался: «Я».

— Ой! Как интересно! — заахали девочки. — В первый раз видим мальчика, который умеет вязать...

Когда восторги утихли, Таня сказала:

— Это очень хорошо, что ты согласился пойти в наш тимуровский отряд. Только пусть это будет наша тайна. Никому об этом не говори. У Сашки с Вовкой своя тайна, а у нас будет своя.

— Мы будем шефствовать над бабушкой Кукушкиной, — уточнила Юля, потому что по лицу Руслана было видно, что он ничего не понял. — Рубить дрова, ходить в аптеку, чинить забор.

— Окружать заботой! — добавила Таня. — Чего много разговаривать. Надо идти, и все. Прямо сейчас!

Руслан Парамошин стоял, хлопал белыми ресницами и не задавал ни единого вопроса. А хотелось спросить, например, «почему вы пришли ко мне, а не к Мише Полосаткину, или Таниного брата Сашу не позвали?» Но Руслан спросить не решился...

— Предлагаю через полчаса встретиться за лыжной базой! — сказала Таня. — Там общежитие бабушки Кукушкиной совсем рядом. Мы с Юлей возьмем сумку, может, бабушке надо в магазин сходить или в аптеку. А ты, Руслан, захвати молоток, топор и гвозди.

— Зачем молоток, топор и гвозди? — удивился Руслан.

— Как зачем? Может быть, дрова рубить придется или забор чинить. Мы ведь не в гости идем!

— Но в общежитии нет печки, там паровое отопление!

— Ладно, возьми молоток и гвозди. Чтобы бабушка Кукушкина сразу поняла — пришли тимуровцы, они все могут.

Ровно через полчаса Таня, Юля и Руслан встретились за лыжной базой и пошли к общежитию.

Возле подъезда несколько молодых мам катали детские коляски.

— Извините, пожалуйста, — обратилась к ним Таня. — Вы случайно не знаете, в какой комнате у вас старушка живет?

— Старушка? — переглянулись мамы. — У нас старушка не живет.

— А, может быть, живет? Ее фамилия Кукушкина. Помните, на Восьмое марта ей подарили в клубе самовар...

— Так это же моя соседка! — засмеялась одна из женщин. — Только какая же она старушка? Ее Мария Васильевна зовут. Она в пятой комнате по коридору направо.

— Спасибо! — сказали ребята, поднимаясь по ступенькам крыльца.

Возле двери с номером «пять» Таня два раза позвонила. Один раз чуть дотронулась до звонка, как до горячего утюга. Второй раз позвонила настойчивей, как звонят разносчики телеграмм. Но за дверью было тихо.

Глава 11

Гохтолья! Хорошо начинать главу с такого странного слова.

Гохтолья — будто разбежался с горы и влетел в пушистый сугроб только что выпавшего снега.

Гохтолья — слово мохнатое и трогательное, как тополиная сережка.

Так называлась станция, на которой стоял Дима Девяткин.

Дима стоял на деревянной платформе с дежурной по станции тетей Алисой и ее сыном восьмиклассником Сережей. Гохтолья когда-нибудь станет большой станцией. А пока — это посе-

лочек в тайге всего в несколько дворов. Дима с машинистом Толей добрались до Гохтольи вчера темным вечером и, кроме редких огней за деревьями, не видели ничего. Они сразу открыли дверь железнодорожного вагончика, где за столом возле телефона дежурила тетя Алиса, а Сережа топил железную печку. И их приняли так, будто они были дорогими гостями. Здесь всех принимали так, кто заглядывал на огонек. Радовались, поили чаем, запоминали надолго.

Толин состав ушел в Энск. Тетя Алиса не могла оставить своего поста. Как-никак дежурная по станции, и на дороге, где пока почти не ходят поезда, все равно нужен дежурный по станции — для порядка. Поэтому хозяином был Сережа. Он повел гостя по таежной тропинке в избу, накормил горячей картошкой с солеными грибами и постелил на печке. А пока они засыпали, рассказывал, как на прошлой неделе прибежал к ним на лыжах перепуганный молодой охотник, которому медведь выдрал клочок на спине у овчинного полушубка. А рассердился медведь потому, что охотник застал его в избушке, когда он хозяйничал на полке, где лежали продукты. С перепугу охотник замахнулся на медведя веником... А что было дальше, Дима уже не слышал. Так тепло было под овчиной на печке. Так устал он с того момента, когда ушел из дому.

И вот уже на следующий день они стояли на деревянной платформе — тетя Алиса, Сережа и Дима и смотрели вдаль, туда, где исчезала в тайге полоска рельсов, и ждали Толин состав.

— Что же это за наказание? — причитала тетя Алиса. — Тут ведь всего тридцать километров.

Но состав появился. Сначала синий тепловоз с ярко-оранжевой полосой и с большим словом БАМ на кабине.

Машинист Толя сбавил ход, и состав остановился.

Дима взобрался по лесенке и помахал тете Алисе и Сереже рукой. И Толя помахал рукой...

Потом тепловоз дал ход. Он торопился, его ждали на станции Улея. И проплыла мимо сопка со снежной вершиной, и железнодорожный вагончик, и собака Найда на деревянной платформе и редкие дымки труб за деревьями.

— До свиданья! — кричали вслед тетя Алиса и Сережа. — Приезжайте летом!

Голоса их стали едва слышны, и, когда из всех сил крикнул Сережа. Дима еле-еле разобрал его слова.

— Приезжай обязательно! Ты забыл взять гриб чагу-у-у...

— У-у-у! — подхватил тепловоз, и не стало видно Гохтольи и хороших людей — тети Алисы с Сережей.

Глава 12

В Шишкино — все близко. Пять минут — и ты в школе. Пять минут — и на станции. В поселке Шишкино всего одна улица — имени Первого августа. Называется она так потому, что первого августа бригада плотников заложила



первый дом — общежитие, в котором живет бабушка Кукушкина.

Бабушка Кукушкина сидела дома и писала письмо внучке Дашеньке.

В это время в дверь позвонили. Бабушка Кукушкина, открыв дверь, удивилась: в коридоре стояли две девочки и мальчик. Конечно, она видела их не раз, но знакома с ними не была.

— Пожалуйста, проходите, — сказала бабушка Кукушкина.

— Здравствуйте, — сказала девочка с белыми, как одуванчик, волосами. — Вы — Кукушкина?

— Я... — ответила бабушка Кукушкина. — Кукушкина Мария Васильевна. Я вам зачем-то нужна?

— Очень! — сказала Таня. — Вы нам очень нужны! У нас к вам дело.

— Может быть, мы лучше решим все за чаем? — предложила Мария Васильевна. — У меня самовар как раз поспел. Есть печенье и конфеты.

И бабушка Кукушкина захлопотала вокруг стола, а Таня, Руслан и Юля повесили свои пальтишки возле двери и чинно в ряд уселись на диване.

Комната бабушки Кукушкиной была совсем не похожей на комнату «бабушки». Не было в ней ни швейной машины, ни пестрых половичков, ни вышитых салфеток. Разве что самовар, да и то стоял он на березовом пеньке, а рядом с ним в углу скучали лыжи. Над диваном, на котором восседал тимуровский отряд, на куске рыболовной сетки висел желто-розовый краб. А холодильник «Саратов» украшал большой глобус. Эта комната по логике должна была бы принадлежать какому-нибудь бородатому геологу или путешественнику, но только не бабушке в байковом халатике.

— Чего притихли? — улыбнулась бабушка Кукушкина. — Давайте чай пить!

И ребятам стало неловко. Они ведь пришли заботиться о пожилom человеке, а получается, что пожилой человек заботится о них.

— Может, вам в аптеку сбегать надо? — спохватилась Таня.

— В аптеку? — Мария Васильевна чуть не уронила на пол чайное блюдце. — Зачем?

— Может, лекарство какое-нибудь надо...

— В жизни не болела, — сказала бабушка Кукушкина. — Давайте лучше поговорим о вашем деле.

Теперь ребята и не знали, что сказать. Какое может быть дело, если дров рубить не надо, в аптеку бежать незачем. Даже забор починить нельзя, потому что нет забора вокруг общежития. Все молчали и ждали, что кто-нибудь начнет первым. Таня надеялась на Юлю, а Юля — на Руслана. А Руслан просто молчал.

— Ой! — подскочила Юля. — Мы же не сказали, как нас зовут: Руслан, Таня и Юля.

— Очень приятно! — сказала Мария Васильевна.

— Понимаете, — сказала Таня. — Мы — тимуровский отряд. Решили над вами шефствовать. Вы — единственная бабушка в поселке.

— Единственная бабушка? — удивилась Мария Васильевна. — Единственная бабушка... Ой, правда, мне почти пятьдесят лет. Просто я еще не привыкла, что я бабушка. Вернее, отвыкла. А у меня и внучка есть. Дашенька. Только не знаю даже, как вы будете надо мной шефствовать? Я днем на работе. Правда, можно в выходной....

— Вот и хорошо! — обрадовались девочки. — В выходной даже лучше. Уроки учить не надо. Нас почти каждый день спрашивают.

— Может быть, вам гвоздь вбить надо? — предложила Юля. — Вы на него картину повесите или внучкину фотографию...

— Руслан может! — подхватила Таня. — Он даже гвозди и молоток принес.

— Гвоздь... — задумалась на минутку бабушка Кукушкина. — Можно и гвоздь. Даже не один, а два. У двери. А то вешалка маловата. Приходят гости, а им пальто повесить некуда.

И все радостно направились к двери. Мария Васильевна нарисовала мелом две точки на стене. Для гвоздей. Руслан приставил первый гвоздь к белой точке. Размахнулся и... гвоздь упал на пол и закатился под полку с обувью. Девочки встали на колени и стали его искать. У Руслана от стыда пылали уши. Ни разу в жизни не приходилось ему забивать гвоздей. Признаться в этом он не решился. Потому что думал, что нет ничего проще, чем забивать гвозди.

Наконец гвоздь нашли в домашней тапочке бабушки Кукушкиной. Руслан снова приставил его к белой точке. Сосредоточился и со всей силы ударил по пальцу.

Пошла кровь, и бабушка кинулась искать йод и бинт. Так что едва не пришлось действительно бежать в аптеку.

Руслана усадили на диван, а гвоздь и молоток взяла Юля.

После четвертого удара гвоздь чуть-чуть вошел в стенку. После двенадцатого согнулся, как человек, у которого вдруг заболела поясница.

— Здесь стенка из твердой древесины, — успокоила Юлю Мария Васильевна. — Дуб, наверное... Дай-ка я попробую.

Она взяла новый гвоздь. Ударила по нему три раза и повесила Юлино пальто. Потом ударила по второму гвоздю три раза и повесила пальто Руслана.

— Дуб! — подтвердила бабушка Кукушкина, возвращая Юле молоток. — Полный порядок!

Вы не огорчайтесь! Я в Краснодаре на мебельной фабрике работала. Пять лет. Ничего особенного — один человек умеет гвозди забивать, другой еще что-нибудь...

Конечно же, она имела в виду Руслана.

— Он контрольные по математике решает самым первым...

— Он вязать умеет! — поспешила сообщить Юля.

— Вязать умеет! Какой молодец! Если бы ты согласился и меня научить... Я бы связала к зиме носочки для своей Дашеньки...

— Научу... — очень тихо сказал Руслан, держа кверху перевязанный палец.

— Вот спасибо! — обрадовалась бабушка Кукушкина. — Очень хорошо, что вы организовали тимуровский отряд.

— А еще, знаете, о чем мы мечтаем? — сказала Таня. — О зоопарке... Но это дело будущего, как вы понимаете... Мы уже говорили. Вольеры для птиц. Аквариумы с морской водой...

— Зоопарк — хорошо бы, — согласилась бабушка Кукушкина. — Я аквариумы тоже люблю. Только здесь редких рыбок-то где возьмешь? Есть такие рыбки, что в темноте светятся... Может быть, в школе — с зоологического кружка начать? А там узнаем адреса юных зоологов в больших городах. Напишем им. Они помогут. Можно обмениваться зверями. Наших, таежных на каких-нибудь — из Узбекистана... Если вы будете и дальше надо мной шефствовать, вместе что-нибудь придумаем... Если хотите, конечно...

— Конечно, хотим! — радостно согласились Таня, Юля и Руслан. Весь тимуровский отряд.

Глава 13

На окраине поселка Шишкино сел вертолет. Встречали вертолет трое — работница почты Лариса, киномеханик Дудин и черная собака Пегашка.

Лариса пришла за письмами и посылками. Киномеханик Дудин ждал коробку с фильмом «Алый». А собака Пегашка пришла просто так.

Вертолетчик открыл дверь, и оттуда вышел мальчик. С рюкзаком и большой картонной коробкой.

— Это вы сына встречаете? — спросил вертолетчик Ларису, Дудина и Пегашку.

— Я почту жду, — ответила Лариса.

— А я коробку с фильмом «Алый», — пожал плечами киномеханик Дудин, а Пегашка повиляла хвостом.

Дима смутился, поднял коробку до самого носа и спрятался за ней.

— Ничего! — успокоил Диму вертолетчик. — Наверное, отец телеграмму не получил. Явишься сюрпризом. Так даже интереснее. Счастливо! — И он пошел выгружать почту.

— Счастливо! — помахал Дима в ответ. — Доберусь...

— Ты к кому? — с интересом посмотрела на него Лариса. — Мы никого не ждали. Последняя



телеграмма была неделю назад. В школу прислали. Василия Васильевича в район приглашали на совещание. А больше телеграмм не было.

— Я к Зайцевым, — тихо ответил Дима. — Я им кур привез.

— Видишь, дорога идет прямо? Во-он по ней лесовоз едет, бревна везет! За этим лесовозом тропинка вниз. По тропинке спустишься, домик увидишь. Он стоит один прямо в тайге. Там Зайцевы и живут.

И Дима заспешил по дороге. Боялся, что его начнут расспрашивать. Он прошел метров тридцать, выбрал старое сильное дерево у дороги и, прислонившись к стволу спиной, решил немножко отдохнуть и осмотреться. В коробке нетерпеливо завоились куры, им за долгую дорогу надоело сидеть в тесноте. Куры приехали домой. Им, конечно, обрадуется мама машиниста Толи. А кто обрадуется ему? Вот проехал мимо Димы грузовик с песком. Молодой шофер даже не обратил внимания, что возле дерева стоит мальчик. Проехал грузовик, и пусто стало на дороге.

И захотелось Димке, чтобы все это ему только приснилось. Как он из-за двойки оставил папу

одного и уехал куда глаза глядят. Он покрепче зажмурил глаза и не открывал их, наверное, минуту. Но когда он открыл глаза, то перед ним снова был поселок Шишкино. И мимо ехал тот же самый грузовик. Он уже высыпал песок и куда-то торопился снова. Делать нечего. Взвалил Дима коробку с курами на плечо и пошел, как показала Лариса, — прямо по дороге и по тропинке вниз. И услышал, как вертолет улетает, Все! Обратной дороги нет. Вертолет улетел, а поезда в Шишкино пока еще не ходят.

Глава 14

В четверг после обеда у начальника стройки Ивана Ивановича Гвоздиков был прием по личным вопросам. В приемной сидели трое — Мария Васильевна Кукушкина, папа машиниста Толи и Дима Девяткин.

— Не волнуйся! — говорил Диме папа машиниста Толи. — Иван Иванович сам был мальчиком. Он все поймет.

— Да я не волнуюсь, дядя Андрей, — ответил Дима. А у самого от волнения уши пылали и пальцы крутили пуговицу на пальто.

— Мальчик, у твоей пуговицы, наверное, уже голова кружится, — улыбнулась Мария Васильевна.

Чем он взволнован, и как ему помочь? Спросить она не решалась, потому что мальчика видела впервые и Андрея Васильевича знала плохо. Жил он не в поселке, а в домике под горой.

— Проходите! — пригласила секретарша Света. И Андрей Васильевич с мальчиком скрылись за дверью, обитой черным дерматином.

— Как настроение сегодня у Ивана Ивановича? — поинтересовалась бабушка Кукушкина у секретарши Светы.

— Нормальное, — ответила Света и очень внимательно посмотрела на Марию Васильевну. Видимо, по лицу хотела узнать — с каким личным вопросом пришла она к начальнику стройки.

«Наверное, уезжать собирается... — подумала Света. — Поэтому и про настроение спрашивает. Все, кто уезжать собираются, про настроение Ивана Ивановича спрашивают. А чего спрашивать? Он таких людей терпеть не может. Чего на старости лет на БАМ ехать? БАМ строит молодежь...»

И секретарша Света села за печатную машинку. Быстро-быстро застучала она. Это было похоже на музыку — марш. Под этот марш на белом листе бумаги выстраивались ровными рядами буквы. В конце каждой строчки раздавались коротенькие звоночки. Весело работала секретарша Света!

Андрей Васильевич и Дима были в кабинете начальника стройки долго. Только минут через тридцать дверь открылась, и из нее вышли друг за другом Дима, Андрей Васильевич и Иван Иванович. Бабушка Кукушкина заметила, что пуговица у Димы на пальто оторвана. Это он от волнения ее открутил, а теперь держал в кулаке и улыбался. И Андрей Васильевич улыбался. И Иван Иванович. Все втроем.

— Желаю успехов! — сказал Иван Иванович на прощанье Диме. — Порадовал ты меня. Я думал, что перевелись такие мальчишки. До встречи! А то меня Мария Васильевна заждалась.

И Иван Иванович пригласил в кабинет бабушку Кукушкину.

За целых два года, а это целая история поселка Шишкино, Мария Васильевна пришла с личным вопросом в первый раз. Это немножко пугало начальника стройки. Неужели собралась уезжать? Мария Васильевна была очень хорошей каменщицей.

— Не знаю даже, как сказать... — начала Мария Васильевна. — Дело вот в чем... Мы о детях не думаем. А ведь Шишкино мы для них строим. Им здесь жить и водить по новой дороге поезда.

— Ничего не понял... — пожал плечами Иван Иванович. — Какой-то день приема по детским вопросам. Видели, мальчик приходил? Сам к нам приехал. У отца даже разрешения не спросил. Что с ним делать? Ума не приложу! Заказал разговор по телефону с отцом.

— Может быть, я мальчика пока к себе возьму пожить? — предложила Мария Васильевна.

— Нет! Пока он у Зайцевых живет. А потом посмотрим. Ну, говорите, какие у вас ко мне претензии?

— У меня не претензии. Я хочу сказать, что мы детей не замечаем.

— Почему не замечаем? Я один раз в школе выступал.

— В школе — это что! А вот кого из них вы по именам знаете?

— Вовку знаю. Моего соседа. Ворона у него. Сына нашего бульдозериста знаю. Беленький такой. Кажется, Пашкой зовут. Точно не помню. И еще... В детский сад я заходил. Кормят хорошо.

— Я не о том! — перебила его Мария Васильевна. И рассказала про тимуровцев.

— Очень хорошо, — сказал Иван Иванович. — Просто великолепно!

— Да, — сказала Мария Васильевна. — Но им заботиться о ком-то надо. Они по делу скучают. А всех дел у них — одна я бабушка...

— И что? Вы предлагаете сюда штук сто бабушек выписать?

— Я совсем другое предлагаю, — сказала Мария Васильевна. И рассказала про зоопарк...

Иван Иванович выслушал все очень серьезно и сказал:

— И зоопарк — просто великолепно! Зоопарк, конечно, в планах развития Шишкино не предусмотрен. Но надо обдумать... Очень перспективные ребята, я бы сказал... Масштабно они мечтают...

И Иван Иванович с бабушкой Кукушкиной еще долго что-то обсуждали и даже спорили.

И когда Мария Васильевна уходила, провожаемая до порога Иваном Ивановичем, в приемной уже дожидался новый посетитель — Саша Пасечников. И тоже, конечно, по весьма важному делу. Потому что ему вдруг понадобился старый вагончик на пустыре. На котором было написано «Лыжная база». Весной в Шишкино никакая «Лыжная база» никому не нужна. И если Иван Иванович согласился бы отдать его пионерам, вагончик вполне можно было приспособить под музей.

— И ты ко мне? — спросил Сашу Иван Иванович. — Проходи, дорогой...

Окончание следует



НА БЕРЕГУ ЯНТАРНОГО МОРЯ

Над старым Таллином плывут с залива облака. Плывут над крышами домов, над башнями, над шпилями, над крепостной стеной, над флюгерами. Много славных мастеров украшали Таллин. Камнетысы покрывали искусной резьбой камни, живописцы расписывали потолки и стены домов, резчики по дереву затейливыми узорами украшали двери, кузнецы выковывали дверные молотки (стучать в двери дома), делали замысловатые замки, причудливые вывески, красивые решетки. По-эстонски «кузнец» звучит как «сепп». Но «сепп» также значит и мастер. Издавна считали таллинцы эстонских кузнецов настоящими мастерами. Флюгера — это их работа. Самый знаменитый флюгер, да, наверное, и самый древний, выкованный еще в 1530 году — это «Вана Тоомас». Сейчас этого воина-знаменосца с мечом на боку знают повсюду. Его можно увидеть на открытках, на значках, на марках, но лучше всего посмотреть на него в Таллине. Он смотрит в море со шпиля таллинской ратуши. Смотрит, как поутру просыпается город и таллинцы спешат на работу. Идут мастера электроаппаратуры завода «Вольта», «Ээсти кабель». Торопятся машиностроители к проходной «Ильмарине», судо-

строители к докам и эллингам, а текстильщики на комбинат «Балтийская мануфактура».

В таллинский порт идут моряки и докеры. Из многих стран мира приходят к Таллину корабли!

Уже давно ушло в прошлое время, когда только своими отважными и умелыми рыбаками славилась Эстония. Теперь эстонцы — машиностроители и шахтеры, химики и строители. Но все-таки сохраняют эстонцы к морю особое отношение.

Наверное, поэтому многие памятники, установленные в городе, связаны с морем.

В парке Кадриорг — знаменитая «Русалка» — памятник, поставленный в память о гибели русского броненосца в сентябре 1893 года.

На старинной башне «Длинный Герман» установлена мемориальная доска, она сообщает, что в 1906 году у этой стены были расстреляны 18 революционных матросов, которые подняли восстание на крейсере «Память Азова».

На берегу моря памятник Герою Советского Союза Евгению Никонову. Не выдал военную тайну советский моряк, заживо сожгли его фашисты.

Из Таллина на пароходе можно дойти до Риги.

Если в Таллине знаменит

«Вана Тоомас», то в Риге вам покажут петушка на шпиле колокольни церкви Петра. Снизу он кажется маленьким, а на самом деле он ростом с хорошего теленка. Еще весной 1746 года установил его на шпиль мастер Вюльберн, и почти двести лет сверкал он над Ригой, на 120-метровой высоте. Не было в Европе деревянной колокольни выше колокольни церкви Петра. В 1941 году разрушили ее фашисты. Обстреляли зажигательными снарядами. Но настало время, и архитекторы восстановили удивительную колокольню, и снова засверкал над Ригой золотой петушок. Смотрят на него рижские рабочие, инженеры, мастера латвийской промышленности, чьи руки создают автомобили — знаменитые на всю страну «Рафики», радиоприемники, телефонные станции, и удивляются делу золотых рук старых мастеров Латвии.

Есть в Латвийской республике город Лиепая. Одни говорят, что это город-порт, другие, что промышленный центр, третьи, что это курорт. Все это правильно, но не все знают, что Лиепая — город мужества.

В 1941 году, 22 июня, когда стрелки часов показывали три часа пятнадцать минут ночи, на спящий город сбросили бомбы

самолеты с черными крестами на крыльях. В ту же ночь мирный латвийский город стал передовой линией фронта, хотя в Лиепае не было военных. Части Красной Армии старались задержать врага на дальних подступах к городу, а в городе пятьсот кораблестроителей завода «Тосмаре» и двести пятьдесят рабочих «Красного металлурга» взяли в руки оружие. Было в Лиепае около трехсот коммунистов и примерно столько же комсомольцев.

Утром 23 июня, поднимая облака пыли, приблизились к Лиепае автомашины и мотоциклы гитлеровцев, хорошо вооруженных, прошедших с боями по всей Европе. Казалось бы, что для них Лиепая?! А не смогли они войти в город. Остановили их молодые парни, впервые взяли они оружие, а фашистов не пропустили. На всех участках обороны насмерть стояли рабочие отряды Микелиса Буки, Яниса Зарса, Иманта Судмалиса. И враг не прошел.

Он бросил против маленькой Лиепаи две дивизии. Не пройти! Он усилил дивизии артиллерией и моторизованными частями. Ничего не получается! Тогда фашисты пустили танки...

Семь дней сражалась Лиепая, небольшой мирный латвийский город.

Отгремела война. Трудолюбивый латвийский народ восстановил разрушенное в годы фашистской оккупации хозяйство. А потом стал заново создавать целые отрасли промышленности! Сейчас продукцию маленькой прибалтийской республики знают в разных странах мира!

Больше всех в нашей стране выпускает Латвия радиоприемников, мопедов, холодильников. Бегут по улицам наших городов построенные в Латвии трамвайные вагоны. Работают автоматические телефонные станции, мчатся по рельсам пассажирские вагоны. Во многих портах мира знают суда Латвийского морского пароходства. Еще бы! Ведь за послевоенное время грузовые

перевозки торгового флота этой республики выросли в 18 раз!

Из Лиепаи по Балтийскому морю идут суда мимо Куршской косы. Находится она недалеко от того места, где впадает в море отец литовских рек — Нямунас. Если кто-то попадет на Куршскую косу, литовцы обязательно расскажут ему легенду о девушке-великанше Неринге. Когда-то давным-давно она провожала в море литовских рыбаков и встречала на берегу с уловом. Если случался на море шторм, спасала Неринга рыбацьи суденышки, выводила их к родным причалам. Однако не всегда успевала девушка на помощь рыбакам, много гибло их, когда бушевала непогода.

И решила Неринга помочь людям избавиться от беды раз и навсегда. Великанша насыпала в передник песок и носила его в море и высыпала около устья Нямунаса. Получилась песчаная насыпь, отгородила она бухту от морских ветров. Рассердился ветер на Нерингу, набросился на песчаную косу, швырял на нее свирепые морские волны, но сделанная девушкой насыпь выдержала. С тех пор рыбаки могут ловить рыбу в бухте, закрытой от ветра песками. Но пески эти живые, они могут двигаться. Бывало, двигаясь, пески засыпали целые деревни. Но это было давно. Теперь литовцы научились бороться с шагающими дюнами. Они сеют на них травы, сажают лес, создают защитные участки.

Но не только этому научились литовцы. Строят они теперь крупные рыболовецкие суда. И ловят рыбу они не в прибрежных водах, как раньше, а уходят далеко в Атлантический океан и Баренцево море. По несколько месяцев бороздят морские просторы рыбаки. А если заполняют трюмы уловом, то не спешат к берегу — вызывают к себе плавучие рыбозаводы.

Когда-то заводы Москвы,

Ленинграда, Белоруссии и Украины помогли Литве создать свое станкостроение, а теперь республика сама отправляет во все города страны электронно-вычислительные машины и стройматериалы, электрические кабели и бумагу, станки и минеральные удобрения.

Если войти в устье Нямунаса и пройти по нему на лодке вглубь Литовской республики, то можно попасть в небольшой курортный город Друскининкай, известный своими источниками лечебных минеральных вод. В парке города, недалеко от павильона источника стоит памятник Микалоюсу Константинасу Чюрлёнису — художнику и композитору.

Однажды художник сказал: «У меня здоровые крылья. Я полечу в далекие миры, в край вечной красоты, солнца и фантазии, в заколдованную страну». Он нашел эту страну, вернее создал ее на своих полотнах и озвучил прекрасной музыкой. И называется все это — музыкальной живописью. Его картины хранятся в Каунасе, его музыка звучит на концертах, исполняется по радио и телевидению, а также в маленьком домике в Друскининкае, где прошло детство маленького Кастукаса.

Вышли к берегу Балтийского моря три сестры, три прибалтийские республики Латвия, Литва и Эстония. Что же у них общего, кроме моря? Любовь! Любят латыши, литовцы и эстонцы свою землю, заботливо ухаживают за ней, с удивительным искусством украшают свои города, высоко держат марку прибалтийских изделий и поют. Любят в прибалтийских республиках песню так, как нигде. В каждой республике есть парки, где проходят Праздники песни.

Представьте себе хор — тридцать тысяч певцов! И еще столько же зрителей. И все — поют!

Летит песня с весенних эстрад к морю. Прекрасная песня свободных и счастливых советских людей.

Л. ГАВРИЛОВ, В. СУСЛОВ

ПО СПИСКУ

РАССКАЗ

Н. ФЕДОРОВ

Рисунки А. Ивашенцовой

Новый год мы с родителями ездили встречать в Москву к папиной сестре. А когда рано утром второго января возвращались домой, я еще издали увидел около нашей парадной знакомую Генкину фигуру. Фигура нетерпеливо топтала чистый свежавывавший снежок и хлопала замерзшими ладонями, словно аплодируя нашему появлению.

— Здорово, — сказал я небрежно и даже вроде бы сердито, потому что был страшно рад видеть Генку. Ведь мы с ним не встречались целый год! — Чего это тебе не спится, мыслитель?

— Какой там сон! — закричал Генка и замал руками. — Некогда сейчас дрыхнуть. Дуй скорей домой, делай там, что тебе надо и живо выходи. По дороге все расскажу.

Я не стал препираться и выяснять подробности, а побежал наверх. Уж если Генка в каникулы в девять часов утра на ногах, то сопротивление бесполезно.

— Куда идем? — спросил я, когда мы шагали по улице.

— В драмкружок, — деловито ответил Генка. — Будем учиться на артистов.

— Все понятно. А торопимся мы потому, что вечером у нас премьера: «Царь Федор Иоаннович» в Пушкинском театре. Ты, конечно, царя играешь.

— Ничего тебе не понятно, — сказал Генка и остановился. — Ты знаешь, что сказал Вильям Шекспир?

— Кому, тебе?

— Почему это мне? Всем людям.

— Ну, и что он сказал?

— Он сказал: весь мир — это театр. Чувствуешь мысль?

— Ну и что?

— А то. Вспомни, о чем нам Татьяна Алексеевна на последнем уроке перед каникулами говорила? О призвании говорила. О том, что в каждом человеке талант сидит, говорила. Надо только суметь его найти. А как его, спрашивается, найдешь, если мы с тобой, кроме школы, уроков да шайбы с клюшкой, ничего не видим.

— Почему это, ничего? — сказал я. — В первой четверти, к примеру, мы на «Щелкунчика» ходили.

— Вот именно, — сказал Генка. — А во мне, может, какой-нибудь Миклухо-Маклай сидит. Или братья Райт.

— Так сразу вдвоем и сидят?

— Что значит вдвоем?

— Ну, братьев, их же двое было.

— Да ну тебя! — отмахнулся Генка. — В общем, ты как хочешь, а я свои таланты зарывать в землю не намерен.

— Ладно, ладно, успокойся. Никто тебя не заставляет таланты зарывать. Да и земля сейчас мерзлая, не очень-то покопаешь. Но имеется вопрос: а почему, собственно, ты именно в этот кружок записался? Может, в тебе, к примеру, Шуберт сидит? Или Мичурин? А ты, вместо того, чтобы сочинять фуги и кантаты или морковку с виноградом скрещивать, будешь из папье-маше груши срисовывать.

— Наконец-то твоя голова начинает соображать, — снисходительно ответил Генка и торжественно извлек из кармана какую-то бумажку.

— Это чего еще? Список талантов? — спросил я.

— Почти, — сказал Генка. — Это, мой друг, список кружков, куда я записался. Ну и для тебя двери не закрыты. Значит, так. Сейчас у нас театр, потом авиамодельный, затем лепка, бальные танцы и вечером лобзик. Завтра юннаты, инкрустация по дереву, шахматы, художественная вышивка и это... Эх, черт, не могу прочесть... Ага, разобрал: юный эн-то-мо-лог. Во как!

— Это что за зверь?

— Точно не знаю. Кажется, про блох что-то. Еще у меня в запасе мелодекламация, горн и барабан, резьба по ганчу, художественный свист и юный друг пожарных. Так что со мной не пропадешь. Пошли быстрее.

В драмкружке царил невероятная суеда и неразбериха. Готовилась премьера спектакля «Баба Яга и ЭВМ». Маленькая круглолицая преподавательница, походившая скорей на старшеклассницу, вихрем носилась по залу, отдавая команды.

— Анна Андреевна, новенькие пришли! — крикнул кто-то из артистов, заметив наше появление.

— Очень кстати, очень кстати, — затараторила Анна Андреевна, подбегая к нам. — Дефекты речи имеются? Картавость, шепелявость? Впрочем, это не важно. Главное, чтоб не было заикания. Заикания нет?

— Нет, — ответили мы хором.

— Вот и отлично. Будете играть собак. Давайте на сцену, живенько!

— А текст? — спросил Генка. — Мы же текста не знаем!

— Текст простой: гав! гав! И главное, помните: вы очень злые заколдованные собаки. Расколдовать вас может только ЭВМ, если пионер Вася правильно заложит в нее программу. Сви-репый Змей Горыныч поручил вам охранять вход в пещеру, где лежит волшебный транзистор. После слов мельника: «Только бы Змей Горыныч не проснулся», вы выскакиваете из пещеры и с лаем гонитесь за королем и мельником. Все понятно?

— Понятно, — сказал Генка. — Исполним в лучшем виде. На клочки разорвем, если надо.

— На клочки не надо, — сказала преподава-



тельница. — Король, мельник, Змей — все на сцену! Начинаем!

Нас с Генкой посадили за спинку стула, видимо, означавшего вход в пещеру. Рядом, за другим стулом расположился Змей Горыныч — бледный, худенький мальчишка с длинными пушистыми ресницами.

Репетиция началась.

Мельник подошел к краю сцены и, широко улыбнувшись, добродушно сказал:

— Темень-то какая. Ни зги не видать. Хоть бы свет зажгли.

— Какой свет?! Что ты несешь, Брындин?! — замахала руками Анна Андреевна. — У тебя по тексту: хоть бы луна взошла. Ты же в диком лесу находишься. И перестань наконец улыбаться как дефективный.

— Больше не буду, — сказал мельник, и, еще шире улыбнувшись, снова произнес: — Темень-то какая. Ни зги не видать. Хоть бы свет зажгли.

— Тьфу ты, господи! — чуть не плача, закричала преподавательница. — Дался же ему этот свет! Король, зажги свет! Выключатель рядом с тобой.

— Так светло же, Анна Андреевна, — сказал король. — Вон солнце прямо в окно шпарит.

— Все равно зажги! Брындину темно! А теперь сначала!

— Темень-то какая. Ни зги не видать, — в третий раз затянул мельник и, взглянув на потолок, где загорелись лампы, облегченно закончил: — Хоть бы луна взошла.

— Смотри, мельник! — закричал король, да так, что у меня в ушах зазвенело. — Обманешь — не сносить тебе головы!

— Не извольте беспокоиться, ваше величе-

ство, — ответил мельник, растянув рот до ушей. — Пришли, кажись. Вот и дуб засохший.

— Стоп! — закричала Анна Андреевна и вскочила на сцену. — Ну, ответь мне, Коля, чему ты улыбаешься?! Тебе ведь голову хотят отрубить, а ты улыбаешься. Может, праздник у тебя какой? День рождения там, или свадьба? Ты скажи, мы все вместе порадуемся, поулыбаемся, а потом работать начнем.

— Мельник, кончай скалиться! — зашипел Генка. — Мы из-за тебя в авиамодельный опаздываем.

Но как только репетиция возобновилась, бесполовый мельник опять начал улыбаться, путать текст, называя короля «вашим благородием», и снова просил включить свет.

— Все! — решительно прошептал Генка. — Больше мы не можем здесь торчать. Надо смыться!

— Неудобно вроде, — сказал я. — Мы ж еще ни разу не лаяли.

— Ничего. Пусть кто-нибудь другой полает. — Генка на четвереньках перебрался к худенькому мальчишке, терпеливо сидевшему за соседним стулом: — Слушай, Горыныч, полаеть за нас, а? Ты все равно ничего не делаешь. А мы опаздываем.

— Я не могу, — сказал Змей Горыныч. — Мне сейчас храпеть нужно будет.

— Ничего. Похрапишь, потом полаеть. Ты, сразу видно, способный. Не то, что этот, дубина-мельник.

И воспользовавшись тем, что измученная преподавательница в десятый раз стала допытываться, почему мельник улыбается, мы выскользнули из зала.

В авиамodelьном мы выпиливали какие-то нервюры и куда-то приклеивали элероны. А может, наоборот: приклеивали нервюры и выпиливали элероны. Теперь я уже не помню. Потому что ни выпилить, ни приклеить мы не успели: пора было торопиться в кружок лепки.

В кружке лепки мне дали задание вылепить утку, а Генке — свинью. Генка долго и задумчиво мял в руках пластилин, а потом вдруг громко, на всю студию сказал: «Темень-то какая. Ни зги не видать. Хоть бы свет зажгли».

После лепки в коридоре Генка достал свою бумажку и сказал:

— Тэк-с, что у нас теперь по списку? Ага, сейчас бальные танцы, а вечером лобзик.

— Нет, — сказал я. — С меня хватит! Не хочу больше ни танцев, ни лобзика. И вообще, ничего больше не хочу. Рехнешься тут с тобой!

— Я это предвидел, — сказал Генка голосом инспектора Мегрэ. — Конечно, ходить раз в год на «Щелкунчика» и играть в «балду» легче. Никаких тебе хлопот и, главное, голова в покое. Как тыква на витрине.

— Лучше в «балду» играть, чем тут по лестницам вверх-вниз без толку носиться. А талант, если он есть, сам себя покажет. Лермонтов уже в шесть лет стихи писал. Ни по каким кружкам не таскался.

— Серый человек. Лермонтов при царизме жил. Тогда не то, что кружков — радио не было. А в наше время он бы небось с трех лет поэмы писал. Да чего я тебя агитирую. Не хочешь, как хочешь. Упрашивать не буду.

И Генка побежал в танцевальный зал.

До конца каникул Генку я почти не видел. Лишь однажды вечером он пришел ко мне посмотреть хоккей. Передавали центральный матч сезона. Когда начался второй период, Генка уснул. Во сне он вскрикивал, что-то бормотал про Шекспира, и мой папа даже предложил проводить его до дома.

В последний день каникул с утра стояла отличная погода. Яркое светило солнце, а морозное небо было чистое и ослепительно синее. Я взял клюшку и коньки и вышел из дома. И вот тут я увидел Генку. Зрелище было великолепное! Широко расставив ноги, в расстегнутом пальто и в шапке набекрень Генка стоял посреди двора. В руках он держал огромный дворницкий лом. Лом взлетал над Генкиной головой и с глухим ударом врезался в искрящийся лед. Золотые брызги весело разлетались в разные стороны.

Вдоволь насладившись картиной, я сказал:

— Решил все-таки зарыть таланты в землю.

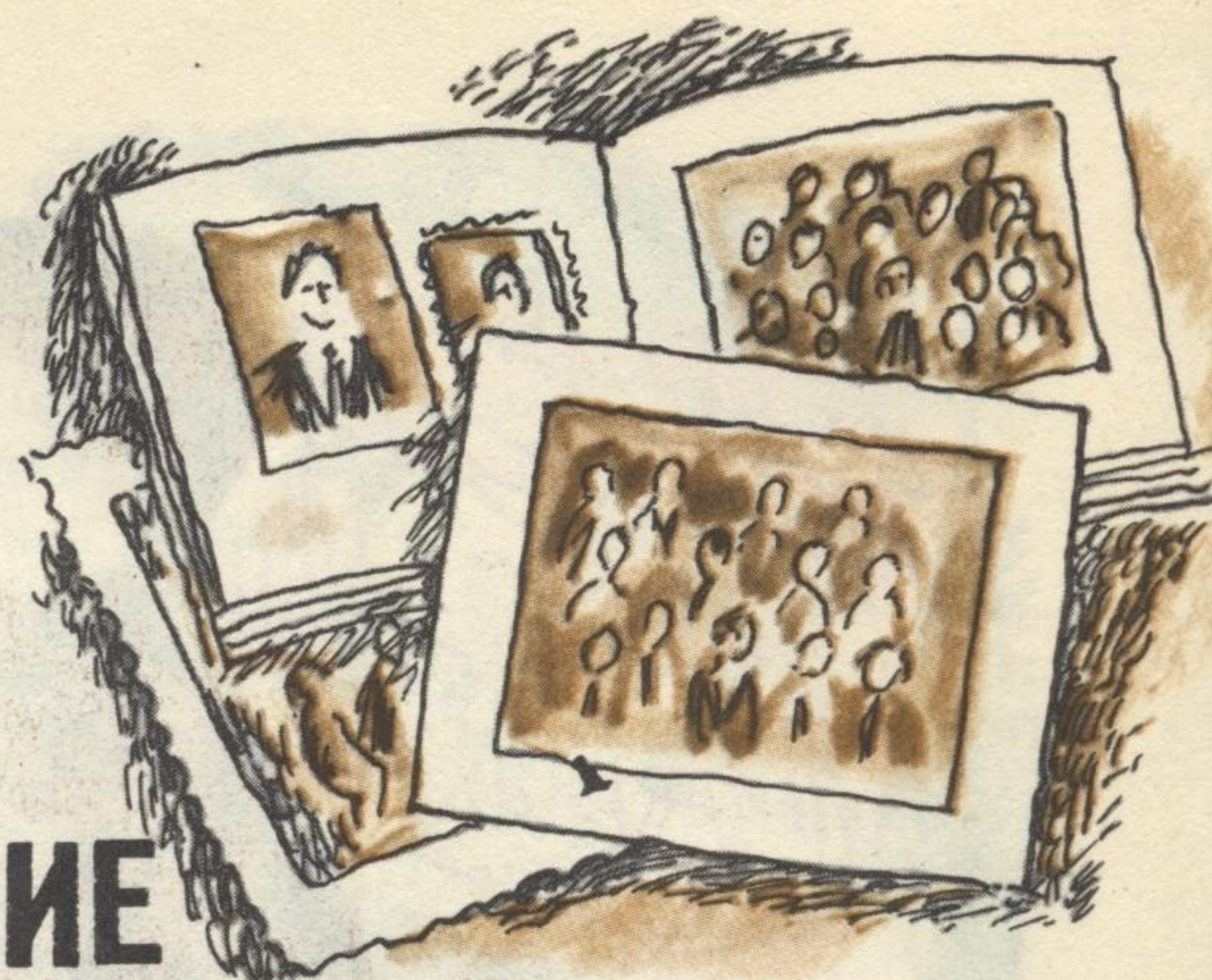
Генка перестал долбить и вытер рукавом пот со лба:

— Слушай, Серега, не нервюруй меня. То есть, я хотел сказать, не нервируй. А нервюра — это в самолете такая штука. В хвосте, кажется. Или в носу...

И он с удвоенной силой обрушил лом на ледяную корку.

Потом мы вместе пошли на каток. И первый раз за все каникулы наша команда выиграла. Потому что на воротах стоял Генка.

Е. МАТВЕЕВА



ДОРОГИЕ МОИ УЧИТЕЛЯ

Одних учителей любят отличники, других — двоечники. Этим двух у нас любили все. Но что знали мы о них, пока были их учениками?

Я пришла к ним через десять лет после окончания школы, в маленькую квартирку, где балкон заставлен ящиками с цветущей настурцией и бархатцами. Они совсем не изменились, мои учителя: Алексей Николаевич Глуховцев — директор Славянской школы № 6, учитель химии, и его жена, Валерия Ивановна Досычева — учитель немецкого языка.

Алексей Николаевич — высокий, седой. Он спокоен и неизменно вежлив. Валерия Ивановна — быстрая, энергичная. Оба строги, но справедливы. Ученики хорошо знают дорожку к их дому, а ведь не ко всякому учителю ходят домой ребята.

Я знала, что Алексей Николаевич закончил Харьковский университет, его оставляли в аспирантуре, но он выбрал школу. Мы любили хвастаться ребятам из других школ, что наш директор запросто пишет любую формулу: формулу чернил и чернильницы, даже формулу борща (мясо, картошка, капуста, морковь)! А еще он ставил редкую отметку — кол. Этим мы тоже хвастались.

С Валерией Ивановной последний раз я встречалась в Москве, где училась в институте. Она приехала посмотреть на знаменитую «Джоконду» Леонардо да Винчи.

— Неужели вы специально для этого приехали из Славянска? — удивилась я.

— Конечно, — сказала Валерия Ивановна. — Выдался случай увидеть загадочную улыбку Джоконды! Разве можно им пренебрегать?

...Валерия Ивановна ставит на стол чашки, разливает чай и рассказывает мне о моих одноклассниках.

— Сеня Семенов закончил мореходку, плавает, — говорит она.

— Кто такой Семенов? По-моему, у нас такого не было.

Валерия Ивановна смотрит на меня с удивлением.

— Ты что, Семенова не помнишь? Алексей Николаевич, дай мне, пожалуйста, фотографии.

Алексей Николаевич приносит стопку фотографий, и Валерия Ивановна находит нашу, снятую перед выпуском.

— А это, — строго спрашивает меня, — разве не Семенов?

— И вы всех помните?

— А как же? — сердито говорит она. — Вот выпуск тридцать девятого года. Спроси про любого. Кстати, эти четверо были в партизанском отряде... А вот выпуск сорок первого года. Витя Малюта, летчик, писал мне с фронта. Люба Горковенко, ее угоняли в Германию, она выскочила из поезда в районе Лозовой. А эти три девочки, в верхнем ряду, были медсестрами. Иосиф Еременко и Зинько Вова. Погибли.

— А помните, как началась война? — спрашиваю я.

— Во всей стране в школах был выпускной вечер. Сколько разговоров о будущем! Танцевали, говорили до четырех утра, а в четыре пошли встречать восход. Вышли за город, поднялись на холм. Девчонки в белых платьях, красивые, кричали: «Здравствуй, солнце!» Начался первый день их взрослой жизни. И думали — прекрасный день. В шесть утра возвращались. Возле Дома культуры — громкоговоритель. Так и узнали. И все мальчишки прямо с выпускного вечера — в военкомат.

...Зимой сорок второго года советские войска освободили город, и тогда Алексей Николаевич был послан туда директором школы. Переправлялся с партизанами на лодках, шел по шпалам. Кругом воронки и разбитые орудия, в городе остовы хат и печей. Алексей Николаевич пришел в Барвенково, а там ему сказали: «Через пять дней школа должна работать». Посмотрел здание: так разрушено, что за месяц в порядок не привести.

С утра до вечера ребята и их родители вставляли окна и двери, сколачивали парты, отмывали классы, развешивали портреты и карты. И скоро приступили к занятиям.

Весной враги снова подошли к Барвенкову. Десять фашистских самолетов бомбили школу. Алексей Николаевич ходил по классам и глу-

ховатым спокойным голосом приказывал детям: «Без паники. Всем ложиться на пол, ближе к стенам».

После этой бомбежки пришлось перебраться в клуб — снесло крышу школы, вышибло окна. Ребята с учителями продолжали заниматься по-прежнему, хотя линия фронта была уже в четырех-пяти километрах от Барвенкова. Тогда же школьники посадили три гектара картошки, верилось, что удастся ее вырастить.

Но фашисты прорвали линию фронта. Эвакуация была невозможна. Глуховцев с другими коммунистами получил приказ — срочно уходить. Алексей Николаевич бросился в школу, уничтожил списки детей, а когда шел по городу, уже видел немецкие танки. На окраине встретился с завучем, и зашагали они по кукурузным полям. Только наутро обнаружили, что за ними движутся группы людей. остано-

их лица. Ребята молчали. А что он мог им сказать? Он, взрослый и уверенный в себе человек, ощущал полное бессилие. Не мог защитить их, даже отругать не мог.

— Придется возвращаться, — наконец сказал он. — Я не имею права вести вас с собой, а вы не имеете права оставлять в такую минуту родных — братьев, сестер, стариков...

Алексей Николаевич довел ребят до Изюма. Достал у партизан две подводки, детей отправили в Барвенково. Расставались молча, как и встретились. Он помнит их глаза. Может быть, по дороге из Барвенкова в Изюм посидел мой учитель?

Окончательно Барвенково освободили в сорок третьем году, и осенью Алексей Николаевич с Валерией Ивановой вернулись на Украину, но уже не в Барвенково, а в Славянск...



вились. Люди помешкали и стали приближаться.

— Да это дети, — растерянно сказал завуч.

Их было много. Они оставили дома, родных и шли за своим учителем. Серега, Саша, Степка, Таня, Райка — Алексей Николаевич заглядывал в

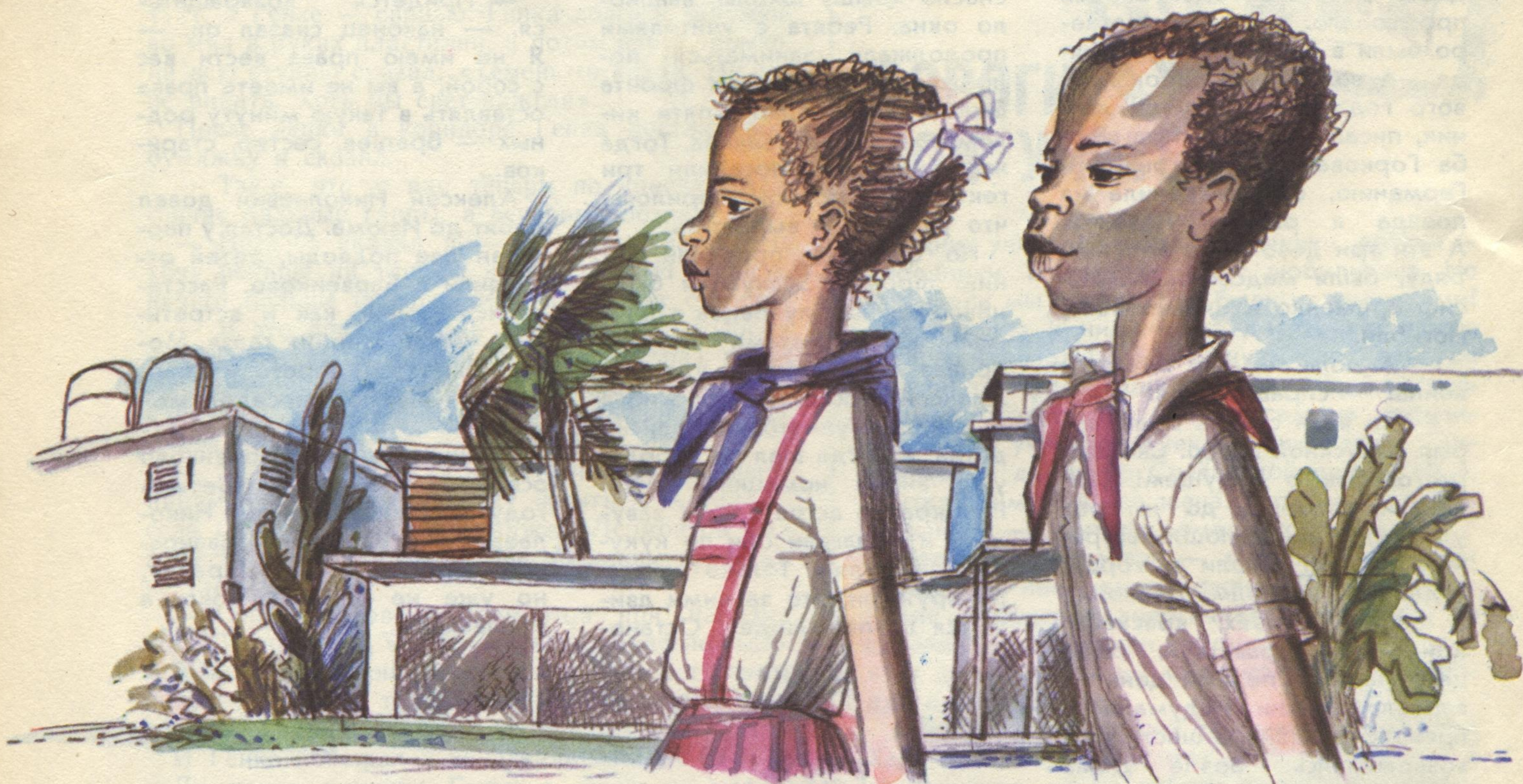
Вот какую историю я услышала в тот вечер, сидя за чашкой чая со своими учителями. Но в школьные времена мы тоже приходили к ним, и вечера просиживали, и чаи распивали. Почему же только теперь не поленилась узнать о их жизни — через десять лет?

КЕ ТАЛЬ?—КАК ДЕЛА?

ИЗ ПУТЕВОГО БЛОКНОТА

ХУДОЖНИКА

Ольга ФИЛИПЕНКО



Мартика

Луис

«Товарищ, который час?» — раздается рядом со мной. Сначала и не поймешь, что это порусски. Оборачиваюсь — белозубая улыбка и две черносливины — глаза. Мальчуган лет девяти пытается произнести еще какие-то русские слова.

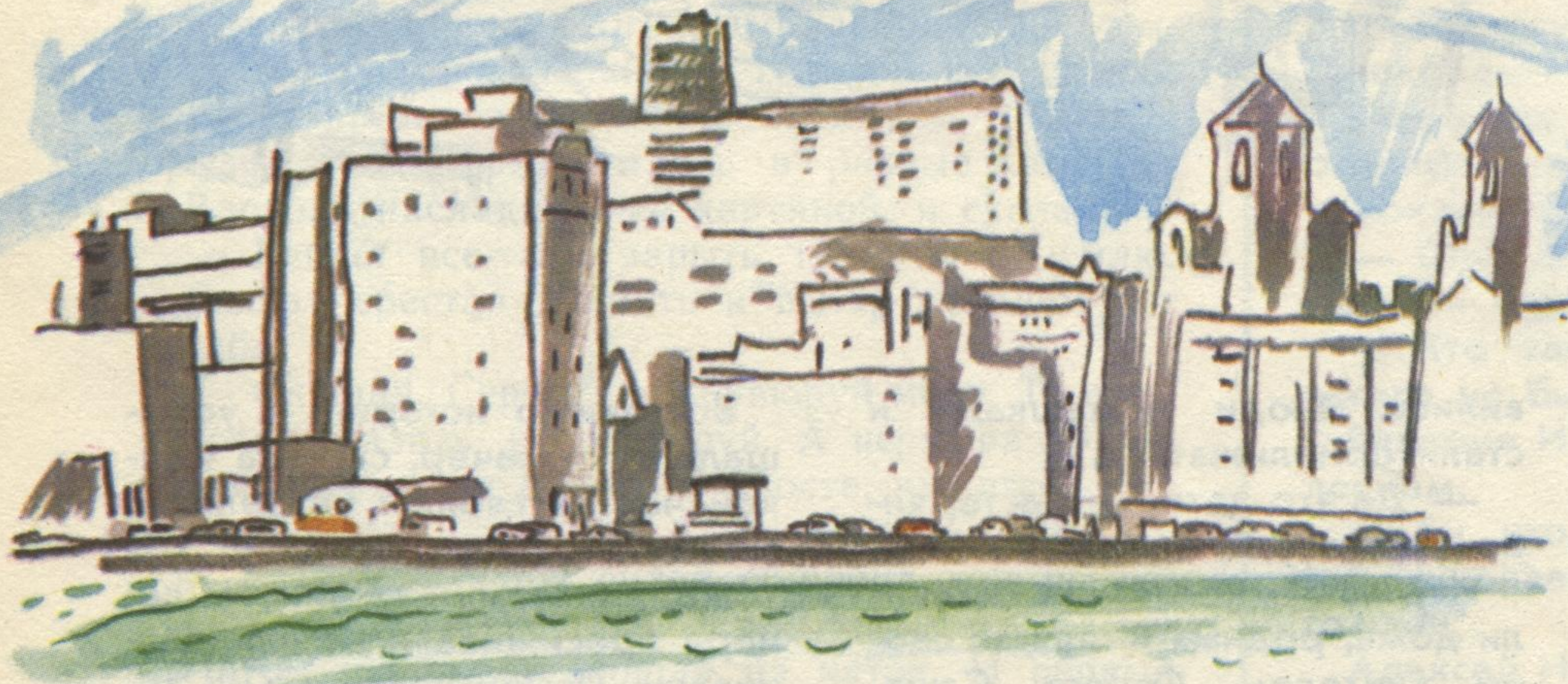
Познакомились мы с ним и подружились, благо оказались соседями. Это Луис, живой, непоседливый мальчуган. То вижу его барахтающимся в море, то играющим с приятелями в pelota, любимую игру всех кубинских мальчишек. Это —

бейсбол. Pelota — по-испански мяч.

Каждое утро Луис пробегает мимо нашего дома в школу вместе с сестренкой Мартикой, застенчивой и очень симпатичной. «Ке таль?» — «как дела?», приветливый взмах руки, и они уже скрылись за углом дома.

Школа недалеко, на соседней авениде. Это ряд одноэтажных домиков — кас, где каждый класс занимает свою касу. Двери открыты, и видны сосредоточенные лица ребят, раздаются голоса учителей — идут занятия, со звоном все это голосистое племя вырывается наружу и разрывает дремотную, жаркую полуденную тишину. Шум стоит невообразимый. В общем, как и у нас.

Сейчас все ребята на Кубе учатся. Это важное завоевание революции. Ведь всего двадцать лет назад около половины детей не имели такой воз-



возможности. Да что в школу, ведь даже не по всем улицам могли ходить те, у кого темный цвет кожи.

Пытливые, смешленные, дружные маленькие кубинцы ценят эти завоевания. Они активно участвуют в манифестациях в защиту революции и в митингах солидарности с борющимся Сальвадором... Помогают взрослым убирать урожай, работают в поле.

Улыбаются ребята всегда. Я не видела ни одного хмурого лица за два года. Любят петь и танцевать. Чуть только слышится музыка — начинают в такт пританцовывать.

Малекон — набережная Гаваны — тянется вдоль всего города. Это любимое место гаванцев. Проходят по морю большие белые корабли в порт и маленькие рыболовецкие суденышки. Веет прохладой. На море то штиль, то огромные волны, разбиваясь о паранет, обрушиваются мелкими брызгами — жемчужинками на машины и людей, идущих по малекону. Здесь же, на малеконе



проходят карнавалы. А ребятам раздолье — змеев воздушных запускают, закидывают в море лески и ждут улова, купаются или просто сидят на камнях.

А вот ребята из пригородных районов Гаваны — Санта-Фе, Кохимар — помощники взрослым в рыбной ловле. Ловкие, смелые — настоящие рыбаки. Читали вы «Старик и море» Э. Хемингуэя? Если читали, то можете себе представить все опасности, подстерегающие рыбаков в море. И побеждать эти опасности учатся с детства.

Роберто Континес — мальчишка из Кохимара. Ему одиннадцать лет. Все расспрашивал меня про наших ребят. Хочет выучить русский язык и приехать в СССР. Только боится морозов. Лед видел только в холодильнике.

Недавно пришло от него письмо. Последнюю фразу «До свидания, привет всем ребятам в СССР» Роберто написал по-русски.

ГАВАНА — ЛЕНИНГРАД



Роберто Луис Мартинес из Кохимара

Они карабкались по склонам, крутым и опасным, поднимались на гребни, острые, как скол доисторического ножа, и звонкий постук их геологических молотков беспокоил беркутов, в гнезде которых вылупились желторотые птенцы. Старый беркут взлетел со скалы и кружил над геологами, не понимая, что привело людей на отвесные кручи, куда даже охотники за горными козами не рисковали забраться.

Не понимали молодых геологов и их маститые коллеги в столичных городах — эти горные отроги Эльбруса в геологическом мире считались бесперспективными. Мнение это было устоявшееся, крепкое, основанное не только на теоретических рассуждениях о природе Кавказских гор, но и на результатах первой экспедиции, проработавшей здесь в период первой мировой войны. И тем не менее каждое утро выпускник Новочеркасского политехнического института Борис Орлов и студентка последнего курса Вера Флерова на рассвете покидали палатку, которую они разбили на берегу бурного Баксана, и поднимались на «свинцовую гору» Курганшинли-Тау, прозванную так балкарцами за то, что издавна находили они на склонах этого пика куски богатой свинцом руды. Руду дробили и бросали на раскаленную сковородку. Из расплавленного свинца затем отливали пули. Пули нужны были для охоты и для того, чтобы защищать отчий дом.

Но в рассказах горцев упоминался еще какой-то «бешеный свинец», который никакие силы не могли заставить покинуть размолотую руду и выкатиться на сковороду голубовато-серой подрагивающей каплей. Геологам был известен только один минерал, который легко было перепутать со свинцом, — молибденит. Но руды тугоплавких металлов молибдена и вольфрама, как утверждали маститые ученые, образуются на значительных глубинах. Поэтому каждый вечер вернувшиеся с пустыми

ПАМЯТНИК В ГОРАХ

Геннадий ЧЕРКАШИН

руками Борис и Вера невольно думали о том, что поиски их заранее обречены на неудачу, но каждое утро они отправлялись на поиски.

Уже был конец августа, и отчаянно таяли снега на склонах Эльбруса, и вода в Баксане поднялась, и наступила пора сворачивать экспедицию, когда Вера Флерова подняла два кварцевых обломка с молибденитом. И теперь можно только представить себе, что пережила в эту минуту студентка последнего курса комсомолка Вера Флерова, невысокая, стройная девушка с коротко стриженными по тогдашней моде волосами. В ее руках была руда, которая не могла попасть в эти голые скалистые горы случайно...

Весной следующего, 1935 года Борис Орлов и Вера Флерова, ставшие мужем и женой, вернулись сюда снова, ибо мало было открыть месторождение, нужно было его тщательно изучить. Нужно было определить глубину и места залегания рудных пластов, определить запасы месторождения, а для этого в горах требовалось пробурить скважины, взять пробы на разных глубинах. На том же берегу Баксана геологическая партия разбила палатки, через реку перекинули подвесной мост. Место это называли Нижним Баксаном.

Осенью 1936 года шквальный порыв ветра, ураганом пронесшийся по узкому ущелью, обрушился на висячий мост, где шла Вера Флерова.

Ее похоронили на узком гребне Улу-Тырны-Ауз-Тау — там, где она подняла с земли два кварцевых осколка с мо-

либденитом. На скромном обелиске, формой своей и видом напоминающем воинский памятник, всего два слова: «Вера Флерова». И годы ее жизни, а было ей в ту пору всего двадцать три...

«...Резкая, колючая, пронзительно воет пурга. Проваливаясь по пояс в снег, прикрывая окоченевшими ладонями лица, сгибаясь под тяжестью бревен и палаток, медленно шли мы по крутому и скользкому склону. Нас двенадцать. Передний коренастый и широкогрудый парень Павел Жидков поворачивает безусое, энергичное лицо и, пересиливая усталость, громко кричит: «Привал, товарищи! Надо переждать пургу...»

«...В этот год мы начали строить дорогу на рудник. На середине трассы, на перевалочной площадке, еще никем не заселенной, нужно было построить для рабочих семь землянок. Строила эти землянки бригада Павла Жидкова. Каждый день в течение двух месяцев поднимались землекопы с Нижнего Баксана на Перевалочную, таща на себе все строительные материалы. 10 февраля 1937 года с большими усилиями была закончена одна землянка, и бригада Жидкова поселилась на Перевалке. Так было положено начало будущего поселка. С тех пор до пуска автодороги землекопы не уходили с горы...»

«...19 мая 1938 года первая автомашина, управляемая известным на стройке шофером Валерианом Лопато, прибыла на рудник. В 14 часов первая партия драгоценной руды была погружена на автомашину...»

Эти строчки из воспоминаний участников наступления на горные недра. Они вгрызались в скалы, на кручах возводили опоры канатной дороги, строили обогатительную фабрику и вспомогательные цеха. И они победили — 1 сентября 1940 года Тырныаузский вольфрамо-молибденовый комбинат был открыт!

Летом 1942 года сюда пришла война.

Завоевателям нужен был вольфрам и молибден Кабардино-Балкарии, свинец и цинк Осетии, нефть Майкопа, Моздока, Грозного и Баку. План захвата носил красивое имя альпийского цветка — «Эдельвейс».

На Эльбрус враг явился в образе капитана Грота — узкое волчье лицо и хвастливое заявление для печати: «Военный флаг рейха на Эльбрусе».

Горные егеря Грота входили в состав 17 армии, которая наступала со стороны Кубани. По дороге продвигалась на Нальчик и Орджоникидзе 1-я танковая армия генерала Клейста. Тырныаузский комбинат оказался между тисками.

А теперь давайте представим себе положение, в котором оказались тырныаузские горняки и их семьи. Узкое Баксанское ущелье с одной стороны упирается в Эльбрус, откуда уже спускаются отряды горных егерей, с другой стороны ущелье переходит в долину, которую уже перерезали танки Клейста, позади высокие скалистые хребты, за которыми враг. Впереди белая стена Главного Кавказского хребта. Через заснеженные высокогорные перевалы, еще не занятые егерями, испокон веков ходили только охотники, воины и альпинисты, а в поселке горняков женщины, дети, старики. Представьте себе отчаянное положение этих людей, чтобы оценить меру их подвига.

Альпинисты Двалишвили, Однолюбов, Моренец, Сидоренко, Кухтин и Малеинов перевели через перевал Бечо в Сванетию полторы тысячи работников комбината, женщин и детей, среди которых было двести тридцать малышей, не достигших и двухлетнего возраста. Следом за проводниками люди поднимались по альпийским тропам, преодолевая ледяные склоны с помощью веревок или по ступеням, вырубленным ледорубами. Больных и детей переносили на руках. Но и этого мало — и у взрослых и у детей за спиной были мешки, наполненные молибденовой рудой.



Каждый килограмм был на счету — ведь небольшая добавка этой руды придавала прочность стали, которая так нужна была фронту.

Егеря не успели перерезать перевал — их передовые отряды вступили в бой с ополченцами уже после того, как последняя партия женщин и детей покинула перевал Бечо.

Часть оборудования и руды удалось переправить через Чегемское ущелье и через перевал Донгуз-Орун-Баши. Когда 15 ноября гитлеровцы вошли в Нижний Баксан со стороны долины, они нашли пустой поселок и взорванные рудники...

Решительное наступление наших войск началось накануне нового 1943 года. В течение одного только января был освобожден весь Северный Кавказ, а 17 немецкая армия, отрезанная от своих сил, была загнана на Таманский полуостров. Вскоре весь мир облетит весть о героической эпопее Малой земли. Все дальше на запад будет удаляться фронт, все больший размах приобретут восстановительные работы на освобожденной территории. Отзовут с фронта Бориса Орлова и многих тырныаузцев, и в первый день 1945 года комбинат вторично возродится к жизни...

Последний свой день в Приэльбрусье я провел в обществе Алексея Александровича Малеинова, ветерана нашей альпинистики, заслуженного мастера спорта, несмотря на свой возраст, отчаянного горнолыжника. Коренной москвич, он живет теперь у подножья Эльбруса, вернулся в места, где прошла его молодость, где он обучал молодежь сложному искусству этого мужественного спорта, где он выводил через перевалы Бечо и Донгуз-Орун-Баши горняков Тырныауза и проводил по горным кручам советских солдат.

С безоблачного неба светило слепящее солнце. На снежных склонах Эльбруса мелькали яркие пятна горнолыжников. На подвесной дороге мы поднялись наверх, откуда открывался вид и на пики Главного Кавказского хребта и на Баксанское ущелье. Неподалеку чернолицый от загара тренер что-то объяснял ребятам из детской спортивной школы, потом он призывно махнул рукой и помчался по склону вниз, а его ученики понеслись за ним, как стайка серпокрылых чаек. Мы смотрели, как они делают виражи, и след их лыж был похож на белые синусоиды, и Алексей Александрович улыбался, потому что был счастлив.

ОНИ РИСУЮТ ДЛЯ ВАС

НА КАМНЕ ПОСРЕДИ ПОТОКА...

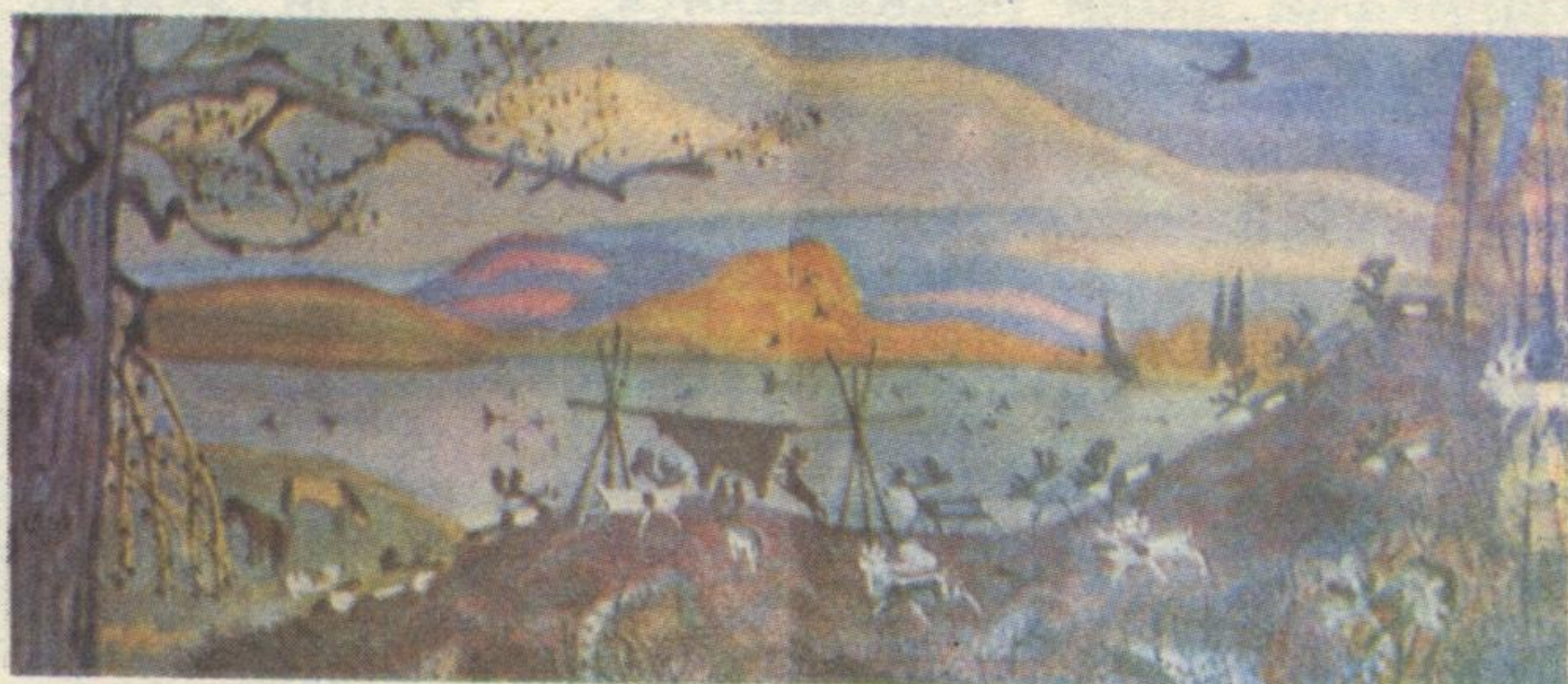
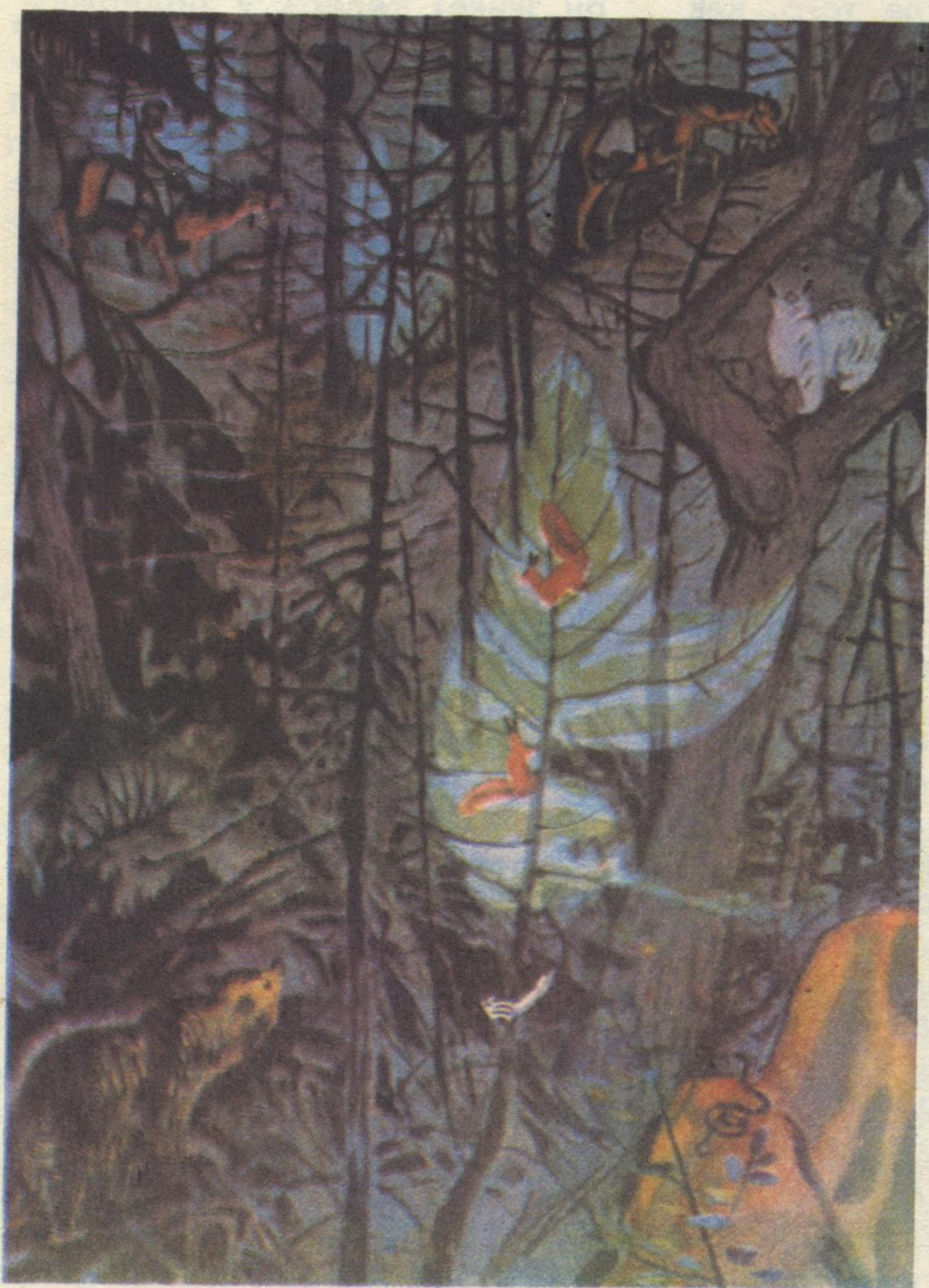
«Много дней мы ехали по тайге на лошадях. То они вязли в болоте, то спотыкались на камнях и падали. Лошади с трудом продирались сквозь чащу, а когда мы переправлялись через горную речку, лошадь повалило течением, и я чуть не утонул», — так начинает книгу «Рассказы для детей» писатель Геннадий Снегирев.

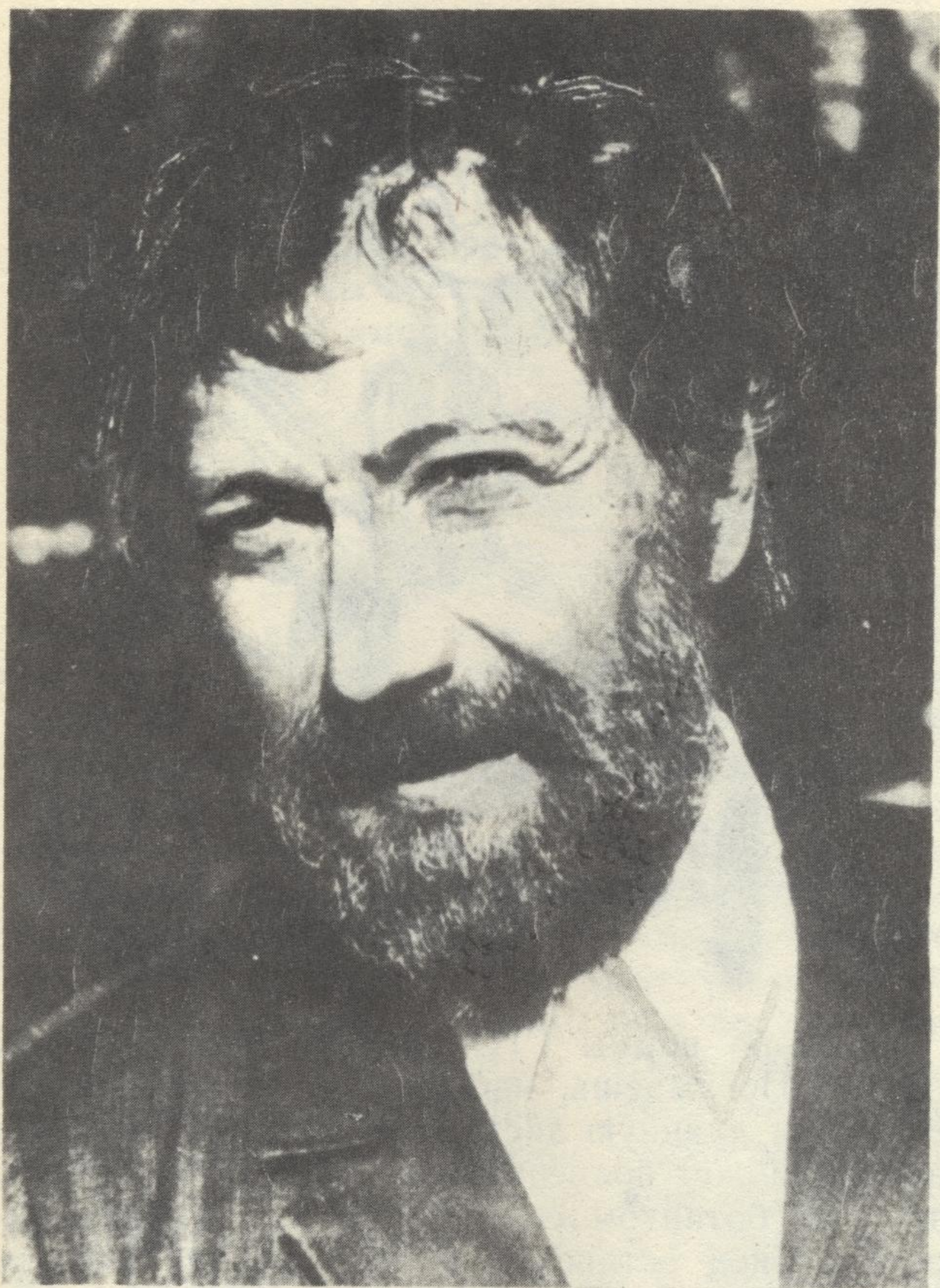
Его товарищем в этом трудном, но увлекательном путешествии был художник Май Митурич. Это была их первая совместная поездка. Потом были и другие. Снегирев всегда привозил наброски замечательнейших рассказов. Митурич — рисунки, зарисовки, акварели. Так создавались книги: рассказы писателя и к ним — иллюстрации художника. Разглядывая рисунки, можно вместе с олененком постоять на камне посередине стремительного потока и любоваться сверканьем «перьев жар-птицы» — это в голубых

струйках ручья-рисунка плывут против течения хариусы, и красным пламенем полыхают на солнце их плавники. Еще рисунок: стоит красавец-олень. Рога у него роскошные. Смотришь на картинку и хочется сосчитать: наберется ли на рогах шестьдесят четыре отростка, как об этом рассказывает писатель.

Или еще — могучее таежное дерево — кедр. Художник дает символическое изображение лесного богатыря, поселив на нем разных зверей и птиц. А ведь в рисунке глубокий смысл. Многие птицы питаются кедровыми орешками, для бурундуков и белок это основная пища, соболь, хоть и хищник, но кедровые орешки любит. Медведь не заляжет в берлогу, не набрав запасы жира на кедровом орехе. Неурожай кедровых орешков приводит к гибели животных и птиц. А медведи становятся шатунами, бродят по лесу всю зиму.

В один из таких неурожайных годов Май Митурич со своими друзьями художником Иваном Бруни и Геннадием Снегиревым жили в Саянской тайге. В селение позадился приходить голодный медведь, чрезвычайно осторожный и опытный. Он благополучно обходил стороной все хитроумные западни и капканы, расставленные охотниками. Решили выследить зверя. Митурич, Бруни и местный житель отправились на охоту. Медведь долго водил их по лесу кругами. Охотники уже потеряли всякую надежду, когда неожиданно зверь возник в десяти шагах. Май





Митурич первым увидел животное. От неожиданности он громко воскликнул: «Вот он, Ваня!» Медведь не стал ждать, пока его рассмотрят. С неожиданной для такого крупного зверя быстротой мгновенно развернулся и исчез в кустарнике. Курьезная эта история моментально разлетелась по всей округе, и местные охотники, с присущим всем следопытам юмором, с тех пор так и называют медведя — «Вот он, Ваня»...

В лесу в тот год было далеко небезопасно. Поэтому Митурич и Бруни, идя на зарисовки, брали с собой ружья, садились спина к спине и так рисовали. На какой риск не пойдешь ради любимого дела!

Много троп и дорог исходил художник Май Митурич. Побывал на Сахалине, на Курильских и Командорских островах, плавал на китобойном судне, лазал по Памиру, бродил по степям Казахстана. И всюду, куда бы ни завлекла его неуемная жажда познания, он рисовал. Тысячи рисунков в карандаше, написанные акварелью, тушью, фломастером или просто начертанные пером — результат странствий. Его рисунками, проникновенно и радостно рассказывающими о природе, проиллюстрированы книги Геннадия Снегирева «Про оленей», «Черничное варенье», «Чембулак», «Рассказы для детей», «Чудесная лодка». Удивительные рисунки! На одном — багряное полыхание сибирской тайги осенью, на другом — тоненькая веточка с пятью последними трепещущими на ней листочками. На третьем — синие брызги в камышовой заросли, встревоженной зубастой щукой. При виде пасти хищницы разметались во все стороны утки, водяные ку-

рочки-лысухи и прочие обитатели маленького таежного озера со смешным названием Щи. Среди травинки и веточки идет своя лесная жизнь. Муравьишки-трудяги снуют туда-сюда, бабочка прилетела на старый пенек попить из крохотной лужицы, комары пищат. А вот еще рисунок: сенокосилки хлопчут, стожки сена на зиму заготавливают...

Для океана у художника — свои краски. Много синего и белого. На каждой льдине лежит тюлений детеныш-белек. Маленький, беззащитный, на приподнятой мордочке жгучее любопытство. Такого малыша обидеть, причинить ему боль просто бесчеловечно... На голубых камнях — занятные птички океанских островов — топорки. Сами черненькие, головка белая с ярко-желтыми надбровьями в виде косичек и красный нос топориком. Отсюда — и название: топорок. А крылышки маленькие, намахнешься, пока взлетишь.

В Казахстане и Туркмении художник Митурич подметил свои особенности. Трудно представить танцующего верблюда? Не вяжется такое с его горбами, мосластыми кривыми ногами и губастой мордой? А оказывается, весной верблюды лихо отплясывают, и художнику удалось подсмотреть верблюжьи танцы. Или другой рисунок. Золотом переливается река, это косяки морского сазана идут метать икру. Смотришь и ощущаешь силу встречного течения, слышится треск камышей, раздвигаемых могучей рыбой, закованной в красную чешую...

Иллюстрируя сказочную историю лесного мальчика Маугли Р. Киплинга, Митурич поехал в Батумский ботанический сад. И рисунки там получились замечательные: буйство красок тропического леса, сильные и прекрасные в своих движениях звери, тигр, в смертельном страхе несущийся по дну глубокого оврага и лавина разъяренных буйволов, желтые глаза Багиры в темноте и неугомонный человеческий детеныш в пестрых кольцах мудрого Каа...

Книги С. Маршака, А. Барто, К. Чуковского, Г. Снегирева с иллюстрациями Май Митурича неоднократно завоевывали золотые медали и почетные дипломы на выставках книжной графики в Советском Союзе и за рубежом.

Митурич обаятельный, очень добрый и скромный человек. Беседовать с ним необыкновенно приятно, он охотно рассказывает о разных интересных происшествиях и людях, с которыми его свела судьба в дороге, о друзьях и очень мало о себе. С большой теплотой вспоминает отца, П. В. Митурича, известного советского художника. Показывает оловянные фигурки зверюшек. Пятилетним мальчиком Май любил лепить из пластилина разных животных. Заботливые руки отца сохранили поделки, отлив по их формам металлические. Май Митурич бережет эти немножко корявые фигурки как память о своем первом учителе и наставнике, который говорил сыну: «...Только в момент избытка сил и идей берись за кисть...» Май Митурич оказался талантливым учеником.

М. ШУМСКАЯ



МАКЕИЧ

РАССКАЗЫ

Виктор РЫБИН
Рисунки Л. Иванова

НАБОЙКА

— ...А еще есть у нас учитель по труду. Макеич. Иван Макеевич. Ох и вредный! У меня с ним сразу не пошло, с первого урока. С января, значит, — нам его в январе прислали... Пришел он, помню, на первый урок и говорит: «Посмотрел я ваши лыжи... Набоек под каблуком у них нет.



А вы скоро нормы ГТО сдавать будете...» Мы молчим. Подумаешь, набойки! А он опять свое: «Когда на длинную дистанцию бежишь, нога без набойки может подвернуться. Зима стоит теплая, снег под ботинком спрессуется и... Давайте-ка, после уроков останемся и всем резину набьем. У меня, говорит, хорошая резина есть...» А я ему: «После уроков?! С чего это ради? У нас завтра диктант по русскому. Нам готовиться надо, а не в мастерской торчать!»... Он заскучал и говорит: «Дело, конечно, добровольное, но я рекомендую». Ну, думаю, если рекомендует, то — не обязательно. И после уроков — домой. За мной еще Валька Захожий увязался... Через неделю нас вправду погнали ГТО сдавать. На Увал. Да вы, наверно, сдавали, знаете, какие там горки... Так вот, стартанул я, значит, иду. Ничего так иду, прилично. И вдруг на повороте нога у меня дзык и... подвернулась. Три недели после того не учился. Накаркал-таки Макеич...

— А Макеич после ГТО?...

— От директора ему попало.

— За что?

— Как за что? За меня... Учителям всегда за нас попадает...

ЧЕРЕНКИ

— В общем, притих Макеич... А весной опять устроил... Помните, субботник был, районный? Деревья сажали... Ну вот, а накануне у нас — труд. Макеич и говорит: «Сегодня будем делать черенки для лопат. Подготовимся к субботнику... Изделие не программное, поэтому оценки ставить не буду». Мы, конечно, — ура! Черенки — разве это работа?! Зажал заготовку в верстак, шоркнул пару раз рубанком и — готово! Да этих черенков можно сто штук за час наклепать. Ну, не сто, так десять. А уж один-то — раз плюнуть... В общем, объявил нам Макеич задание, раздал

заготовки и ушел в слесарку — чинить распределительный щиток. Мы, естественно, к верстакам. Пять минут постругали и закруглились. Только Вовка Корякин возился у своего. Ему положено — отличник. Пусть, думаем, вкалывает, шум создает в мастерской. А Макеич, значит, посчитает, что мы все работаем. Ну, значит, проторчали урок. В «морской бой» сразились, поболтали. Я лично у Корякина домашнее задание по алгебре срисовал. А тут звонок... Заходит Макеич. Щурится, а глазами зырк-зырк на черенки. И что-то ему не понравилось. Ухмыльнулся — хитро так ухмыльнулся — сразу я понял, что не к добру — и говорит: «Черенки свои подпишите». Мы конечно: как «подпишите»?!.. А он так это спокойненько: «Фамилии поставьте. Ручками. И покрупнее». Ну, мы подписали, потом посадили на черенки лопаты и вышли с ними на субботник. Досталось нам копать ямы под деревья — да вы тоже, наверно, копали... По четыре на человека. Пятьдесят на пятьдесят, и в глубину семьдесят! Земля — бетон прямо какой-то... Ну, мы — за лопаты... А Макеич тут как тут: «Брать, — говорит, — только свои, подписанные». И снова так это хи-итро... Спорить не стали. Взяли подписанные. Копаем. Пять минут копаем, десять, пятнадцать... Черенок у моей лопаты, скажу я вам, не того... Обрубок, а не черенок, руки обдирает, как наждаком... Да и у других не лучше... Смотрю, побежали наши к Макеичу. Сначала Славка Щеглов побежал, за ним Лешка Гаврилов, Лева Синьков, Варлаков... И все лопаты поменять хотят... А у Макеича один ответ: «Нет других! Для себя старались — так и работайте!» Тут-то я смекнул, чего Макеич так ухмылялся. Ну, решил я: умру, а просить не пойду. На принцип возьму... Наши-то — слабаки: все сбегали за рубанком да выправили свои черенки. А я — нет! Выдержал. Только неделю после субботника писать не мог. С забинтованными руками в школу ходил...

ШВЕДСКАЯ СТЕНКА

— Что меня так перекосило? Да так — шведская стенка помяла. В детском саду. Тоже Макеич, между прочим... На прошлой неделе... Приходим, значит, в мастерскую, а Макеич радостный такой — от верстака к верстаку. «Заказ, — говорит, — для нас есть. Срочный. Как на производстве. Подшефный детсад просит шведскую стенку смастерить». Я, конечно, губу прикусил: опять за просто так, без оценки?!.. Но — куда против Макеича... Начали мы эту стенку сооружать. Кому стойку досталось делать, кому отверстия крутить, а нам с Костей Аникиным — перекладыны нарезать. Палки такие, за которые ногами-руками цепляются... Ну резать там — тьфу! Я бы сотню за час нарезал, если бы захотел. Не глядя! В общем, пару штук отмахнул по шаблону, а потом и в самом деле начал не глядя... Мы даже с Костей соревнование устроили, кто

больше этих самых перекладын сотворит. А Макеич ходит по мастерской, молчит и опять зырк-зырк на нас. Ох, думаю, неспроста он щурится — надо ухо остро держать. И точно — как только покончили мы с этой стенкой, Макеич и говорит: «Предлагаю, — говорит, — послать в детский сад Осташкина и Аникина». Меня, значит, и Костю. «Поручим им установить стенку»... Вот так повезло, думаю! Значит, поэтому он косился в мою сторону. Жертву выискивал. Но, конечно, молчу. Ничего, думаю, стерплю и на этот раз... Пришли мы с Костей в детсад. Приволокли на себе стенку и поставили в ихнем спортзале. Комната там есть такая, спортзалом называется. А детсадовские рады, стенка им понравилась. А мне, откровенно говоря, — не очень. Кое-кто из наших дырки не в тех местах провертел, а кое-где вообще не провертел. Да и перекладыны, какие мы с Костей нарезали, тоже не того... Одна короче, другая длиннее... В общем, жуть как намаялись, пока все вместе слепили... Ну, а потом мелюзга детсадовская праздник устроила. Спортивный. Кувьрки там всякие, пирамиды. Нам домой надо, а они не пускают. Вы, говорят, у нас почетные гости... В конце праздника подвели нас к стенке и просят что-нибудь показать, фигуру какую-нибудь гимнастическую... Костя сразу в сторону — у него по физкультуре тройка. Делать нечего: полез на стенку я. Решил им «уголок» изобразить. Забрался, значит, зацепился и только ноги на «уголок» вывел — ка-ак... грохнусь... А сверху на меня — перекладыны, стойки!.. Вот удружил Макеич, так удружил!





ШКОЛА БУДУЩИХ КОМАНДИРОВ

Главный консультант Герой Советского Союза Д. А. МЕДВЕДЕВ

Каждый юнармеец готовит себя к службе в Вооруженных Силах нашей Армии. А начнется эта служба с торжественных слов воинской присяги: «Я, гражданин Союза Советских Социалистических Республик, вступая в ряды Вооруженных Сил, принимаю присягу и тор-

жественно клянусь быть честным, храбрым, дисциплинированным, бдительным воином, строго хранить военную и государственную тайну, беспрекословно выполнять все воинские уставы и приказы командиров и начальников...» Молодой воин клянется защищать Родину

«мужественно, умело, с достоинством и честью, не щадя своей крови и самой жизни».

Но присяга — это не только высокие патриотические слова. Это закон для каждого советского воина. Текст присяги утвержден Президиумом Верховного Совета СССР.

РОЖДЕНИЕ ВОИНСКОЙ ПРИСЯГИ

В 1918 году по ленинскому декрету формировались первые полки Красной Армии, которые сразу же отправлялись на борьбу с интервентами. Возглавляли эти полки коммунисты и командиры, преданные революционному делу. Перед трудными сражениями воины-красноармейцы хотели услышать яркие, пламенные слова о Революции, о защите Родины, о верности революционному долгу. И во многих воинских частях накануне битвы звучали такие слова.

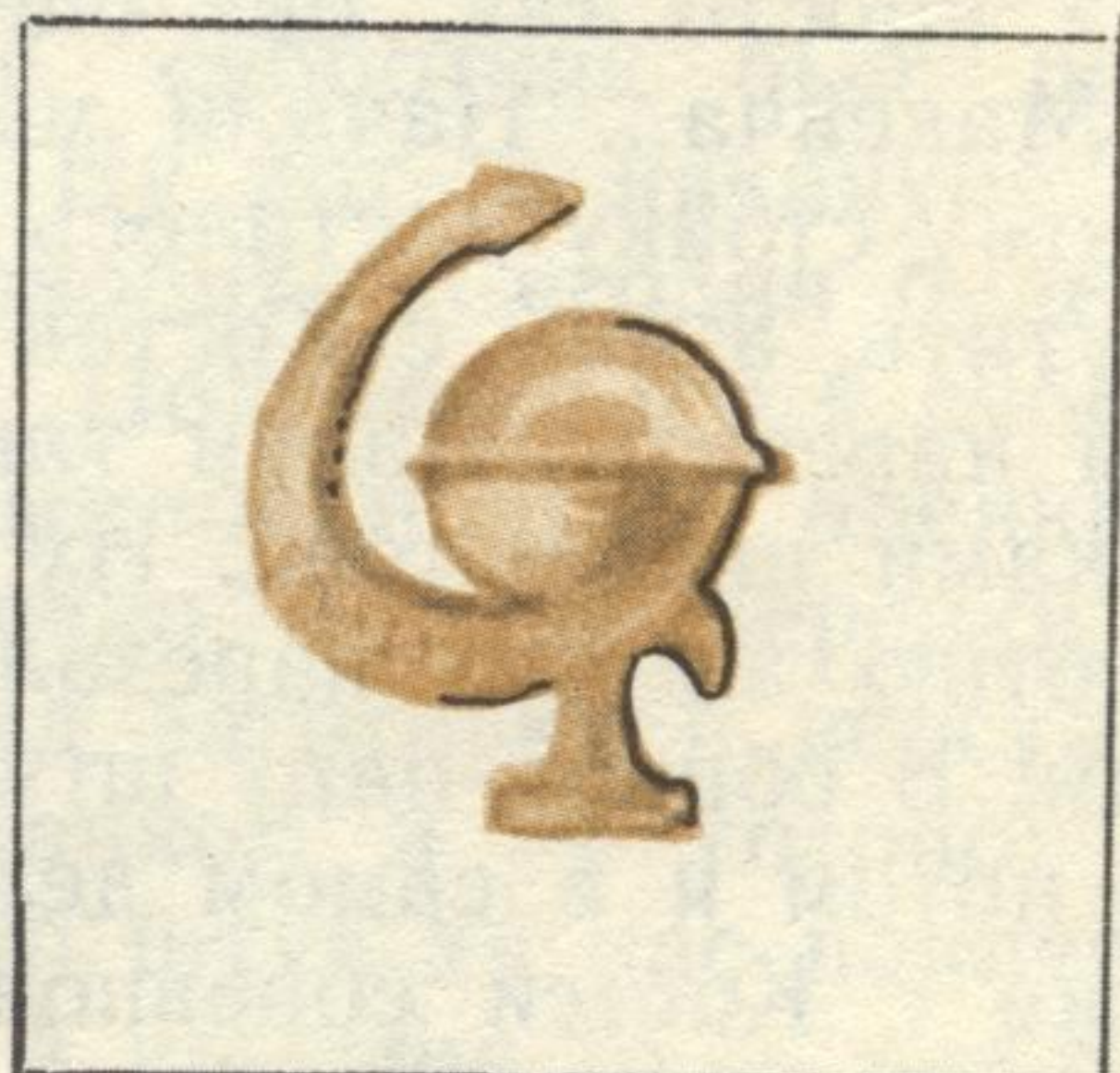
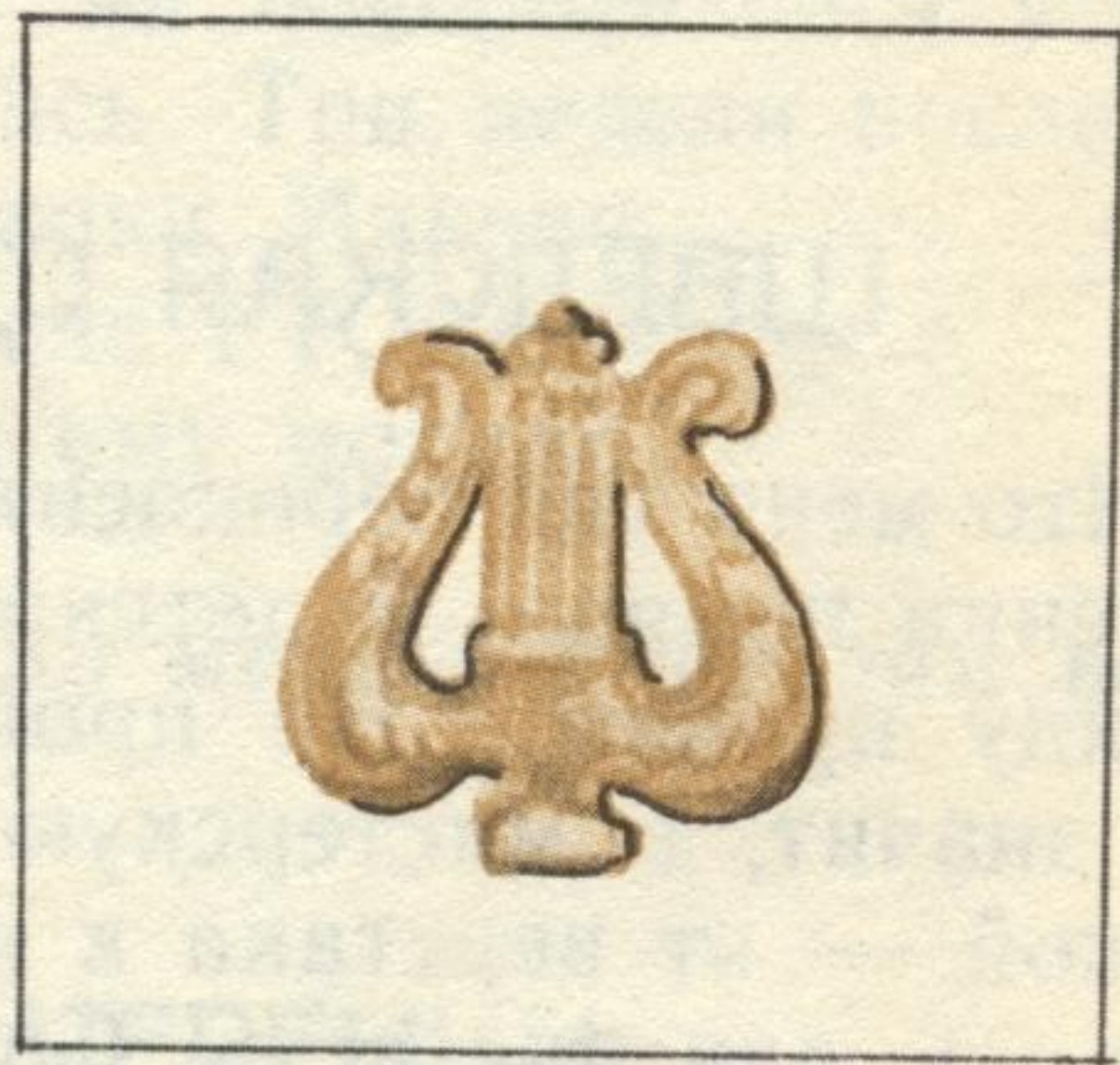
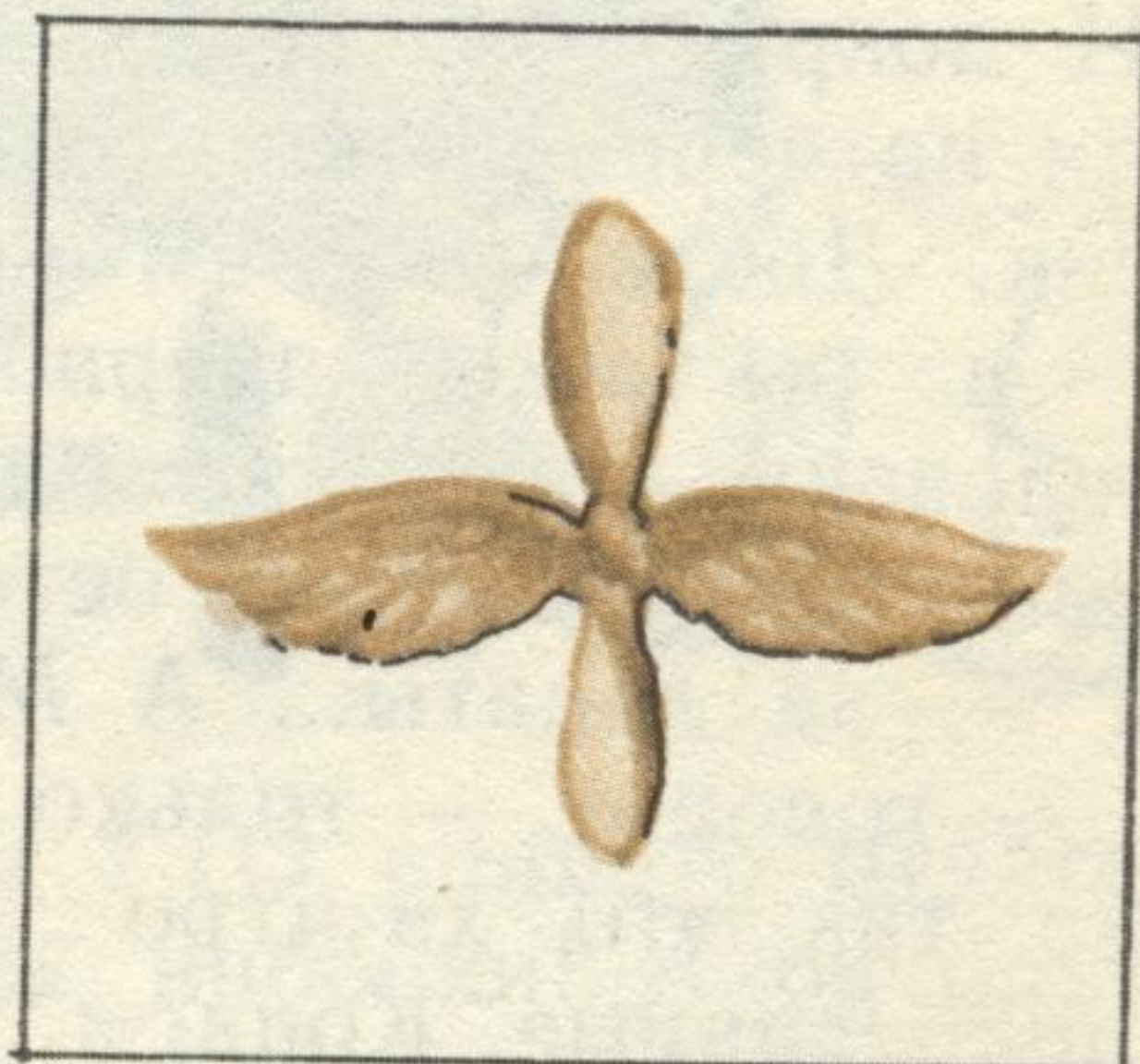
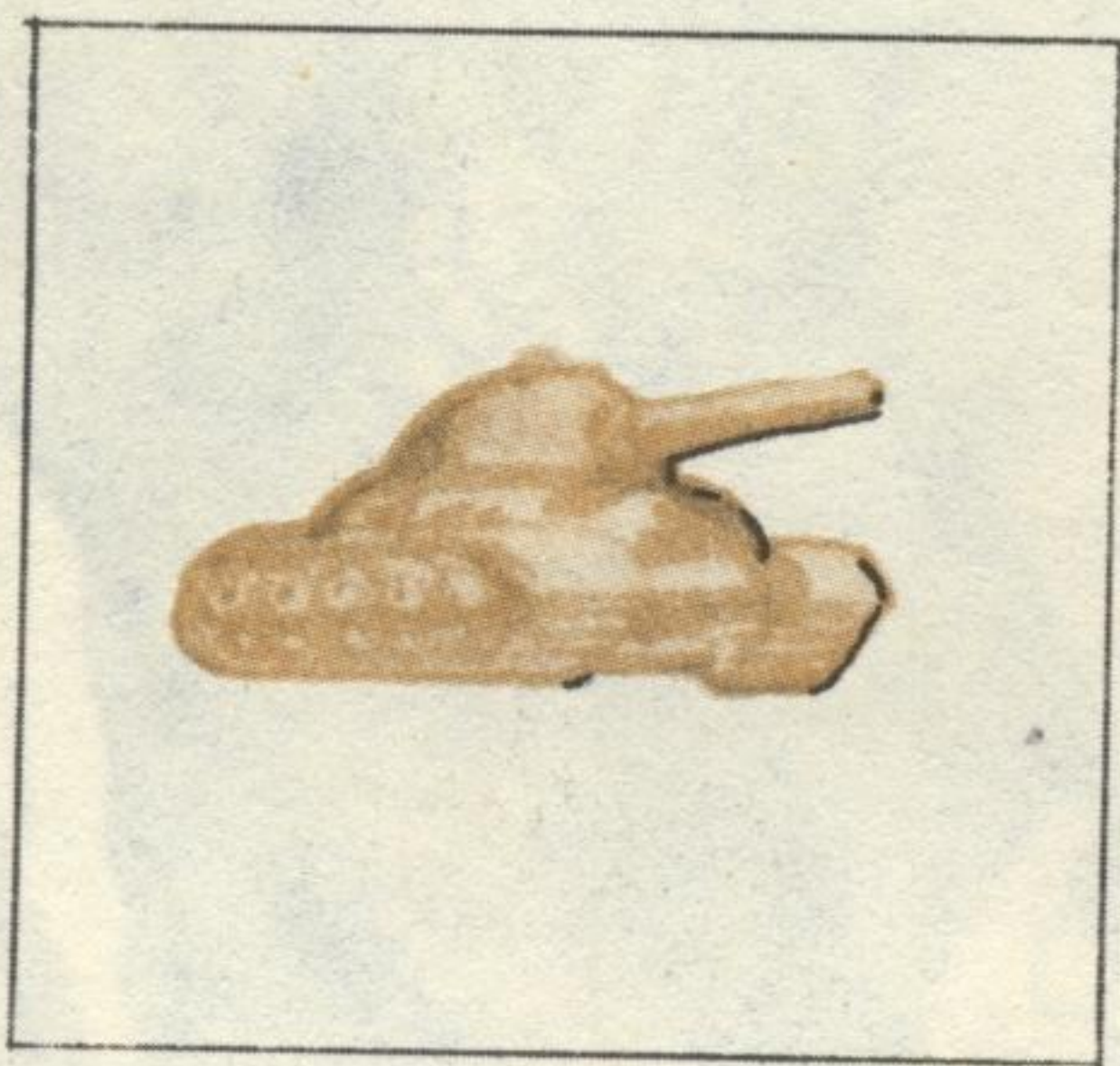
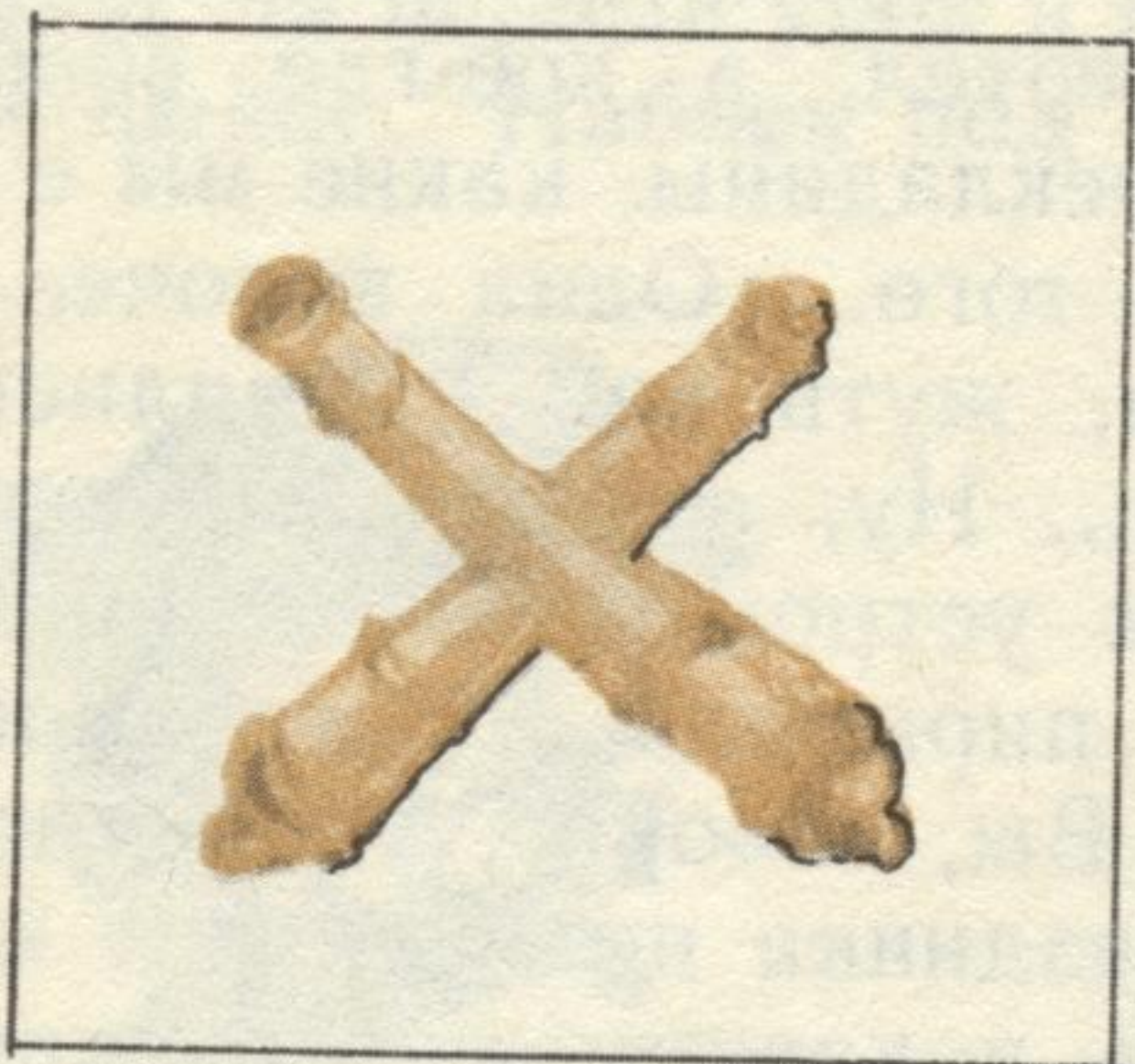
Полк имени Степана Разина, входивший в легендарную Чапаевскую дивизию, располагался в селе Сухоречка, под Бузулуком. Перед боем с белогвардейцами командир построил полк и обратился к воинам и жителям села со словами:

— Товарищи, поклянемся перед гражданами села Сухоречки и всей республики разбить Колчака... Постоим за родные поля и фабрики с заводами, за жен своих и детей, за матерей и отцов-стариков!

И красноармейцы в едином порыве ответили:

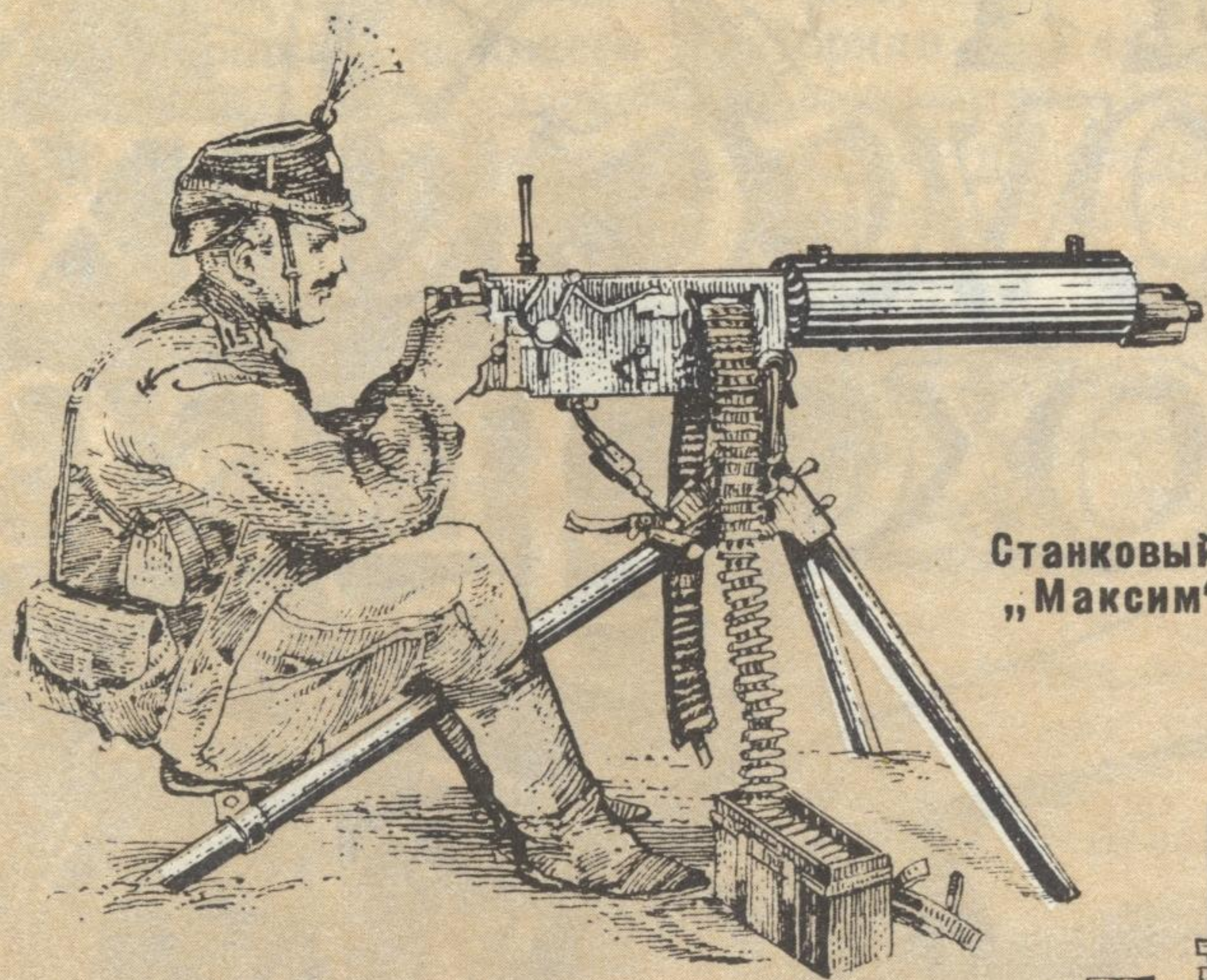
— Клянемся!

Разные были слова присяги в других частях и на кораблях вооруженных сил молодой республики. Но их смысл был всегда один — воины клялись, не щадя жизни, защищать Родину, защищать завоевание революции.



ЗАДАНИЕ.

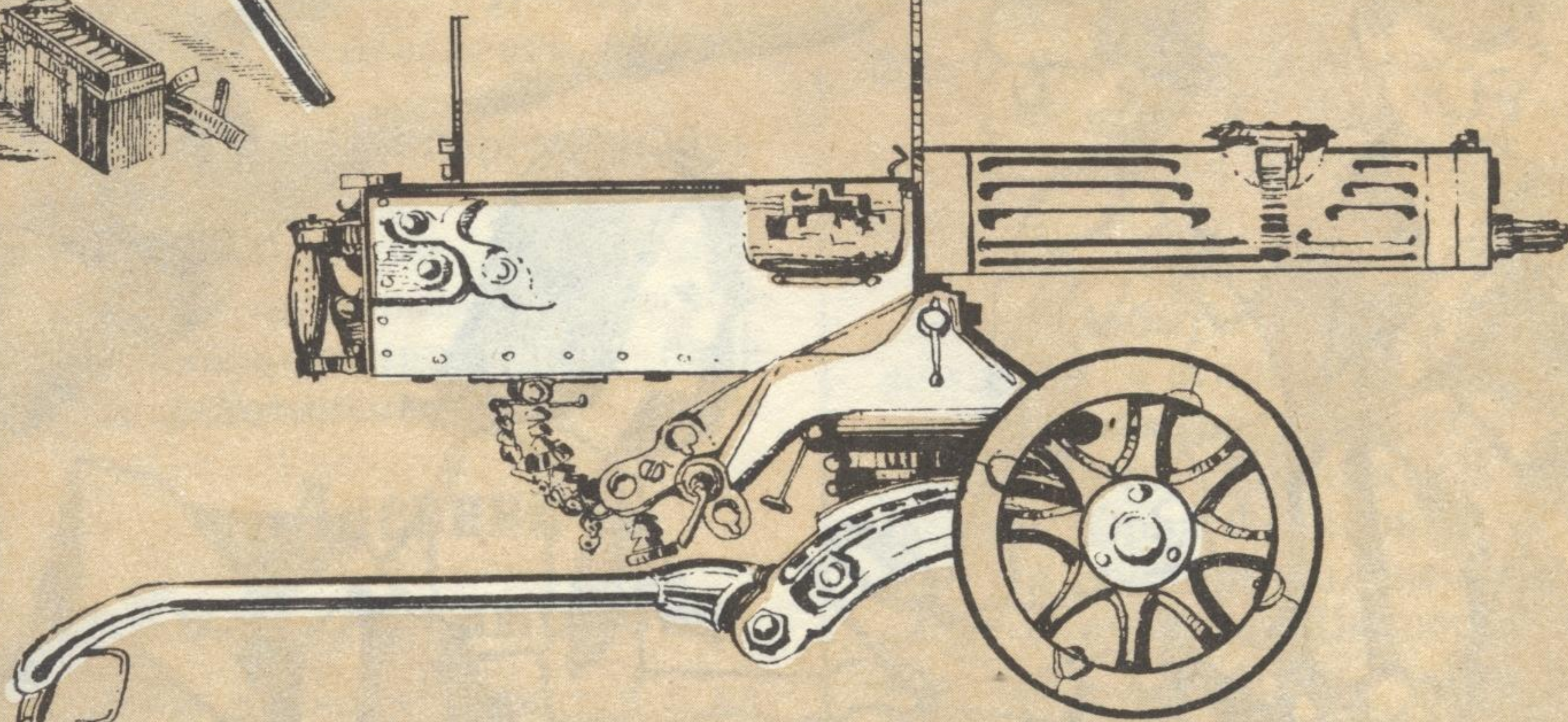
Эмблемы каких видов и родов войск нарисованы на этой странице? Срок для ответов — 1 ноября сего года.



Станковый пулемет
„Максим“ 1910 г.

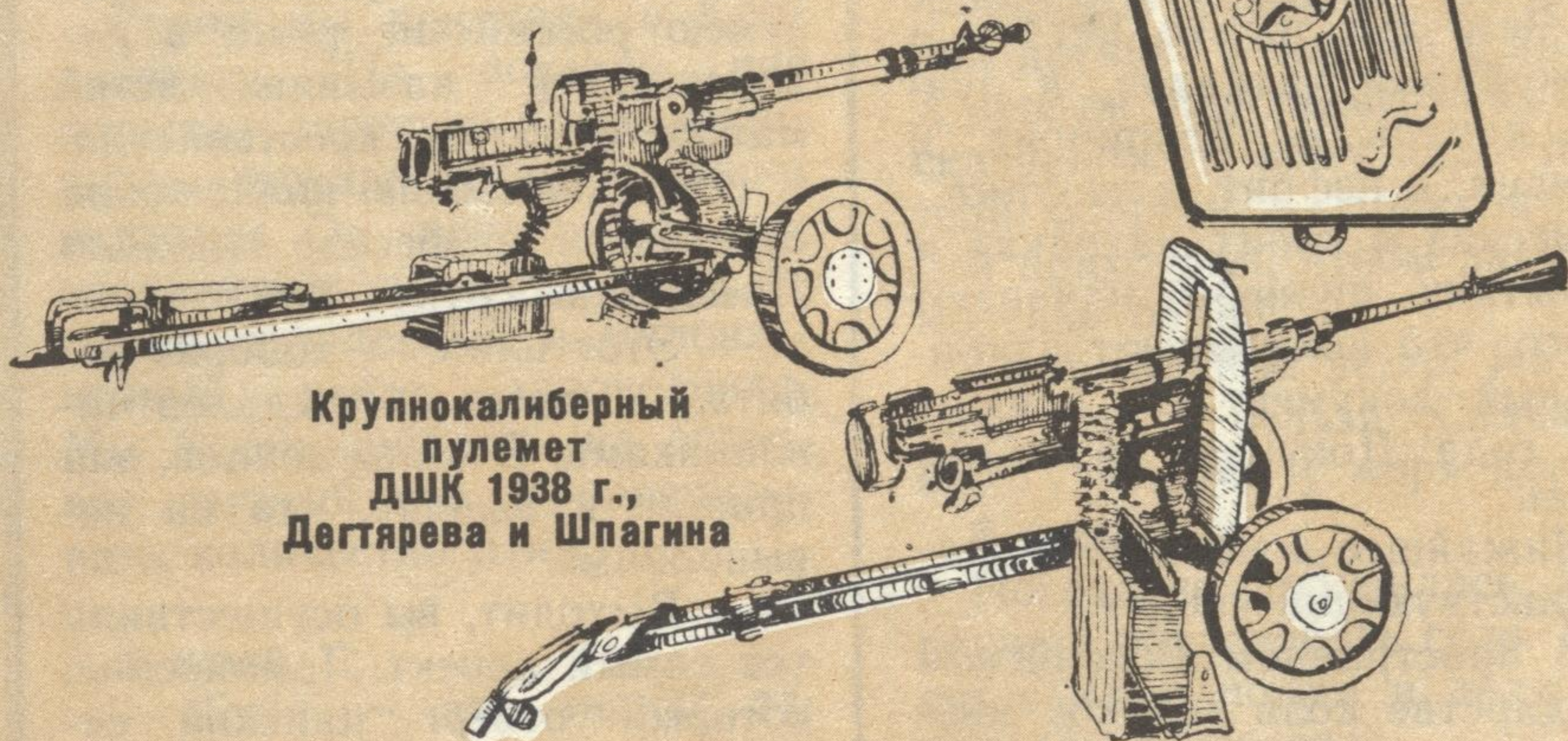
КОНСТРУКТОР Ф. В. ТОКАРЕВ (1871—1968)

Когда во время Великой Отечественной войны советские командиры поднимались в атаку, в руках они держали самозарядный пистолет ТТ. С этим надежным оружием наши офицеры прошагали все суровые годы войны. А создал пистолет ТТ замечательный русский советский конструктор Герой Социалистического Труда Федор Васильевич Токарев. Впервые он испытал себя как конструктора в 1907 году, когда переделал знаменитую трехлинейную винтовку С. И. Мосина в автоматическую. В годы первой мировой войны Токарев храбро воевал в русской армии, а после Октябрьской революции целиком посвятил себя разработке стрелкового оружия. В 1925 году он значительно усовершенствовал легендарный пулемет революции — «Максим», а в 1927 году разработал первый отечественный автомат. Пистолет ТТ был создан Токаревым в 1930 году.



7,62-мм самозарядный
пистолет Токарева (ТТ)

Крупнокалиберный
пулемет
ДШК 1938 г.,
Дегтярева и Шпагина



Станковый пулемет
СГ-43, Горюнова

ВОЕННЫЙ СЛОВАРЬ

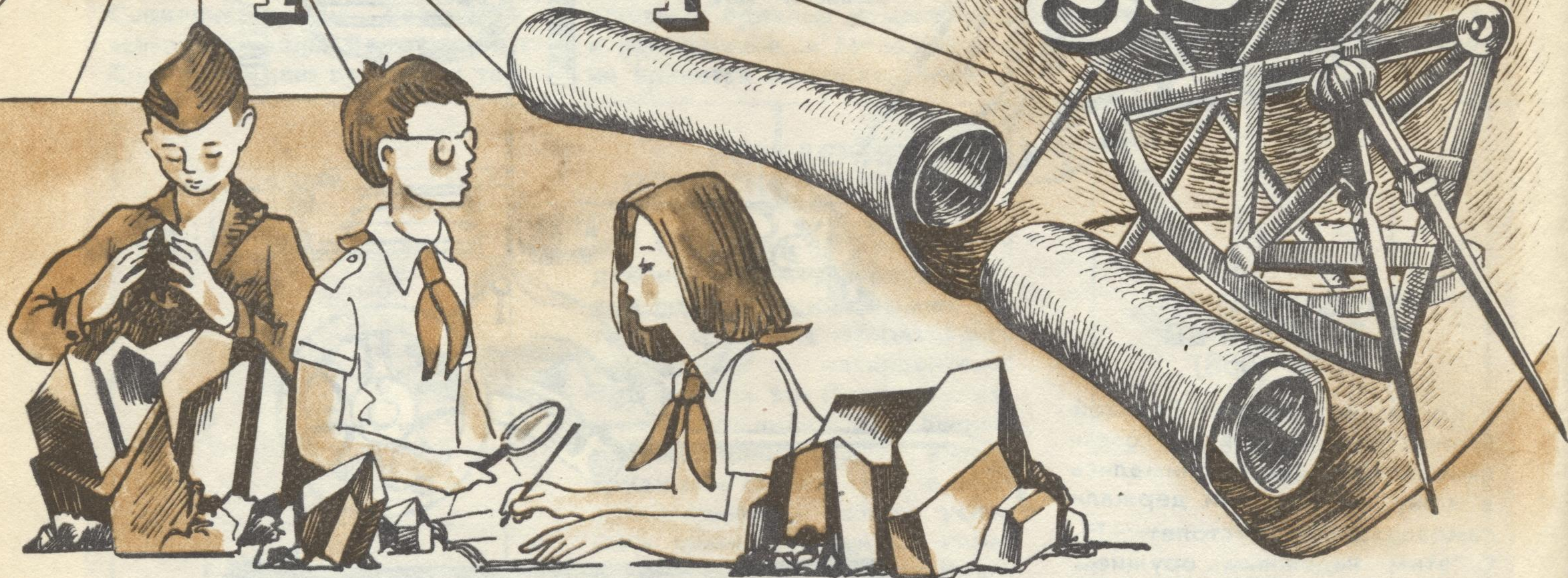
БАТАЛЬОН — слово итальянского происхождения и означает отряд. Батальон — основное воинское под-

разделение в сухопутных, воздушно-десантных войсках и частях морской пехоты. Обычно входит в состав полка. В XIV—XV веках батальонами называли части легкой пехоты и конницы, которые во время боя выстраивались

в форме квадрата. В России батальоны появились при Петре I. В Советской Армии мотострелковый батальон состоит из командования, штаба, 3-х мотострелковых рот и различных подразделений.

Оформление В. Цикоты

ПО СЛЕДАМ РУССКИХ ПЕРВОПРОХОДЦЕВ



В Яснополянской школе имени Л. Н. Толстого необычный кабинет географии. В нем хранятся навигационные приборы, звездный глобус, старинный секстан, а рядом, на столе, лежат желтые, белые, синие камни. Чего тут только нет — и темно-бурый эвдиалит, и лунный камень — беломорит, и нефелин, и нефрит, и лазурит...

Рассказ о своих находках и открытиях пионеры начинают с того, что показывают удивительный документ от 7 июня 1761 года. Документ называется так:

«Нижайшее донесение в правительствующий сенат».

«В пространном Российском государстве коль великое множество должно быть разных минералов, легко понять можно. Примеров имеем довольно на Медвеьем острове, где руды без искания ненарочно открылись. К изысканию оных требуется великое множество людей, знающих минералы, которых у нас весьма мало. Для отвращения сих неудобностей сыскал я легкий способ, которым в один год собрать можно

большую часть минералов и приобрести многое знание минеральной натуральной истории нашего отечества. К сему имеем в отечестве сильных и многочисленных рудокопателей и рудоискателей. Рудокопов разумею российские реки, а рудоискателей называю детей малых, особливо крестьянских. К сему доношению коллежский советник и профессор Михайло Ломоносов руку приложил».

— Этот план, — говорят ребята, — долго обсуждался чиновниками. В конце концов, они пришли к выводу, что он невыполним.

— Выходит, вы осуществили тот самый проект Ломоносова, который отверг царский сенат! — удивляются гости.

— Да, — подтверждают пионеры.

И рассказывают о своих многочисленных путешествиях по стране, о поисках редких минералов, о своей коллекции, в которой насчитывается две тысячи камней. И каждый камень имеет свою историю. Значит, две тысячи историй! Вот некоторые из них.

Почему стареют горы?

— Наш клуб юных путешественников образовался 30 лет назад, — сказал Олег Агафонов. — Как-то прочитали пионеры книгу о путешествиях известного советского ученого, академика Владимира Афанасьевича Обручева.

Однажды Владимир Афанасьевич вел свой караван по восточному Тянь-Шаню. Недалеко от селения Ляодунь он вышел к страшной долине — «долине бесов». Через долину пролегла короткая дорога. Но местные жители предпочитали длинный путь в обход. Потому что здесь свистели невиданной силы ветры, падал на людей каменный дождь.

По преданию, в этом месте бесследно исчез караван с серебряной казной. Разгневанный китайский император приказал засыпать колодцы, а дорогу избить цепями и палками. Отныне никто не должен был ездить по ней!

Но Обручев решил ехать. Ему хотелось выяснить вопрос

о происхождении лесса, мелко-го желтого порошка, похожего на пыль. Он был не согласен с учеными, которые думали, что лесс образуют пустыни и речные осадки. Обручев считал: лесс рождают ветры. Разрушая горные породы, они переносят легкую пыль на огромные расстояния. «Долина бесов» подтвердила мнение путешественника. Караван благополучно миновал опасное место. Но страшно подумать, что бы случилось, если бы в долине ветер дул чуть-чуть сильнее...

Пионеры написали Владимиру Афанасьевичу письмо. Поздравили его с 90-летием, рассказали о своем клубе юных путешественников, о проекте Ломоносова. И вскоре получили ответ.

«Я поддерживаю вашу идею собрать коллекцию», — писал академик.

— Получив такое письмо, — продолжила рассказ Люда Горохова, — юные путешественники стали собираться в свою первую экспедицию — на Кавказ. Ее научным консультантом был сын Обручева, Сергей Владимирович, член-корреспондент Академии наук СССР. На Кавказе пионеры должны были проверить результаты своего первого научного открытия. Вот в чем оно состояло.

Солнце освещает земной шар под разными углами. В тропиках лучи падают на землю перпендикулярно, на севере они скользят вдоль поверхности. Но мало кто замечал, что угол падения солнечных лучей в одном и том же районе неодинаков для равнин и для гор. Горы освещаются и нагреваются не так, как низменности. Сказывается и крутизна склона, и ориентация его на сторону света. Ведь восточный и южный склоны обычно залиты солнцем, тогда как северный или западный — в тени. Известно, что солнце — могучий разрушитель камня. Какой же напрашивается вывод? Разные склоны по-разному разрушаются!..

Ранним утром в тебердинском ущелье было сумрачно. Внизу клекотала стремительная река Теберда. Наверх вела узкая тропинка.

Вот, наконец, и вершина. Дориан Михайлович Романов, руководитель экспедиции, поставил пионеров по разным склонам. Выдал каждому термометр и ватерпас. Термометр — для измерения температуры, ватерпас — для определения крутизны склона.

— Делать измерения будете по взмаху флажка — в одно и то же время...

У вечернего костра юные путешественники сравнили полученные данные. Температура на склонах оказалась различной.

Сергей Владимирович Обручев внимательно изучил результаты экспедиции. Он отметил, что работа школьников достойна квалифицированных научных работников.

Дневник Коли Артамонова

Этот дневник хранится в кабинете географии. В нем рассказывается о беломорской экспедиции яснополянских пионеров, о том, как был найден образец свинцово-серебряной руды на Медвежьем острове, о котором писал в своем проекте Ломоносов.

«1 июля.

Утром мы приехали в Кандадакшу. На вокзале нас встретил директор Кандадакшского государственного заповедника. Он предложил нам отправиться в Порью губу — самый отдаленный и малоизученный район заповедника. Мы будем собирать на островах гагачий пух и подсчитывать количество птиц.

2 июля.

— Губа — это значит залив, — объяснил капитан, когда мы плыли на катере к Порьей губе.

Дул легкий ветер, но было тепло и ясно. Слева мы увидели высокие лесистые горы, справа — синюю даль Белого моря.

Недалеко от катера вынырнул тюлень. Он удивленно посмотрел на нас, прислушался и поплыл за судном. Оказыва-

ется, ему понравилась музыка, которую передавали по транзистору. Я никогда еще не встречал таких музыкальных тюленей!

Вот и показалась Порья губа. На берегу — дикие скалы, угрюмые ели и маленькие избушки. Но в избушках никого нет. Село заброшено. Кроме лесника, здесь никто не живет.

3 июля.

Вчера не успел записать еще одно...

Только мы высадились на берег, как Олег вспомнил:

— Ребята! А ведь в этих местах родился капитан Лоушкин!

Действительно, как мы могли об этом забыть? В нашей школе хранится старинный секстан, который нам подарил штурман рыболовного траулера «Достоевский» Юрий Федорович Хмыров. На секстане выжжена надпись: «Кемскихъ Шкиперскихъ учебныхъ Курсовъ ученикъ 1862—1869 гг. и выпуска Гуль (Англия), 1881, м-ць Ноябрь. Капитанъ бригантины «Дельта» Максимъ Осиповичъ Лоушкинъ. Архангельскъ. 1913 г. 22 февраля».

Целый год мы выясняли — кто такой капитан Лоушкин? Оказалось, Лоушкин был искусным мореходом и знатоком поморской старины. Он собирал древние рукописи и карты. А еще он был знаменитым рассказчиком. К нему даже писатели Шергин и Новиков-Прибой приходили, чтобы записать морские байки.

Дует сильный ветер. На острова плыть нельзя. Сидим на берегу и ждем у моря погоды.

4 июля.

Погода не улучшилась, и мы решили обследовать село. Вместе с нами пошел и дядя Юнас. Он рассказал:

— Лет пятьсот назад пришли сюда новгородцы и срубили первую избу. Стали жить, рыбу промыслять, морского зверя бить. Еще лодки большие строили — кочи. На кочах плавали к Новой Земле и Груманту. Далеко от Москвы жили, а добрались-таки до них опричники Ивана Грозного. За неуплату податей сожгли село

дотла. Но самая страшная беда пришла со стороны моря: рыба стала уходить. Когда она ушла — ушли и люди.

В одной избе мы нашли олени рога. На стене висел старинный железный серп. Люда где-то отыскала портрет, сделанный карандашом. Мы столпились вокруг и долго рассматривали мужественное лицо помора. Я захотел удивить всех и полез на чердак.

На чердаке ничего примечательного не было. Валялись какие-то полусгнившие сети. Всюду — хлам. Я увидел пожелтевший листок бумаги. Пригляделся — буквы старинные, рисунок витиеватый. Спустился вниз и показал найденное Дориану Михайловичу. Он внимательно посмотрел, а потом сказал, что точно такой же текст видел в Публичной библиотеке имени В. И. Ленина в Москве. Это — «Апостол» 1606 года. Вот так находка!

Я очень обрадовался, что наш листок из редчайшей древней книги. А дядя Ионас заметил, что поморы были весьма культурными людьми. Не случайно же холмогорский крестьянин Михаил Васильевич Ломоносов стал великим ученым.

5 июля.

Наконец-то мы сели в лодки и поплыли к лудам. Лудами здесь называют безлесные острова, отполированные морем и ветром. Высаживаться на них трудно: шумит прибой, лодка качается, а ноги скользят. Вот-вот бултыхнешься в воду!

На лудах расположились птичьи базары. Сизые, серебристые чайки и полярные крачки носятся в воздухе, кричат, хлопают крыльями. Гвалт стоит невообразимый!

Гага — это такая рыжебурая утка. Она ведет себя куда спокойнее: тихо-тихо сидит на гнезде из пуха, листьев и палочек.

Гагачий пух считается самым теплым, и вот почему. Он состоит из необычайно длинных нитей и пушинок. Между ними всегда находится воздух. Пушинки цепляются друг за друга бородками. Поэтому пу-

ховый комок нелегко смять. Из гагачьего пуха делают рукавицы, шапки и куртки для полярников и моряков. Они защищают от самых лютых морозов. Мы собрали покинутые гнезда.

8 июля.

Остров Медвежий входит в архипелаг Порьей губы. Сегодня мы отправляемся туда. Дядя Ионас взял с собой ружье — на случай, если встретится медведь.

На берегу острова мы увидели большие когтистые следы, а в лесу наткнулись на развороченный муравейник и череп лося. У лесника не было никаких сомнений: здесь орудовал хищник!

Вдруг хрустнула ветка. Мы оцепенели. Дядя Ионас поднял ружье. Все смотрели на огромный камень, из-за которого вот-вот должен был выйти медведь.

Из-за камня вышел человек. Мы облегченно вздохнули. Это был геолог Михаил Михайлович Ефимов. Он рассказал нам, что когда-то на острове находились серебряные рудники. О них писал еще Ломоносов в своем проекте. Эти рудники Ефимову поручено разыскать.

Вместе с ним мы двинулись в путь и вскоре обнаружили большую яму, залитую водой. У ямы подобрали образец свинцово-серебряной руды для школьной коллекции.

10 июля.

Вечер. Мы сидим у прощального костра. Поем песни, вспоминаем о наших путешествиях и приключениях. Шумит море. Молчат угрюмые скалы. Прощай. Порья губа!»

Счастливого пути!

Недавно в Яснополянской школе состоялось выездное заседание Географического общества СССР. Приехали известные ученые, полярники, моряки.

А те, кто не смог приехать, прислали поздравительные письма. Среди них было и такое приветствие:

«Благодаря своим походам по маршрутам Заполярья,

Крайнего Севера и в более теплых краях, вы смогли близко познакомиться с многочисленными районами нашей необъятной Родины и узнать особенности их природы, историю их развития. Вы проводите очень нужную для страны работу по пропаганде географических знаний среди школьников. От имени Московского филиала Географического общества СССР я горячо благодарю вас всех за это.

И. Д. ПАПАНИН,
дважды Герой Советского Союза,
доктор географических наук»

Ребята рассказали гостям о своих научных открытиях, находках, путешествиях на Север и Юг. А потом перед пионерами выступили ученые.

ИЗ ВЫСТУПЛЕНИЯ ДОКТОРА ГЕОГРАФИЧЕСКИХ НАУК БОРИСА ИВАНОВИЧА ВТЮРИНА:

«Многие исследователи, полярники считают за честь быть избранными в почетные члены вашего школьного клуба.

Тульская полярная научно-спортивная группа недавно совершила поход по следам отважных русских первопроходцев XVIII века Василия Прончищева и Семена Челюскина. Я знаю, что маршрут этой экспедиции разработали вы.

Кроме того, вы установили отчества и биографии участников Великой Северной экспедиции. Ведь ученые мало что знали о них. Теперь же установлено, что Василий Васильевич Прончищев и Семен Иванович Челюскин — ваши земляки.

Географическое общество СССР внимательно следит за деятельностью яснополянского клуба юных путешественников. Дважды на его заседаниях заслушивались доклады о ваших научных поисках.

Когда-то, много лет тому назад, академик Владимир Афанасьевич Обручев написал вам письмо, в котором были такие слова: «Счастливого пути вам, путешественники в третье тысячелетие!»

Счастливого пути вам, ребята, новых и интересных походов, новых неожиданных открытий!»

Е. ЛУКИН



ЧЕМПИОНАТ-82

Кто станет чемпионом АРЧЕБЕКА? Кто завоюет приз, кто — диплом? Все это выявит сегодняшний десятый тур. За каждую из его позиций начисляется по 15 очков. И не забудьте: не добравшие в разрядных турах до нормы 10 очков смогут возместить их теперь (для 4-го разряда — решить четыре позиции, для третьего — пять, для второго — шесть).

Итак, доблестные разведчики, вас ждут новые боевые задания!

ШАХМАТЫ.

А. Белые: Кра4, Cd5, Ка6, Кс6; черные: Кра8, Лг2, п.е2.

Б. (А. Шапошников, г. Горький). Белые: Крб4, Фг2, Ла6; черные: Крf4.

В. (Н. Зиновьев, Усть-Каменогорск). Белые: Кре4, Фh3, Сb4; черные: Кре8, п.б6.

Г. (А. Плодовитов, Ленинград). Белые: Кре5, Фd6, пп.с5, g4; черные: Крf7, пп.g6, g7.

Д. Белые: Крf8, Се5; черные: Крс1, пп. d5, e7, f5, g3.

Е. Белые: Кре2, Лd3, пп.b7, g6; черные: Кра7, Ла5, Кс6, п.g5.

Цель разведки: А, Б, В, Г — определить, во сколько ходов белые смогут дать мат; Д, Е — установить, какой результат ожидает белых.

РУССКИЕ ШАШКИ.

А. (В. Булат, Минск). Белые: b2, c1, d6, e1, f2, g3, h4; черные: a3, b4, d4, f8, g7, h6, h8.

Б. Белые: a1, c1, e3, f4, g3, g5, h2; черные: a3, b4, c3, d6, e7, h6.

В. (С. Похвалитов, Симферополь). Белые: c1 e1, f6, g3, h2, h6; черные: a5, b6, c3, d4, d6, f2, h8.

Г. Белые: Д. g7, пр. а5; черные: Д. c1, пр. а3, b8, f2.

Д. Белые: b2. c3. c5, d2, f2, g1, h4; черные: а3, а5, с7, d6, e7, g7.

Е. (Ю. Сарбийк, Мурино). Белые: Д. d8, пр. а1, а3, h4; черные: Д. c3, f4, пр. а5, d4.

Цель разведки: выявить, что в этих позициях у белых — выигрыш? ничья? проигрыш?

МЕЖДУНАРОДНЫЕ ШАШКИ.

А. Белые: 25, 27, 28, 32, 38, 39, 42, 43, 47, 48; черные: 9, 12, 13, 16, 17, 18, 19, 24, 26, 36.

Б. Белые: 27, 28, 30, 35, 38, 39, 43,

44, 47; черные: 3, 7, 8, 9, 10, 18, 20, 26, 36.

В. Белые: 21, 26, 3f, 40, 42, 44, 49; черные: 7, 8, 14, 23, 24, 35, 37.

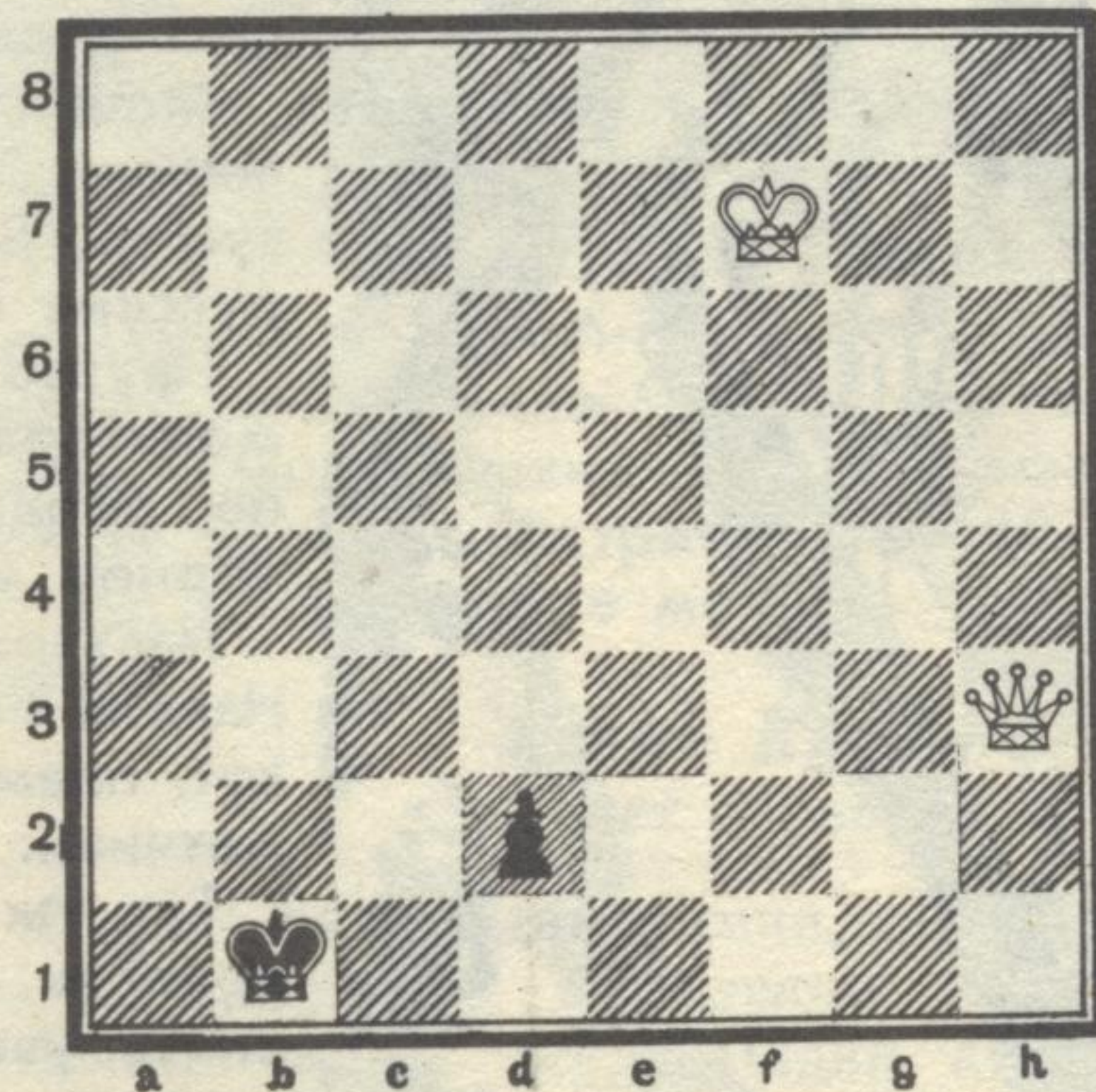
Г. Белые: Д.23, пр. 6, 10, 32, 49; черные: Д.22, пр. 1, 17, 45.

Д. Белые: Д. 31, пр. 24, 33; черные: пр. 17, 25, 35.

Е. (А. Бородин, Ленинград). Белые: 41, 47; черные: 18, 27.

Цель разведки: указать пути к победе белых там, где она возможна, а там, где побелить нельзя. какой ждет белых результат и причины.

ЧТО СКАЗАЛ ЗНАЙ?



Знай, Незнай и Полузнай стали обсуждать, могут ли белые победить в таких положениях: а) как на диаграмме, б) переставить ч. п. на c2, в) переставить ее на b2, г) переставить ее на a2.

— Ну что за вопрос! Ферзь есть ферзь, а пешка — только пешка, даже если ей всего шаг до превращения. Я белыми тут везде выиграю! — сказал...

— Выиграешь? Попробуй! Одним ферзем мат не дашь, только шаховать сможешь. А короля белого ближе не подведешь: если им ход сделаешь, я сразу пешку в ферзя превращу. Значит, везде ничья будет! — сказал...

— Оба вы ошибаетесь! В положениях а) и в) белые выигрывают, а в б) и г) будет ничья, — сказал... Что сказал Знай?

Трое из ответивших верно будут награждены. Отвечать только на открытках.

ЗАДАНИЕ РЕЗЕРВУ

Расставь фигуры — белые: Крг5, Фd7, Сс5; черные: Кре5, п.g6. Это задача на мат в 2 хода. Как нужно сыграть за белых, чтобы при любом ответе черных объявить их королю мат? Подумай!

Этим заданием подготовка резервников к переходу в разведчики заканчивается. Кто ее прошел, должен сначала отправить рапорт № 10, а потом доложить шахмат-адмиралу о числе набранных за время пребывания в Отряде резерва очков. Основным документом будет являться личный «Листок учета», который и следует выслать в АРЧЕБЕК.

БЮРО САМОПРОВЕРКИ

Задачи в «Костре» № 7 решаются так:

Чемпионат. ШХМ. Победа белых! 1.Фg7+! Кр:g7 2. Кf5++ Б. 1. Лh3+ Крг7 2. Лg3+ Кph6 3. Лd3! Cf3+ 4. Кра7! d1Ф 5. Л:d6+! — ничья.

РШ. А. У белых проигрыш: 1.h6 d8! 2. f4 g1 3. e5 g5! 4. f4 h2X. Б. Победа белых — 1. ab6! 2. dc7! 3. g3! 4. c7X.

МШ. А. Белые спасутся: 1. 18! 2. 27! 3. 28=. Б. У белых проигрыш: 1.19 (если 13, то 24!X) 24! 2. 30 2—8!X.

Резерву. 1. Ф:a6+!

Терзания пешки 1. Лh4!

ПРИКАЗ № 10

Я, главнокомандующий АРЧЕБЕКОМ, приказываю:

§1. Всем арчебековцам отправить рапорты в любой (на выбор) из сроков: а) до 1 января, б) в течение двух недель со дня получения журнала по подписке.

§2. Итоги Чемпионата-82 объявить в «Костре» № 5, 1983 г.

§3. Выполнивших классификационные нормы представить к присвоению спортивных разрядов, а победителей Чемпионата-82 наградить.

§4. Всем доблестным разведчикам — участникам Чемпионата-82 и всему личному составу Отряда резерва объявить благодарность!

Шахмат-адмирал Ферзьбери



МОРСКАЯ ГАЗЕТА



Выходит
под редакцией
контр-адмирала
Н. В. СКОСЫРЕВА

Оформление
Р. ПОПОВА

Год издания — 26-й

НЕУЛОВИМЫЙ МОНИТОР

Монитор — это небольшая плавающая крепость. Попасть в него трудно: борта едва возвышаются над водой. Пушки в башнях спрятаны. Одно плохо — монитор по морю не ходок, а тем более — речной. Захлестнут его волны.

Корабли моряки различают издалека. Даже если корабли — одинаковые, как блюда однотипные. У каждого что-нибудь свое: труба повыше или мачты пониже. Моряки говорят: «Узнать корабль по силуэту»...

У этого монитора были очень большие и мощные пушки. Его силуэт фашисты запомнили в первый же день войны: монитор не дал им переправиться через Дунай. Сорвал молниеносное наступление. И фашистское командование приказало: потопить монитор.

Сначала налетели самолеты, но корабль укрылся от них в прибрежных кустах. Осадка-то у него мелкая, куда хочешь подойдет.

Тогда подвезли фашисты пушки. Но у монитора пушки оказались сильнее.

Фашисты перегородили Дунай выше по течению минами и командованию доложили: монитор в ловушке. Вверх по течению не подняться, а в море русские не сунутся: верная гибель.

Наутро наблюдатели посмотрели в бинокли — нет монитора. «Русские затопили корабль!..» Фашисты не предполагали, что монитор все-таки вышел в Черное море. Ускользнул от них.

Наступают фашисты. Дошли до реки Южный Буг. Навели переправу. Вдруг — что такое? Взрывы, грохот, пламя. Полетели в воду танки, посыпались автоматчики. Монитор! Тот же самый!

Тут уж началась не на шутку охота на маленький корабль. А монитор снова пропал. Наши моряки опять увели его в море. Замаскировали зелеными ветками и камышом под плавающий островок и так подошли к Херсону. Фашисты на зеленый островок внимания не обратили. А моряки маскировку отбросили и из своих тяжелых пушек — в упор по врагу... Фашистские наблюдатели ахнули: тот же самый монитор!

Наконец докладывают фашисты командованию: «Монитор окружен с трех сторон, а с четвертой суша! Конец монитору... Русским осталось только сдаться...»

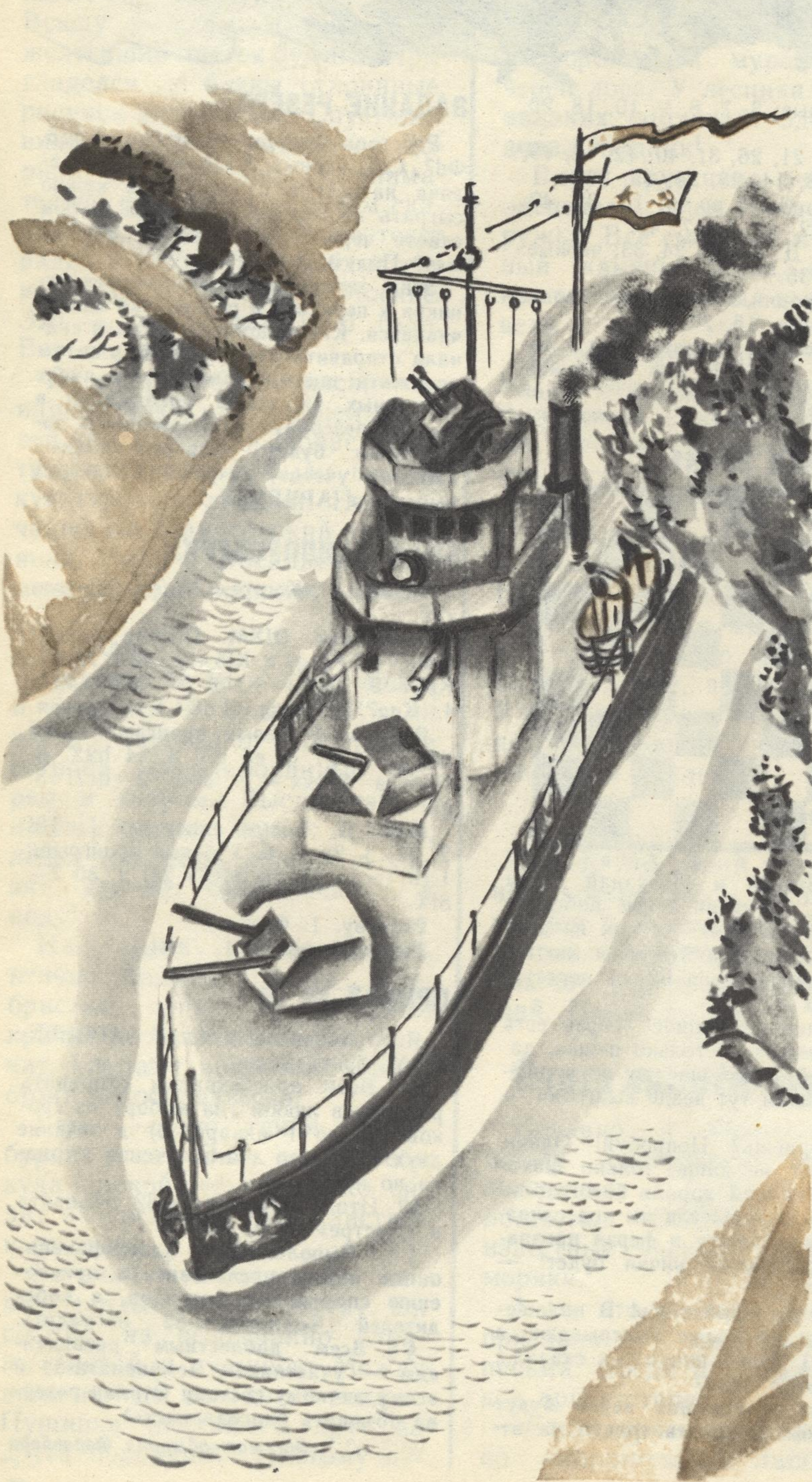
Все учли фашисты, не приняли в расчет, что перед ними — советские моряки. Прошло три дня и три ночи, и монитор снова исчез...

Получилось же вот что. По суше кораблю и вправду дороги не было, но виднелась тут пересохшая речка — воробью по колено. Здесь моряки и увидели путь к спасению. Правда, был этот путь чудовищно труден: лопатами нужно было выкопать канал для корабля!

И снова монитор ушел от фашистов.

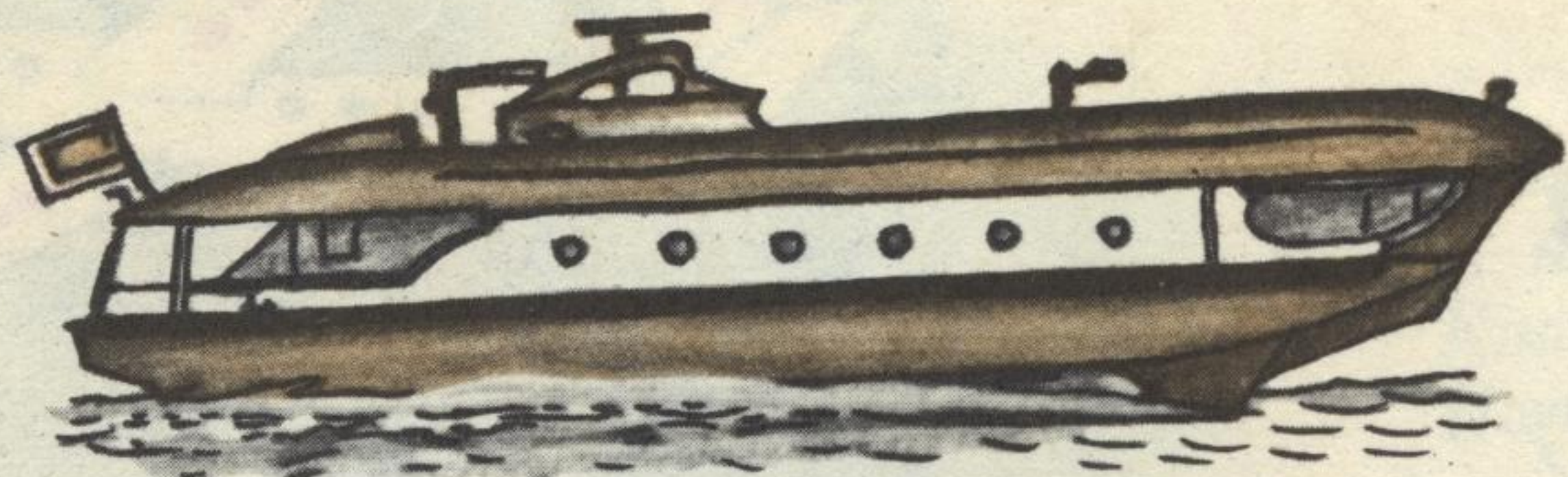
Враги называли монитор — неуловимый. Но было у маленького речного корабля и другое название на борту, настоящее — «Железняков». В честь знаменитого балтийского матроса Анатолия Железнякова.

Г. ГУСЕВ





ОКЕАНСКИЙ ТЕЛЕГРАФ



Быстро мчится по городу пожарный автомобиль. Иначе нельзя: не успеешь — дом сгорит...

А если пожарное — судно? Тоже ведь скорость нужна.

Такое уже построено — пожарное судно на подводных крыльях типа ракеты. Испытали его в Ленинграде, на Неве. Скорость судна — шестьдесят километров в час. Примчится такое судно к месту происшествия очень быстро, и ударят из стволов-пушек водяные струи.

И горящий корабль будет спасен.

С. ЮРЬЕВ

ДЕЛА МОРСКИХ КЛУБОВ



Около ста мальчишек нашего города занимаются во Флотилии юных моряков. Программа трудная: история Российского флота, Военно-Морского и торгового флотов СССР. Изучают юнморяки сигнализацию, технику безопасности швартовки, отрабатывают маневр «Человек за бортом». Встречаются ребята и с ветеранами Великой Отечественной войны. А практику в море — проходят на своем настоящем корабле «Магнолия».

Игорь Кравченко,
12 лет, Новороссийск

ПРО ПОДВОДНЫХ ОБИТАТЕЛЕЙ

Ёрш - скорпена



Лежат рядом два камня, оба щербатые, колючие, в зеленых пятнах.

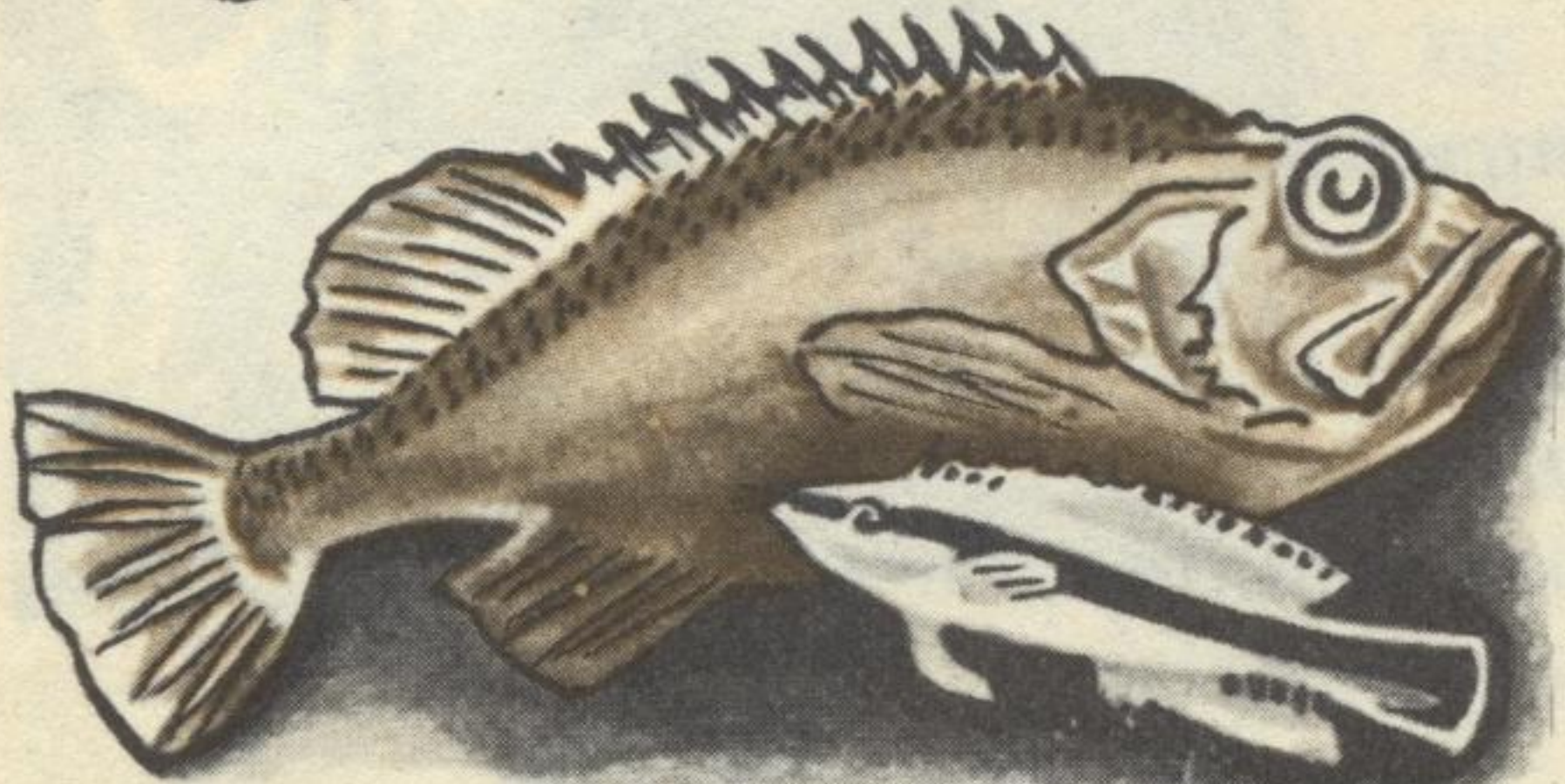
Плыла мимо акула. Один камень носом ткнула, перевернула, дальше поплыла. Нет здесь поживы!

А пожива совсем рядом была. Только акула исчезла, второй камень зашевелился, рот открыл, вздохнул тяжело:

— Ох! Пронесло!

Никакой это не камень, а рыба. Ерш-скорпена. Под камень — замаскировался. Да так искусно — акула не узнала...

Губан - санитар



У великана морского окуня — кожа шелушиться стала. Остановился окунь, пасть приоткрыл, жаберные крышки приподнял, кого-то ждет.

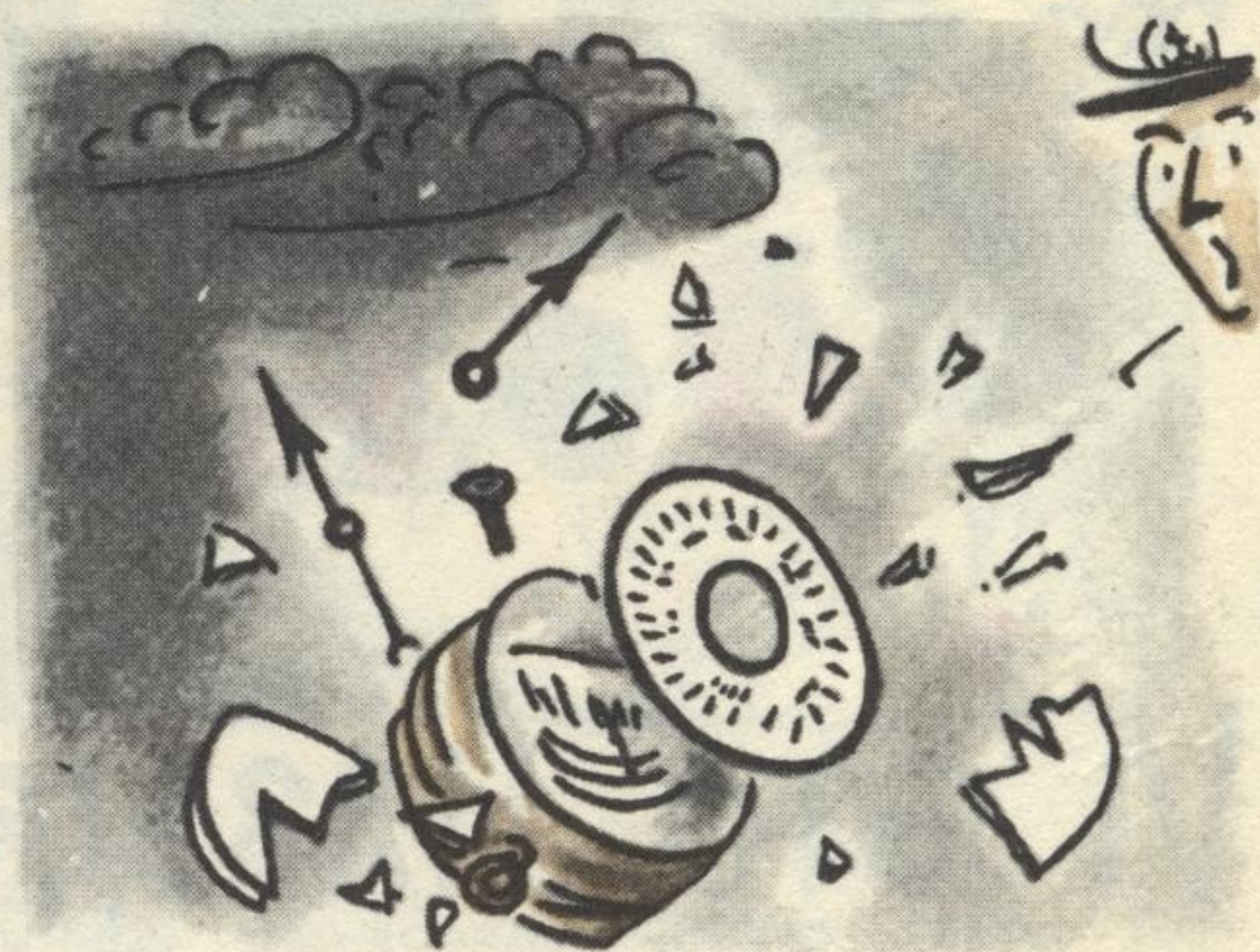
Вот кого! Спешит к окуню полосатая рыбка губан. Подлетела к великану. Ну виться около его боков. Под жабры лезет, даже в рот заглядывает. Шелушинки обклевала, почистила старика. Потрудились на славу.

Чем не санитар?

УГОЛОК МОРСКИХ ЗНАТОКОВ

Однажды постоянному сотруднику «Морской газеты» капитану Быстроходову принесли из книжного издательства иллюстрации к морской книге. «Сообщите свое мнение о рисунках», — писал редактор.

КАК ВЫ ДУМАЕТЕ, ЧТО ОТВЕТИЛ КАПИТАН?



Уже утро предвещало ненастье, а в полдень упал барометр.



На волнах показались барашки. Ветер крепчал.



— Я вижу, у вас исправно бьют склянки! — сказал пожилой моряк.



— Отдайте якорь, пока не поздно, капитан!



И ЭТО НАЗЫВАЕТСЯ ПАПА!

Света приехала в школу на «Запорожце». Колю привезли на «Жигулях». Таня Семеркина вышла из черной «Волги» Витька явился на «Икарусе». Саша Иголкин прикатил на огромном «КамАЗе»! Перед самым звонком к школе подъехала асфальтировочная машина, и из нее с довольным видом вылез Боря Петренко.

Терпение у Олега лопнуло. У всех папы, как папы, а у него!.. Еле дождавшись большой перемены, он выскочил из школы и бросился к телефону-автомату. Разговор был долгий. Олег возбужденно кричал в трубку, что-то доказывал, жестикулировал. Наконец, довольный разговором, он направился в класс.

Последний урок Олег просидел как на иголках. Когда прозвенел звонок и учительница вышла, Олег вскочил на парту и крикнул:

— Ребята! Погодите! Мне нужна ваша помощь!



Весь класс изумленно повернулся к Олегу и в полной тишине выслушал его совершенно невероятную просьбу...

Через полчаса на небольшом асфальтированном школьном дворе из портфелей была выложена огромная буква «Т». Весь 5-й «а» задрал головы, смотрел в небо. Наконец раздался гул. Гул все нарастал, и вот в небе появился самолет. Самолет стал на бреющем полете кружить над школой. Немного покружив, он снова стал набирать высоту. Сердце у Олега упало. В этот момент к ногам ребят шлепнулся какой-то предмет. Это был планшет, какие обычно носят пилоты. Олег поднял его, и достал сложенную вчетверо бумажку. Там было написано:

«Ходи пешком. Это полезно. Папа».

Шухрат ГАНИЕВ



РЕЖИМ ДНЯ

Взял Витя в руки молоток
И к стенке под часами
С «Режимом дня» прибил листок
Железными гвоздями:

В семь тридцать пять —
Убрать постель
(Для бабушки задание).
А мама соберет портфель
Согласно расписанию.
А папе — вовремя прийти
И за уроки сесть к пяти...

— Я бы могла собрать портфель. —
Сказала мама Вите.

— Но кто же сварит вермишель?
Ведь вы же есть хотите?
Сказала бабушка:

— И мне
Заданье не по силам.
Я в девять встала бы вполне,
Кровать бы застелила.
Зачем же раньше мне вставать?
Нельзя ли время поменять?

Добавил папа:
— Я готов
Приняться за уроки,
Но я на службе в пять часов.
Давайте сдвинем сроки!
Но Витя пояснил родным:
— Нам так сказали в школе:
«Чтоб строго выполнять режим,
Имейте силу воли!»

Еф. ЕФИМОВСКИЙ



МЫ ДЕЖУРИМ



Мы сегодня целый час
Убирали новый класс.

Сто бумажек от ирисок,
Сто огрызков и записок
Обнаружилось у нас.

Было только три урока,
А не триста тридцать шесть.
Как же мы успели столько
Написать, прочесть и съесть?!

Сергей МАХОТИН

КОНКУРС



"И все засмеялись!"



— К доске пойдет Крючков! —
сказал учитель физики.

Саша встал и понуро опустил голову.

— Я не учил... — тихо пробормотал он.

— Странное совпадение, — сказал учитель. — Вчера мне приснился сон, что я вызвал Крючкова и поставил ему двойку. Вещий сон, не правда ли?

— А мне вчера приснился другой сон, — сказал Саша. — Мне приснилось, что меня по физике не вызовут. Вот я и не учил...

И все засмеялись.

Максим Герцовский,
6 класс, Москва



Мы проходили тему о том, как люди начинали обрабатывать железо. Анна Петровна сказала:

— А сейчас Коля Хвостов нам расскажет, какие орудия труда он видит на этой картинке.

Коля встал и сказал:

— Я вижу вилы, чтобы сено косить!

И все засмеялись!

Кирилл Смирнов,
5 класс, Оренбург



Шел урок русского языка. Учительница объясняла новую тему. Потом она спросила:

— У кого есть вопросы?

Юра поднял руку.

— Что ты хочешь спросить, Юра?

— Вы не знаете, почему моя ручка не пишет?

И все засмеялись.

Зульфия Галимьянова,
5 класс,

Джетыгара



На уроке английского языка Лидия Ивановна попросила одного ученика перевести на английский язык такую фразу: «Какого цвета эта ручка?»

Ученик подумал и произнес по-английски:

— Какого цвета эта голубая ручка?

И все засмеялись!

Наташа Ворожейкина,
4 класс, Саратов



— Где находятся Северная и Южная Америка?

— Северная — вверху, а Южная — внизу.

— Назови пример неодушевленного существительного.

— Динозавр.

— Почему?

— А они все вымерли!

Ответы прислали:

Лена Чубукова (Саратов),

Надя Терентьева

(Кенемех Бухарской области).

ВСЕСОЮЗНЫЙ СПОРТИВНЫЙ КЛУБ



ГОВОРIT АРТЕК

Только что здесь, на главной артековской арене, завершились соревнования Всесоюзного спортивного клуба «Кузнечик». Это были первые соревнования «Кузнечика», проведенные в Артеке.

Слово — тренерам и чемпионам, болельщикам и участникам соревнований.

Вадим Зеличенко, тренер сборной СССР:
Борисович старший, юношеской команды

— Что меня порадовало? Во-первых, отличная работа судей. А ведь это были самые большие по числу участников соревнования «кузнечиков» — 1200 человек! И во-вторых, — Надя Соловей, удивительно способная юная спортсменка.

Владимир Рекшан, тренер-консультант СК «Кузнечик», мастер спорта СССР:

— Честно говоря, я не ждал высоких результатов, смена-то юнкоровская, а не спортивная. И результат Нади, конечно, удивил. А знаете, как все было? Во время четвертого забега, где она старто-

вала, я стоял на финише, возле судейской коллегии. Кто-то из спортсменов, не дождавшись команды «марш!», сорвался с места раньше времени. И хотя был фальстарт, девочки пробежали всю дистанцию. Результат у Нади был очень хороший — 7,8 сек, но мы его не засчитали. А затем, уже в самом конце соревнований, они снова стартовали. И тут Надя Соловей показала 7,6 секунды. Это время мы засекли по двум секундомерам. Так родился новый рекорд нашего клуба!

Вера Петрова, артековка из Ленинграда:

— Прошлой зимой я видела афиши «Кузнечика», которые приглашали на всесоюзный финал. Не помню, по какой причине, но смотреть соревнования я не пошла. А в Артеке сама стала членом спортклуба. И теперь меня не надо агитиро-

вать — сама знаю: «Кузнечик» — это здорово!

Сергей Швыдков, вожатый 8 отряда дружины «Алмазная»:

— О том, что существует такой спортклуб, я узнал несколько дней назад. И только сегодня с ним познакомился. И хочу, чтобы «Кузнечик» поселился в Артеке на постоянное жительство. Понимаете, я видел много ребячьих соревнований. И на них ребята всегда какие-то нервные, мрачные. А здесь — настоящий праздник!

Георгий Кадыков, артековец из города Дубна Московской области:

— «Кузнечик» — это проверка, как мы умеем прыгать и бегать. Все, кто вышли на старт, теперь знают, на что они способны.

Андрей Жеряев, артековец из города Ливны Орловской области:

— Этот день никогда



ТРЕНИРОВКА

не забуду. Сначала я бежал самым последним. Но тут на трибунах как закричат: «Андрей! Андрей!» И я стал всех обгонять. Еще бы немножко и занял первое место. Но и второе — хорошо.

Игорь Петров, вожатый дружины «Хрустальная»:

— Если бы и вожатые участвовали в соревнованиях, было бы еще интересней. А то что получается? Весь отряд соревнуется, а ты сиди на трибуне?

Петер Банатаки, гость Артека из Венгрии:

— Все было чудесно. Мне даже разрешили два раза прыгнуть в длину. И теперь, когда я вернусь в пионерский городок «Занка», который построен для венгерских ребят на берегу озера Балатон, я буду всем рассказывать, как участвовал в соревнованиях «кузнечиков».

Надя Соловей, артековка из города Мозырь Белорусской ССР:

— Когда мне сказали, что установила рекорд спортклуба «Кузнечик», я в первый момент не поверила. Потом ко мне подбежали тренеры спортклуба и говорят: «Молодец! Приглашаем тебя на всесоюзный финал». А я все равно не верю: я и вдруг — рекордсменка?

К этому нам остается добавить, что во время соревнований на призы журнала «Костер» и Управления легкой атлетики спорткомитета СССР все болельщики дружно скандировали: «Мо-лод-цы, «кузнечики!»», «Привет чемпионам!».

Репортаж вели:
Боря Останкович,
Сергея Дроздов,
Дима Агафонов,
Олег Денисенко и
Миша Лунев,
юнкоры пионерско-комсомольского отряда «Пламя»,
Пятигорск

Ведет заслуженный мастер спорта, заслуженный тренер СССР, главный тренер спортклуба «Кузнечик» Эдмунд Исидорович РОХЛИН

Может ли спринтер или прыгун в высоту или длину достичь успехов, занимаясь на тренировочных занятиях только лишь бегом или прыжками?

Некоторые молодые легкоатлеты, желая скорее достичь рекордных результатов в одном из видов легкой атлетики, идут по этому пути. И на первых порах это как будто приносит быстрый успех. Спортивные результаты начинают расти. Однако вскоре их рост прекращается, и все старания не приносят успеха. Наоборот, результаты даже ухудшаются.

Спортивный результат похож на здание. Для того, чтобы здание стояло прочно и могло быть высоким, под ним должен быть надежный фундамент. И чем выше здание, тем прочнее и глубже должен быть его фундамент. Правда, на сооружение фундамента нужно затратить много времени и труда. Но жалеть об этом не следует.

Таким фундаментом прочного, высокого спортивного результата является разносторонняя физическая подготовка. Она способствует воспитанию сильного, быстрого и волевого спортсмена.

Занимаясь только лишь спринтом или прыжками, разносторонне подготовить себя нельзя. Вот почему все юные легкоатлеты должны заниматься и бегом, и прыжками, и метаниями и включать в свою тренировку волейбол, баскетбол, городки, лапту, гимнастику, бег на лыжах и коньках и другие виды спорта.

Очень важно также применение специальных упражнений, развивающих силу, быстроту, гибкость, ловкость и работоспособность организма.

Тренировка юного легкоатлета — это тренировка «дальнего прицела». А правильно построенная разносторонняя тренировка принесет уверенный рост спортивного результата, высокий и надежный уровень выступлений на соревнованиях и рекорды!

УПРАЖНЕНИЯ С НАБИВНЫМ МЯЧОМ

Метания набивного мяча — очень полезное упражнение, развивающее силу, быстроту, ловкость, умение выполнять движение с ускорением.

Вес набивного мяча, в зависимости от возраста и подготовленности — 2—3 кг.

Упражнения выполнять вдвоем, с обязательной ловлей мяча.

Каждое упражнение выполнять широким свободным движением, стараясь метнуть мяч подальше, по 10—12 бросков.

1. Толкание мяча двумя руками от груди, вперед-вверх.
2. Броски мяча двумя руками из-за головы, вперед-вверх.
3. Броски мяча вперед-вверх, с выпрямлением ног.
4. Броски мяча назад, через себя.
5. Толкание мяча одной рукой (попеременно) вперед-вверх.
6. Броски мяча двумя руками вперед-вверх, с замахом между коленями.
7. Броски мяча двумя руками назад, между коленями, с замахом.
8. Броски мяча двумя ногами вперед-вверх.
9. Броски мяча двумя руками через сторону назад, закручивая туловище.
10. Броски мяча двумя руками вперед из положения лежа.

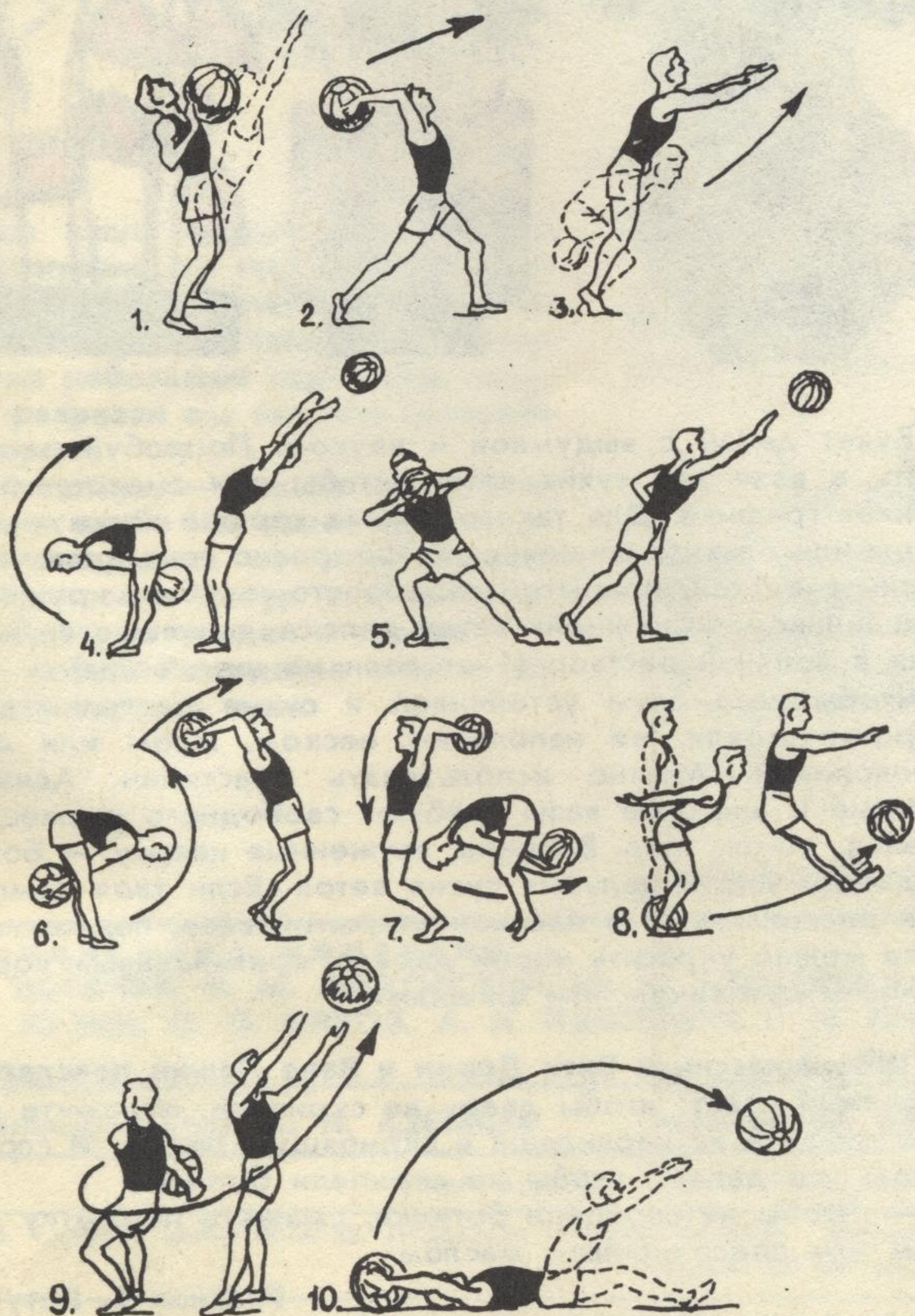




Рисунок
Ю. Беломлинской

Некий петербургский сановник, имевший обыкновение ругать все отечественное и восхвалять за границу, увидел в Москве знаменитый Пашков дом (ныне одно из зданий Библиотеки имени Ленина).

— Ну, уж это здание, — сказал он, — конечно, не у нас в России строили!

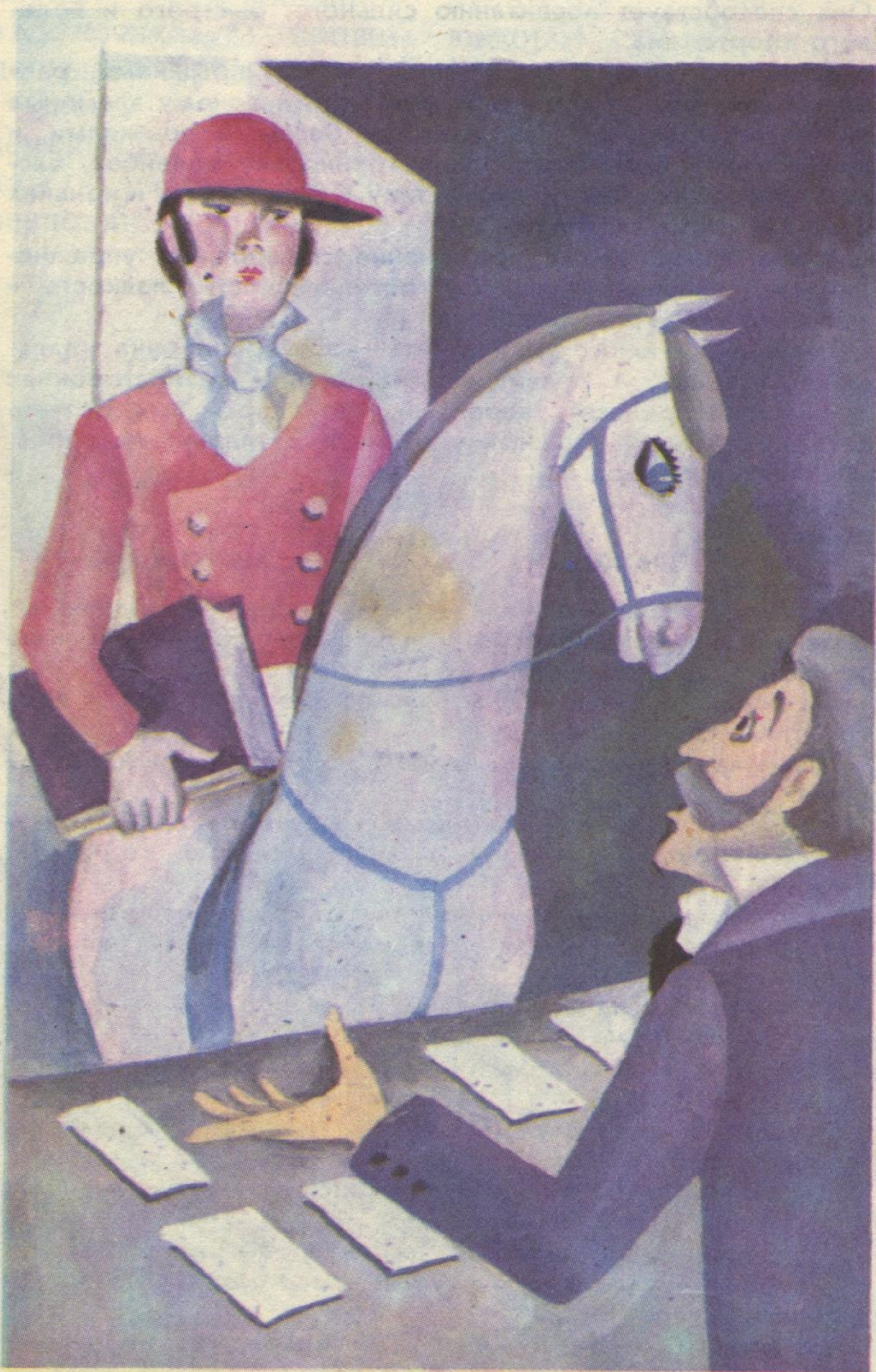
Известный физик Вуд однажды обнаружил, что в его большой оптической трубе поселился паук. Не долго думая, Вуд схватил кошку и засунул ее в трубу. Паутина была удалена, труба заблистала.

На лекцию астронома Савича явился студент, из титулованных бездельников. Он был одет в костюм для верховой езды, в руке — хлыст.

— Выражаю вам глубокую признательность, — обратился к нему Савич.

— За что? — опешил франт.

— За то, что вы не въехали в аудиторию на лошади.



Зимний букет украсит комнату, школьную библиотеку, класс. Материал для него можно собирать и летом и зимой. Походи по лесу, окраинам полей и дорог, по заброшенному пустырю. Ты найдешь соцветья дикой рябинки — пижмы, зонтики купыря лесного или борщевика, метелки тростника, колоски диких злаков. В садах растет спаржа с красными ягодками, шиповник, оранжевые фонарики — физалис. Для букета выбирай крепкие и красивые экземпляры растений. Но не забудь, что нельзя трогать растения, которые включены в список охраняемых. Охотка березовых веток, елового лапника или рябины — не украшение, а варварство.



Букет делай с выдумкой и вкусом. Попробуй расположить в вазе две сухих ветки, чтобы они смотрелись как тонкая графика. Для такого букета хороши ветки лиственницы или ольхи с шишечками. Интересно сочетание черной ветки с веткой, покрытой серебристо-голубым кружевным лишайником. «Снежной» ветку делают, помещая ее на два дня в соляной раствор (1 кг соли на литр воды).

Чтобы ваза была устойчивой и сухие растения в ней хорошо стояли, ее наполняют песком, мхом или мятой проволокой. Можно использовать пластилин. Асимметричные и широкие вазы требуют свободного размещения цветов, веток, трав. Высокие, зауженные сверху — больше подходят для отдельных сухих веток. Если твоя композиция располагается в плоской открытой вазе, подножие букета можно украсить корой дерева, оригинальным корнем, грибом-трутовиком или шишками.

Шестиклассники Витя Дорин и Валя Пашин прислали интересный совет: чтобы дверь не скрипела, положите кусочек графита из карандаша в скрипящую петлю. И спрашивают: что делать, чтобы не скрипели ботинки?

— Чтобы не скрипели ботинки, смажьте подметку льняным или подсолнечным маслом.

Рисунок Т. Петуховой

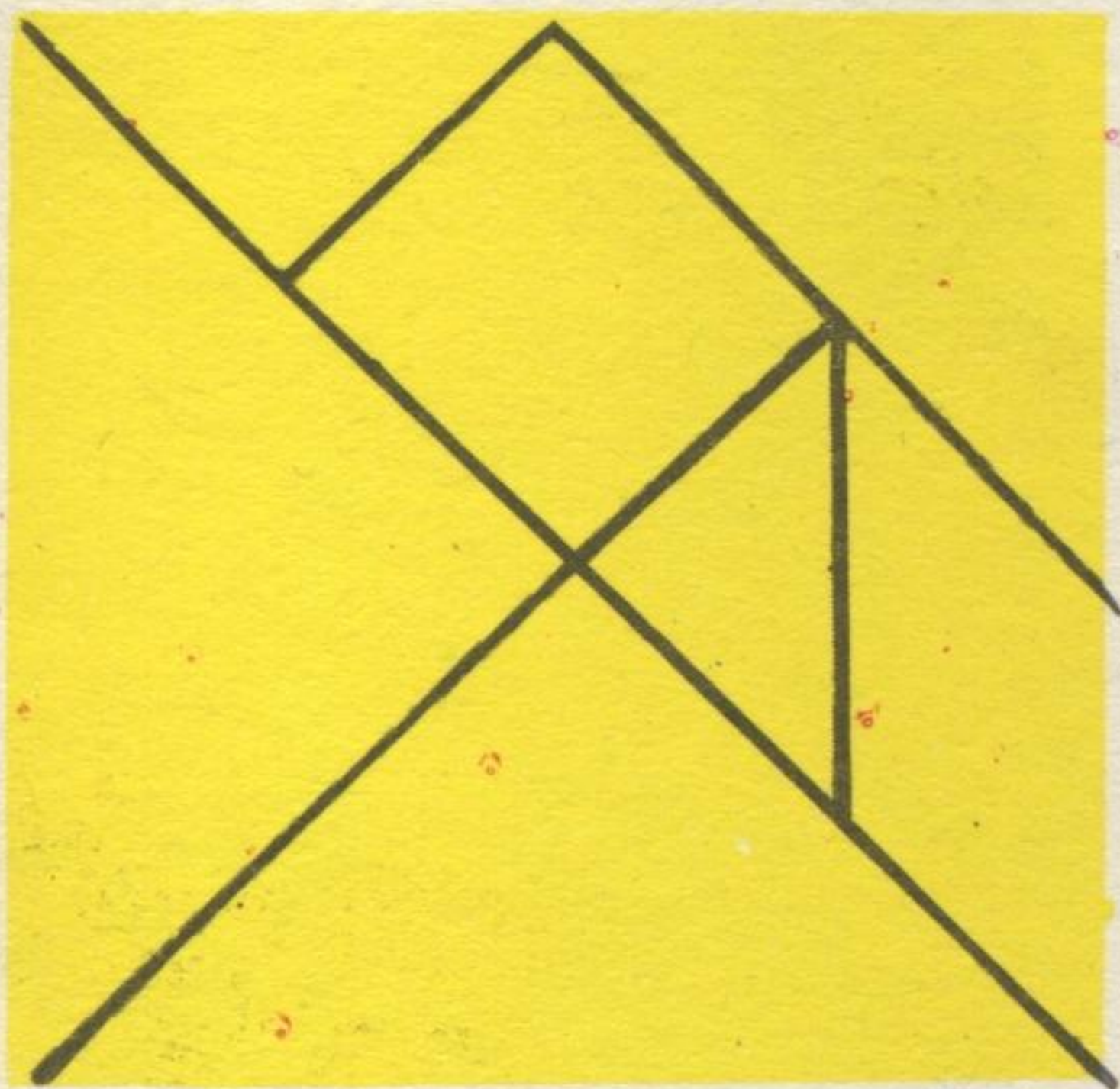


Шхуна «Икс» приплыла к берегам далекой Индии.

— Здесь издавна любили решать головоломки и задачи, — сказал капитан Разгадайка. — А самые известные математики состязались друг с другом на народных собраниях.

Мудрец Бхаскара, живший в XII веке, сочинил целый трактат, который назвал в честь своей дочери — «Лилавати». Среди задач, собранных в трактате, была и такая:

Если некоторое число умножить на 5, от произведения отнять его треть, остаток разделить на 10 и прибавить к этому последовательно $\frac{1}{3}$, $\frac{1}{2}$ и $\frac{1}{4}$ первоначального числа, то получится 68. Как велико искомое число!



Когда наши путешественники, после экскурсии по городу, вернулись на борт шхуны, Разгадайка предложил им сыграть в следующую игру. Он взял небольшой картонный квадрат и разрезал его так, как показано на рисунке.

— А теперь, — сказал он, — каждый член клуба «За семью печатями» будет складывать из получившихся геометрических фигур все те предметы, которые увидел в городе.

Для начала Разгадайка сложил из кусочков картона маяк.

Боцман Дваждыдва изобразил огромный мост.



Кок Чайнвордч сложил вот такую рыбу и зайца.

Юнга Румбик сложил всадника, скачущего на коне.



А этого симпатичного кота мог изобразить, конечно же, только кот Ангелс.

Попробуйте и вы, ребята, составить подобные фигуры. А, может быть, придумаете еще и новые!

ОТВЕТЫ НА ЗАДАНИЯ № 9

Гора, находящаяся близ мыса Доброй Надежды, называется Столовой. Волгоград и Мадагаскар находятся в одном часовом поясе. Следовательно, и в Волгограде был полдень.

Пустыни: Сахара, Атакама, Алашань, Кара-Кум, Калахари, Такламакан.

Метаграмма: роза-поза-пора-пара-парк.

Морской чайнворд: 1. Колумб. 2. Беринг. 3. Головин. 4. Нансен. 5. Никитин. 6. Невельской.

В закрашенных клетках: Врангель.

Главный редактор С. В. САХАРНОВ

Редакционная коллегия:

Л. А. БОГАЧУК, В. М. ВЕРХОВСКИЙ, Ю. Н. ЗАРУДНЕВ (зам. главного редактора), Л. С. КОКОРИНА (отв. секретарь), О. С. КУЗИН, О. П. ОРЛОВ, А. И. ПАНТЕЛЕЕВ, Р. П. ПОГОДИН, Е. В. СЕРОВА, Н. И. СЛАДКОВ, Г. П. ЧЕРНЫЙ, Г. М. ЧЕРНЯКОВА

Художник-редактор А. Н. АЗЕМША

Технический редактор В. И. МЕЦАТУНОВА

Корректор М. Е. РОШАЛЬ

Адрес редакции: 193024, Ленинград, ул. Мытнинская, 1/20, телефон: 274-15-72

М-31503. Сдано в набор 06.07.82. Подписано к печати 06.09.82. Формат 60×90¹/₈. Печ. л. 6. Усл. печ. л. 6. Уч.-изд. л. 7,7. Печать офсетная. Тираж 752 000 экз. Заказ 4897. Цена 30 к.

Ленинградская фабрика офсетной печати № 1 Союзполиграфпрома при Государственном комитете СССР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли. 197101, Ленинград, ул. Мира, 3.

Рауф ТАЛИПОВ

30 к.
Индекс 70445

ЧТО ЗА МОРЕ?

Ты слыхал про это море,
ты нырял в него с разбега,
ты видал, какие волны
поднимаются на нем?
Ты тогда, конечно, знаешь,
что оно — пышнее снега,
что оно — белее сливок
жарким августовским днем.
Это море без названья
есть у нас в Узбекистане,
это — хлопковое море,
берега в нем не видны.
И узбеки в это море
отплывают утром ранним
собирать пушистый хлопок,
очень нужный для страны.

ПОБЫВАТЬ БЫ МНЕ В СЕЛЕ!

Привозят мед
издалека,
привозят мед
из кишлака,
а там, наверно,
этот мед
медовый делает
завод!
Откуда столько
молока?
Его берут
из родника?
А хлеб на дереве
растет?
А булки
солнышко печет?

А выше всех
растет арбуз,
который слаще всех
на вкус.
Я так люблю
арбузы есть,
но как на дерево
залезть?

А мне кричат:
— Какой чужак!
Ты приезжай-ка
к нам в кишлак!
Увидишь,
где арбуз растет,
узнаешь,
кто нам хлеб печет,
откуда мед и молоко...
Не так уж ехать
далеко!

Перевела
с узбекского
Людмила БАРБАС

